

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14546

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 3 (16) СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14546

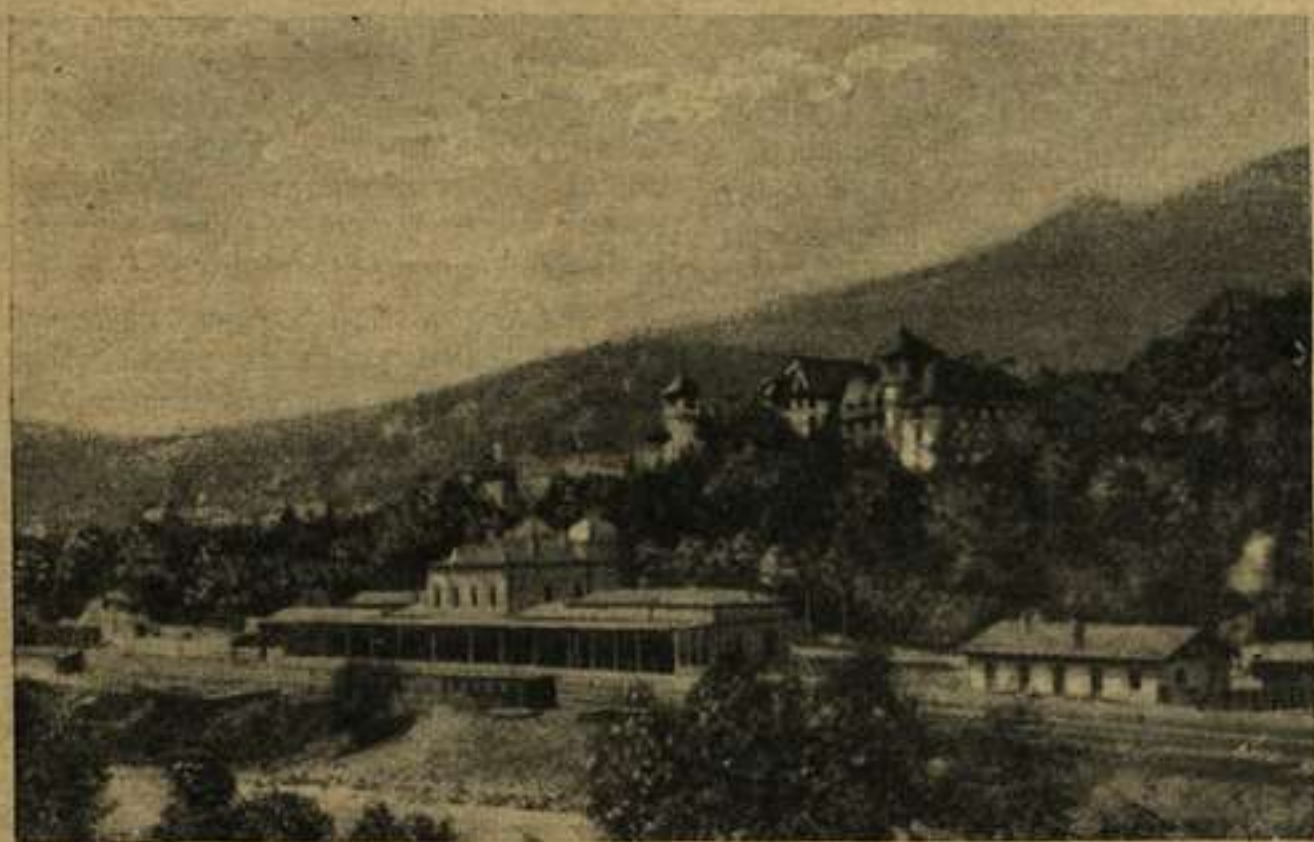
ВИДЫ РУМЫНИИ.

БУКАРЕСТЪ. — Общій видъ города.

СИНАИЯ. — Королевская дача — лѣтняя резиденція королевской семьи.

СИНАИЯ. — Станція жетзной дороги.

Конь рыжій.

«И вышелъ другой конь,
рыжій, и сидящему на немъ
даю взять мечь съ земли,
и чтобы убивали другъ дру-
га, и даю ему большой
мечь».

Апокалипсисъ.

Ты вызвалъ рыжаго коня,
Ты въ скачкѣ огненной летяшь,
Но ты не побѣдишь меня,
Нѣтъ, всадникъ, ты не побѣдишь!

Конь рыжій, блѣдный, вороной:
Смерть, голодъ, громы и огонь —

Все, всадникъ, вызвано тобой,
Но гдѣ победы блѣдный конь?

И пышетъ пламя изъ ноздрей,
Изъ гривы рыжаго коня.
Онъ въ полѣ, въ небѣ, средь морей,
Но ты не побѣдишь меня!

Ты слышишь голосъ? Я — Судьба,
И я простерла грозный перстъ,
Ты зришь несчетные гроба?
И для тебя одинъ отверзтъ.

Нѣтъ, всадникъ, ты не страшень мнѣ,
Земля не быть твоей рабой,
Нѣтъ, не на блѣдомъ ты конѣ,
Конь блѣдный, всадникъ, потъ тобой.

Н. Вилье.

Палата депутатовъ въ Бухарестѣ.

Бухарестскій университетъ.

Странный человекъ.

Вернувшись къ осени въ городъ, я, кажется, на слѣдующій же день встрѣтилъ на улицѣ Колосовскаго.

Все такъ же идти въ пять часовъ со службы, пѣшкомъ ради моціона—такой же прямой, приличный, безстрастный.

— Да вы, видимо, и не уѣзжали?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Колосовскій,— жена съ ребенкомъ въ имѣніи еще съ мая, а я не собрался. Выработывается, знаете, въ людяхъ послѣ сорока лѣтъ что-то механическое, какая-то любовь и привычка къ развѣденной правильности. Вотъ такъ и ходилъ я здѣсь ежедневно вездѣ и впередъ, какъ маятникъ.

Онъ указалъ длинной рукой на красивый фасадъ большого дома и скривилъ въ усмѣшку блѣдныя, тонкія губы. Какая болѣзненная и горькая—эта его обычная, будто бы немного презрительная усмѣшка. И, вообще, странный человекъ Колосовскій: есть въ его судбѣ какая-то тайна.

Средства у Колосовскаго хороши: онъ зашепталъ довольно виднѣе мѣсто въ одномъ частномъ дѣлѣ, да кромѣ того—понамалый доходъ, какъ говорятъ, даетъ ему благоустроенное имѣніе. У него очень красивая, еще совсѣмъ молодая жена и семилѣтній сынъ—веселый, славный ребенокъ.

За послѣдній годъ я почти каждое воскресенье игралъ въ карты въ этомъ домѣ, и хозяйникъ мнѣ казался все симпатичнѣе. Онъ это чувствовалъ и отвѣчалъ, повидимому, очень искреннимъ доброжелательствомъ. Правилась мнѣ, прежде всего, сама виѣшность Колосовскаго: его умный добрый и задумчивые глаза, и подвижныя, тонкія губы; нравилась его благородная барская осанка. Онъ говорилъ такимъ приятнымъ, спокойнымъ голосомъ, и такъ всегда аккуратно сидѣло на немъ, на его высокихъ плечахъ хорошо выглаженное платье.

Казалось бы, этому человеку даны всѣ условия счастья: и собственная порядочность и чистоплотность, рождающія спокойствіе духа, и вполне обезпеченныя матеріальныя средства, и гостеприимно-приятельная семейная обстановка. Елизавета Гавриловна—его жена—была лицомъ почти красавица,—ее только портитъ немного неуклюжая, точно несложившаяся фигура, и ходила она поэтому незящно, медвѣженкомъ. Крылось что-то дѣвичье въ ея прекрасныхъ, мягкихъ глазахъ, въ ея застѣнчивости и въ условныхъ движеніяхъ. Это была женщина безъ всякаго кокетства, безъ всякой виѣшней порочности и вызова, женщина семьи,—ласковая, податливая супруга и вѣжная мать.

Но у Колосовскаго сильно серебрились виски, несмотря на общую молодость, и часто улавливался его такой сосредоточенный и грустный, такой задумчиво-хмурый взглядъ. А главное—его усмѣшка,—въ ней полная безнадежность, въ ней глубокое разочарованіе жизнью. Нѣтъ, этотъ человекъ не счастливъ,—его гложетъ тяжелый душевный недугъ.

Чувствовалась для наблюдательнаго человека и какая-то странность въ его отношеніяхъ съ женою, какая-то замкнутость и сухость, точно они чего-то не договорились, не объяснились и развѣ навсегда такъ это и оставили. Я замѣтилъ, что онъ никогда ей не смотрѣлъ прямо въ глаза, а, обращаясь, скользилъ взглядомъ мимо.

Колосовскій жилъ очень однообразно,—сегодня, какъ вчера. Ежедневно ходилъ пѣшкомъ на службу, послѣ обѣда съ полчаса бесѣдовалъ и возился съ маленькимъ сыномъ, потомъ отправлялся вечеромъ въ клубъ. По воскресеньямъ обѣдали у него знакомые, и карты составлялись дома.

Только разъ, я помню, сдѣлалъ онъ нѣчто необычное: вышелъ пройтись вмѣстѣ со мною ночью, когда воскресные его гости разъѣхались. Было это вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Я цѣлую недѣлю провелъ присаживаясь въ даже физическая боль воспринимаетъ засѣдателемъ въ судѣ и рассказывалъ съ разными людьми разное. Пусть рана одна и та же, что общаго въ страданіяхъ дѣлѣ, когда большинствомъ голосовъ, вопреки моему мнѣнію, былъ оправданъ оскорбленный мужъ—убійца преступной жены.

Я возмущался:

— Рабовладельческій взглядъ на женщину... Безнравственные оправдательные приговоры... полуграмотные судьи... ярно брака...

Колосовскій меня поддержалъ.

— Нельзя, конечно, оправдывать такое самоуправство. Чувство, конечно, свободно...

На эту тему мы еще говорили довольно долго, нѣкоторые со мной спорили, но Колосовскій, кажется, больше не высказывался.

Позднѣе, именно въ этотъ самый вечеръ, онъ предложилъ мнѣ проводить меня домой.

— Здѣсь было очень душно въ комнатахъ,—если вы согласны, я хочу пройти съ вами пѣшкомъ.

Разговоръ былъ у насъ въ пути самый незначительный, о всякой всячинѣ, и только уже у подъѣзда моего дома Колосовскій неожиданно сказалъ:

— А все-таки это уже нѣкоторое счастье—имѣть нравственное право убить.

Я только успѣлъ къ нему вопросительно повернуться, сразу даже не вспомнивъ, къ чему относилось замѣчаніе, какъ Колосовскій быстро дернулъ мою руку и, прошепталъ: «прощайте! прощайте!» зашагалъ по улицѣ обратно.

Я его окликнулъ.

— Въ другой разъ, въ другой разъ...—отвѣтилъ онъ, обернувшись и форсируя голосъ, потому что насъ отдѣляло уже довольно большое разстояніе;—я вамъ непременно все расскажу.

Я остался на улицѣ совершенно озадаченный: какъ такая недержанность непохожа на Колосовскаго!

Но только этого другого раза такъ пока и не было. Колосовскій меня встрѣчалъ у себя дома съ прежней привѣтливостью и мягкостью тона, но не искалъ случая быть снова откровеннымъ, а я, разумеется, не настаивалъ.

Вотъ уже третье воскресенье, что я опять обѣдаю у Колосовскаго. Жены его пока еще нѣтъ, а изъ гостей приходятъ только Луговлячъ и Шерингъ,—мы немедленно послѣ обѣда садимся въ карты.

— А представьте себѣ, наши партнеры сегодня заняты,—сказалъ досадливо Колосовскій, встрѣчая меня въ усювленномъ часѣ на порогѣ своего кабинета: только что телефонировалъ Шерингъ, на него-то ужъ я рассчитывалъ.

Словомъ, случайно такъ вышло: мы обѣдали съ нимъ вдвоемъ и, что называется, разговорились.

А когда кофе и замѣчательную вишневую наливку, которой потчивали въ этомъ домѣ, принесли въ кабинетъ, то по возбужденному лицу Колосовскаго, по его блестящимъ глазамъ, по манерѣ нервно курить, я понялъ совершенно ясно, что именно сегодня мнѣ предстоитъ выслушать полную исповѣдь. Вѣдь все-таки—это былъ русскій человекъ Колосовскій, несмотря на всю свою наружную сухость, на свою замкнутую, почти чопорную корректность.

Я, правда, сдѣлалъ ему самъ необходимый вызовъ, заговоривъ объ его женѣ, о сынѣ, позавидовавъ счастьемъ его покоя и прочіей обезпеченности.

— Да... да... покой... счастье...—со своей горькой усмѣшкой откликнулся Колосовскій;—это всегда такъ кажется издали... наша лживая жизнь людей порядочныхъ...

И вотъ что онъ мнѣ сталъ рассказывать.

— Не ждите какой-нибудь страшной драмы: ея нѣтъ. Или вѣрнѣе—драма только въ душѣ. Но вѣдь отъ этого не легче,

въ городѣ ночью, оставивъ на мое имя короткую записку: «Поручаю тебѣ Лизу, я знаю, что она не будетъ въ тягость: ты ее любишь и не бросишь. За нее я спокоенъ».

И вы, конечно, понимаете, что при такихъ условіяхъ Лиза стала очень скоро моею женою. Ей совершенно искренно казалось, что она меня любитъ. Да вѣтъ! она меня дѣйствительно тогда любила.—это такъ. Она и сейчасъ меня все также любитъ, я на нее клеветую... Только какой любовью?

Какой одинокой, какой безпомощной осталась Лиза послѣ смерти отца... Но я былъ около. И я дѣйствительно бьюсь даже подумать, что бы съ ней стало, если бы меня не было. Лиза это хорошо понимаетъ. О! слишкомъ хорошо... Я такъ помню эти мимолетныя. Уже былъ августъ: желтые листья прыгали по дорожкѣ и холодомъ вѣяло отъ пруда. Мы стояли подъ березами у самой воды, и вдругъ Лиза, которая все приблизилась и только хмурилась, кинулась съ рыданиями мнѣ на грудь. «Лиза, Лиза», повторялъ я ея имя, вѣжно лаская волосы, какъ ребенку, и боялся коснуться губами ея щеки: «успокойся, не бойся жизни, вѣдь ты не одна, я буду всегда около, твой вѣрный и покорный другъ»...

— Да, да, я люблю васъ,—сказала мнѣ она черезъ нѣсколько дней, и сама охватила руками мою шею, и тутъ же меня не отпуская, вдругъ вся зарумянилась и застыдилась. А я ей въ тотъ вечеръ какъ разъ говорилъ о томъ, что хотѣлъ бы поѣхать за границу, но что одинъ, безъ нея, ни въ какомъ случаѣ не уѣду: «Наши жизненные пути, Лиза, встрѣтились,—отъ тебя зависить, какъ ихъ повернуть». Я даже пошутилъ: «Хочешь, я въ качествѣ опекуна буду здѣсь сидѣть и выдавать тебѣ замужъ? И буду еще нянчить твоихъ дѣтей?» «Я выйду только за васъ», подхватывая мой шутливый тонъ, отвѣтила мнѣ Лиза, а потомъ—вотъ тутъ-то она ко мнѣ и бросилась: «да, да, я васъ люблю!»

И мы черезъ три мѣсяца уѣхали съ ней за границу, уже какъ мужъ и жена. Чувствовалъ ли я себя счастливымъ? Да, конечно. Вѣдь я обожаю Лизу: это вы знаете. Только я теперь многое вижу въ этомъ свѣтѣ. И что я тогда себѣ объяснялъ въ молодой женѣ ея слишкомъ полной неспорченностью, невинностью полуребенка,—кажется мнѣ уже недостаткомъ настоящаго чувства, непробыжженіемъ женщины... Можетъ быть, съ другимъ...

Но мы, во всякомъ случаѣ, были тогда счастливы: иначе нельзя назвать. Были счастливы на итальянскихъ озерахъ и бродя по Риму, и въ большихъ швейцарскихъ гостиницахъ, гдѣ я даже не помню, кто жилъ рядомъ, кто ежедневно вмѣстѣ съ нами обѣдалъ. Были счастливы потому здѣсь, когда устраивали себѣ квартиру и налаживали земную жизнь. Были счастливы дѣломъ у себя въ имѣніи. Жена выѣздовъ никогда не любила,—конфузилась, не умѣла одѣться. Она была занята хозяйствомъ, чтеніемъ, а главное—поглощена нашимъ маленькимъ Одей, съ которымъ радостно отправлялась въ деревню каждую весну, какъ можно раньше. И ей хотѣлось еще ребенка. А посторонніе люди, знакомые, для насъ какъ-то совсѣмъ не существовали; собирались, какъ и теперь, ко мнѣ иногда играть въ карты, но Лиза была для нихъ только хозяйкой, никогда женщиной, кокетничавшей дамой. Неправда ли,—это и сейчасъ такъ? Я даже себѣ не могъ вовсе представить, такой мысли у меня и не было, чтобы кто-нибудь изъ гостей, изъ постороннихъ вдругъ сталъ почему-то для насъ нужнымъ или опаснымъ. Лиза, Одея и я—конечно, замкнуто, остальные—это чужіе, это докторъ, если случится болѣзнь, это сослуживецъ по дѣлу, партнеръ для картъ.

Совершенно неожиданно застрѣлился ея отецъ. Мы какъ-то за послѣдній мѣсяцъ своего сближенія о немъ совсѣмъ забыли, а онъ постоянно бѣдалъ по какимъ-то дѣламъ въ городѣ, оставался тамъ ночевать и вообще жилъ своей особой отъ насъ лживо. Это былъ гордый человекъ, не любившій откровенничать, боявшійся сочувствія, какъ милостыни. Лиза мнѣ нѣсколько разъ говорила, что отецъ ее очень беспокоитъ, что онъ сталъ пить послѣ смерти жены и, повидимому, ведетъ крупную игру въ карты. Какъ оказалось впоследствии, онъ вообще окончательно разошелся и задолжалъ, уже давно взявшись за разные подряды и спекуляціи. Но баринъ по рожденію, щепетильно-честный, онъ, разумеется, только потерялъ свои собственные небольшія средства какъ разъ на томъ, гдѣ другіе наживаются. Застрѣлился онъ въ меблированныхъ комнатахъ, картъ.

Вы ждете

поваго опас

ника. Но

такъ просе

ю не

человекъ дѣ

Это былъ м

молодой чел

курса, но

ливый, ш

не любилъ э

съ чувствен

дѣрутыми

я собираюс

лодой чело

чивый, добр

но такъ... а

никъ, очень

шеніяхъ. В

хроническая

человекъ ш

куда-то гон

кругомъ по

собности, т

теперь кар

то въ прови

имѣть усп

Сестра п

буду на слу

ныхъ медѣ

въ столицѣ

способно

она мнѣ: «ч

хочешь»...

Въ концѣ

ша непрем

только я п

мнѣ какъ-т

письмомъ м

неизбѣжной

Мнѣ был

ко я скоро

трудно. Эт

не матерья

пить что

какое-нибудь

относился

ностью, как

домѣ—не

родномъ ум

узь не гот

туду. И в

тиченъ,—ч

подкунала

ность. Но

наго, совсѣ

скіе романс

Прожили

вотъ мы, я

Вы ждете, теперь, конечно, появления нового опасного лица, появления любовника. Но знайте — история не так проста: любовник — это слово не годится. Только новый человек действительно у нас появился. Это был мой племянник, сын сестры. молодой человек, шедший по кончивший курсу, но живой, интересный, даже талантливый, пожалуй и красивый. И, впрочем, не любил этих бритых актерских лиц с чувственными губами, с глазами, подернутыми томной влагой. Не думайте, что я собираюсь его бранить, наоборот: молодой человек вовсе не скверный, отзывчивый, добрый, если хотите, благородный, но так... артистическая натура, бездельник, очень избалованный во всех отношениях. Ведь даровитость — это, как хроническая нервная болезнь: не сидится человеку на месте, тревожит, мучает, куда-то гонит. А тут еще родственники кругом подстрекают: «выдающийся способности, талант!» Вот он и кончил теперь карьерой опереточного актера где-то в провинции, а впрочем — я читал — имевший успех...

Сестра просила его устроить куда-нибудь на службу. Из-за вездь всегда из разных медвежьих уголков кажется, что в столицу можно все свезти. «Такому способному человеку, как Миша», писала она мне: «ты, разумеется, если только захочешь»... ну, и так далее, так далее... В конце письма оказывалось, что ее Миша непременно будет министром, если только я помогу. Вот он и явился ко мне как-то утром с этим самым письмом матери, с чемоданом и со своей неизбежной гитарой. Стал у нас жить.

Мне было жаль молодого человека, только и скоро понял, что устроить его очень трудно. Это уже сложившаяся фигура, а у него, оказывается, долги, которые его недорослем, но и с любимым, самым не материал, из которого можно выгнать что угодно. Его не удовлетворит перейти к нормальной жизни. Я взялся аномь я бы, кажется, мог тогда оставить какое-нибудь ничтожное жалованье, он их заплатит, но под условием, что он начнет очень серьезно заниматься. Я еще задержался в городе на целых к осени. А Миша, по моему, ровно ничего не делал: ходил удить рыбу, купаться, любовался лунными вечерами, много пил, играл на гитаре, рассказывал, что хотел писать роман. Я решил с ним поговорить — окончательно и строго.

Теперь мне кажется, будто я уже с первых дней заметил какую-то странную перемену в Лизе: беспокойное выражение глаз, нервозность. И я ее действительно два раза спрашивал о здоровье; она мне показалась заплаканной, грустной, жаловалась на головную боль.

Прожил он у нас месяца два, и люди для нас не существовали. Не то, А, впрочем, здесь история не такая, — вот мы, наконец, что порешили. Были что с ним, с этим племянником — не то, не то...

Посещение японской миссией редакции «Нового Времени». — Японские гости у входа в редакцию.

Съ фот. П. И. Болкова.

Вот уже две недели, что я живу с ними в имении. У меня была срочная работа, — большое юбилейное издание о деятельности нашего общества; я ее готовил в одиночку. Я еще задержался в городе на целых к осени. А Миша, по моему, ровно ничего не делал: ходил удить рыбу, купаться, любовался лунными вечерами, много пил, играл на гитаре, рассказывал, что хотел писать роман. Я решил с ним поговорить — окончательно и строго.

Теперь мне кажется, будто я уже с первых дней заметил какую-то странную перемену в Лизе: беспокойное выражение глаз, нервозность. И я ее действительно два раза спрашивал о здоровье; она мне показалась заплаканной, грустной, жаловалась на головную боль.

НА ГАЛИЦЬСКОМЪ ФРОНТѢ.

Русскія войска въ окопахъ.

Русскія батареи у лѣса.

Снимки англійскаго корреспондента.

ПРИБЫТИЕ РУССКИХ ВОЙСКЪ ВЪ САЛОНИКИ.

Генералъ Саррайль обходитъ русскій отрядъ.

Но вотъ и памятный день. Это было очень жаркое и душное утро. Я отослалъ работу и пошелъ къ рѣкѣ: туда отправились Лиза и Миша. И я ихъ, правда, скоро увидѣлъ,—надо было только пройти версты полторы молодымъ лѣсомъ. Но я ихъ даже не окликнулъ: Лиза сидѣла у куста на полянѣ, а Миша растянулся тутъ же въ травѣ, бреча на гитарѣ, и голова его лежала у нея на колыняхъ. Фамильярность, можетъ быть, и допустимая, но мнѣ она какъ-то сразу не понравилась. Мало того: она меня взбѣсила. Это такъ не похоже на Лизу, не въ ея привычкахъ, это, понимаете, что-то такое не ея, что-то распущенное, кабацкое, совсѣмъ чуждое. Я вообще не люблю распущенности, и меня взяла злость на племянника: валается вотъ такъ цѣлый день взрослый, здоровый тунеядецъ, и охота съ нимъ сидѣть Лизѣ! Какъ ей не стыдно! Съ утра гитара, непринужденныя позы, валяніе въ травѣ,—точно прислуга въ праздникъ. Я былъ радъ, что меня не видѣли, и поскорѣй вернулся.

Едва высидѣлъ послѣ за обѣдомъ: та-праздныя люди имѣютъ растлѣвающее кимъ мнѣ противнымъ казался этотъ Ми-шляніе. Я внимательно посмотрѣлъ на Лизу: разпервленная, блѣдная, точно на-апетитомъ. Надо будетъ съ нимъ погово-сторожившаяся... «Чте это съ ней?»

Шт.-кап. Алексѣй Ив. Шалуниѣ. Получилъ цѣлый рядъ боевыхъ наградъ; кавалеръ ордена св. Георгія и кавалеръ орд. Почетнаго Легіона.

впервые во мнѣ шевельнулась какая-то нескладная, неприятная, что-то большое за собой тянущая мысль

Подъ вечеръ я вышелъ въ садъ. Я все-таки себя заставилъ заниматься послѣ обѣда, и неприятное чувство понемногу улеглось. Казалось даже страннымъ, что я такъ разволновался. Но мнѣ хотѣлось повидать Лизу одну.

— Барыня прошли къ рѣкѣ вмѣстѣ съ Михайломъ Аверьянчемъ,—отвѣтила на мой вопросъ возвращавшаяся съ Феди няня.

«Опять къ рѣкѣ: опять съ этимъ тупеядцемъ! Теперь что-жъ? лодка? купанье?»

Я повернулъ въ другую сторону, въ глубину сада. Тамъ была густо заросшая стало тогда отчетливымъ. Она даже приплющомъ бесѣдка,—я вошелъ и сѣлъ на сломила къ перекладинѣ. О, какъ я скамью. «А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, отъ гочно помню этотъ разговоръ, каждый него нѣтъ теперь проходу. Онъ вѣчно звукъ, каждую интонацію! около Лизы, и онъ мнѣ рѣшительно на- — Оставьте меня, Миша,—уѣзжайте, добѣ!»

Внезапно я услышалъ голоса «Лиза и Миша... да, да, они... приближаются къ силъ онъ.

онъ намъ не подходитъ. Распущенные, бесѣдкѣ. Они уже почти здѣсь, но гово-рять тихо. Кажется, войдутъ».

Вдругъ Лиза остановилась по ту сто-рону листовенной завѣсы, буквально въ за-одною отъ меня шагъ, и каждое слово любви...

Ген.-лейт. Лолуновъ, участ. Турецк. каллани 1877 г., въ илншнюю войну былъ раненъ въ Галиціи. Кагранд. орд. св. Георгія 3 и 4 ст.

Сестра милосердія Георгіевской Общины Людмила Ивановна Любимова. Награждена золотою Георгіевскою медалью «За храбрость», первой степени.

ВОЙНА ВЪ АЛЬГАХЪ.

Итальянскіе посты за снѣжной линіей, на высотѣ болѣе 10 тыс. футовъ..

Форты итальянцевъ на снѣжныхъ вершинахъ.

Прaporшч. Мих. Никол. Молчановъ.
Скончался отъ ранъ.

Я услышалъ ея движеніе. Она, кажется, отстранилась отъ его руки.

— Оставьте, уѣзжайте, пожалуйста меня. Обманывать подло. Вы вѣдь его уважаете,—я знаю.

— Но мнѣ такъ горько отъ васъ отка- заться...

— И мнѣ, можетъ быть, горько...

О, какія страшныя слова она сказала!

— Ты меня любишь, Лиза... — началъ онъ задыхающимся шепотомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—любовно отвѣтила она,—я васъ любить не буду... моя жизнь принадлежитъ мужу... и я сама отсюда уѣду, если вы еще останетесь... я его попрошу... признаюсь...

Она стала отходить отъ бесѣдки быстро, быстро...

«Уважаемый муж! не рѣшусь бросить! подло обманывать... принадлежу...» вотъ тѣ мертвыя выраженія, которыя относились ко мнѣ,—безчувственныя, официальныя... «Оставьте, пожалуйста», и этотъ безпомощно умоляющій тонъ—вотъ гдѣ ея душа, кровь, волненіе. Любить, любить...

Я сидѣлъ въ бесѣдкѣ до полной темноты—ошеломленный, обезличенный. На моей сторонѣ—привычка, покой, старая дружба, совѣсть, но радостный огонь уже разбуженнаго чувства тннется къ нему. Лиза и прежде никогда не говорила со мной такимъ тономъ, такимъ взволнован-

нымъ, отражающимъ душу голосомъ. «Мнѣ, можетъ быть, тоже горько»—это ея нѣтъбывшее робкое полупризнаніе куда поинѣе и ярче того дѣтскаго порыва: «я васъ люблю», который тогда рѣшилъ наши отношенія. Здѣсь есть что-то куда болѣе глубокое, страшное, стыдливо-грѣховное, чего тамъ не было,—естъ стихія женской страсти.

Вечеромъ ко мнѣ въ комнату пришелъ Миша,—я съ ними не ужиналъ, сославшись на нездоровье и на работу.

— Прости, дядя... ты занятъ, я всего нѣсколько словъ,—сказалъ онъ,—я хочу уѣхать.

— Уѣхать?

— Да. Изъ нашего соглашенія ничего не выйдетъ, не стану тебя обманывать.

Я такъ ясно помню, какъ повторилъ за нимъ слово «обманывать», внимательно на него глядя. «Ей нравятся эти влажные глаза и толстыя губы, и этотъ немножко хриплый,—какъ принято говорить, задуманный голосъ».

Миша сѣлъ.

— Дѣло въ томъ, что я все равно не занимаюсь, и нашего уговора не исполню. Вотъ уже нѣсколько дней, что я все думаю къ тебѣ обратиться...

Онъ какъ-будто немного замаялся подъ моимъ очень внимательнымъ взглядомъ. — Теперь я рѣшилъ окончательно. Дай мнѣ пятьдесятъ рублей, чтобы выѣхать къ матери. Спасибо за заботу, за желаніе помочь, за деньги, но не хочу быть тунеядцемъ и тебя обманывать.

Онъ точно нарочно сказалъ эти оба слова — и тупеяще, и обманывать. Затѣмъ протянулъ руку.

— Спасибо, дядя...

Въ его глазахъ, въ голосѣ была искренняя сердечность, растроганность.

— Хорошо, Миша,—завтра погово- римъ, я очень занятъ, не хочу отзы- ваться...

Марія Гавриловна САВИНА.
Нѣ годовщинѣ ея кончины (8 сентября 1915 г.).

дело, откровенно, и я хорошо понимаю, что ей самой лучше остаться около меня. Я ей пока нуженъ. Нѣжная отеческая любовь къ этой порученной мнѣ сиротѣ пересилила то гордое, эгоистическое чувство оскорбленнаго мужчины, которому я готовъ былъ поддаться.

Но понимаете... Былой миражъ личнаго счастья уже разсѣялся окончательно. Какъ женщина, я ей этого все-таки не забуду. Робость, нравственныя понятія, уваженіе ко мнѣ—вотъ что тогда удержало Лизу. Чортъ съ нами—съ этимъ нравственными понятіями! Ужъ лучше-бы измѣнила, ушла,—мало ли какія быва- ютъ въ жизни случайности! Убей или прости...

А дуть... Тутъ ее прощать не за что: она сдѣлала все, что можетъ сдѣлать порядочная женщина, честная жена. И не за что ее, конечно, убивать: невозможна. Она и сейчасъ готова считать свое увлеченіе какимъ-то колдовствомъ, дьявольскимъ из- вожденіемъ, готова себя увѣрить, что по настоящему любила въ жизни только меня. Но вѣдь я-то знаю: любовь всегда колдовство, всегда невозможна,— нѣтъ чаръ—нѣтъ и любви. Она тогда отошла, испугалась... О, какъ, значитъ, захватывали ее эти чары!

И вотъ вамъ два человѣка около одной и той же женщины: онъ и я. Какъ я хотѣлъ бы быть имъ, а не собою!.. Этимъ изволнованнымъ ее бездѣльникомъ съ чувственными губами, а не счастливымъ семейникомъ, чья честь неприкосновенна. Вы это понимаете?

В. Овчинникъ.

Жижній-Новгородъ.

(Изъ писемъ съ Волги).

Къ сестрѣ родной сестра меньшая
Прильнула съ ласкою живой,
Теченье Волги, бѣгъ смиряя,
Слилася съ трепетной Окой.

Безъ стѣнъ дворцовъ, безъ пышныхъ зданій

Стоитъ тамъ городъ, какъ и эгоарь,
Въ своемъ простомъ очарованіи
Она городовъ приволжскихъ царь.

Она прихотливо разукрашена
Помойнымъ своимъ монастыремъ
И возвышеніемъ древнихъ башенъ

И жизнью ярмарки своей
Внизу-жъ къ сестрѣ сестра меньшая
Прильнула съ ласкою живой,—
Теченье Волги, бѣгъ смиряя,

Слилася съ трепетной Окой.

Н. Давидовъ.

Прaporшч. Александръ Ив. Неліусъ.
Паль смертью храбрыхъ, 10 мая с. г.

Подпоручикъ Б. А. Михайловъ.
Паль смертью храбрыхъ.

— А завтра бы мнѣ уѣхать...
— Утромъ, утромъ, поговоримъ у-

ромъ... Я всталъ почти выпреживая его изъ комнаты. У меня еще не было отвѣта, не было рѣшенія. Лиза его любила. Какъ быть? Какъ это пережить? Ничего не сказать, принять ихъ жертву? Нѣтъ! Нѣтъ! Это невозможно. Мое счастье уже разбито: ей правятся его глаза, волнуется этотъ хриплый голосъ, а я останусь съ ней въ спальнѣ? Онъ завтра уѣдетъ, а я все-таки останусь? Нѣтъ! Надо объяснить-

ся съ Лизой... Она ко мнѣ пришла очень скоро, — вѣроятно, минутъ черезъ десять.

— Лиза, Лиза, — я знаю все... Ты его любишь.

Она остановилась, смертельно поблѣднѣвшая, смотря испуганными глазами.

— Онъ тебѣ говорил?—спросила она тихо.

— Нѣтъ, нѣтъ. Но я знаю... Догадался, слышалъ... Лиза, отвѣтъ—это правда? Она молчала.

— Отвѣтъ, Лиза...

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, и подошла, и взяла меня за руку. Я былъ, по всей вѣроятности, страшенъ. Я это понималъ по ея лицу.

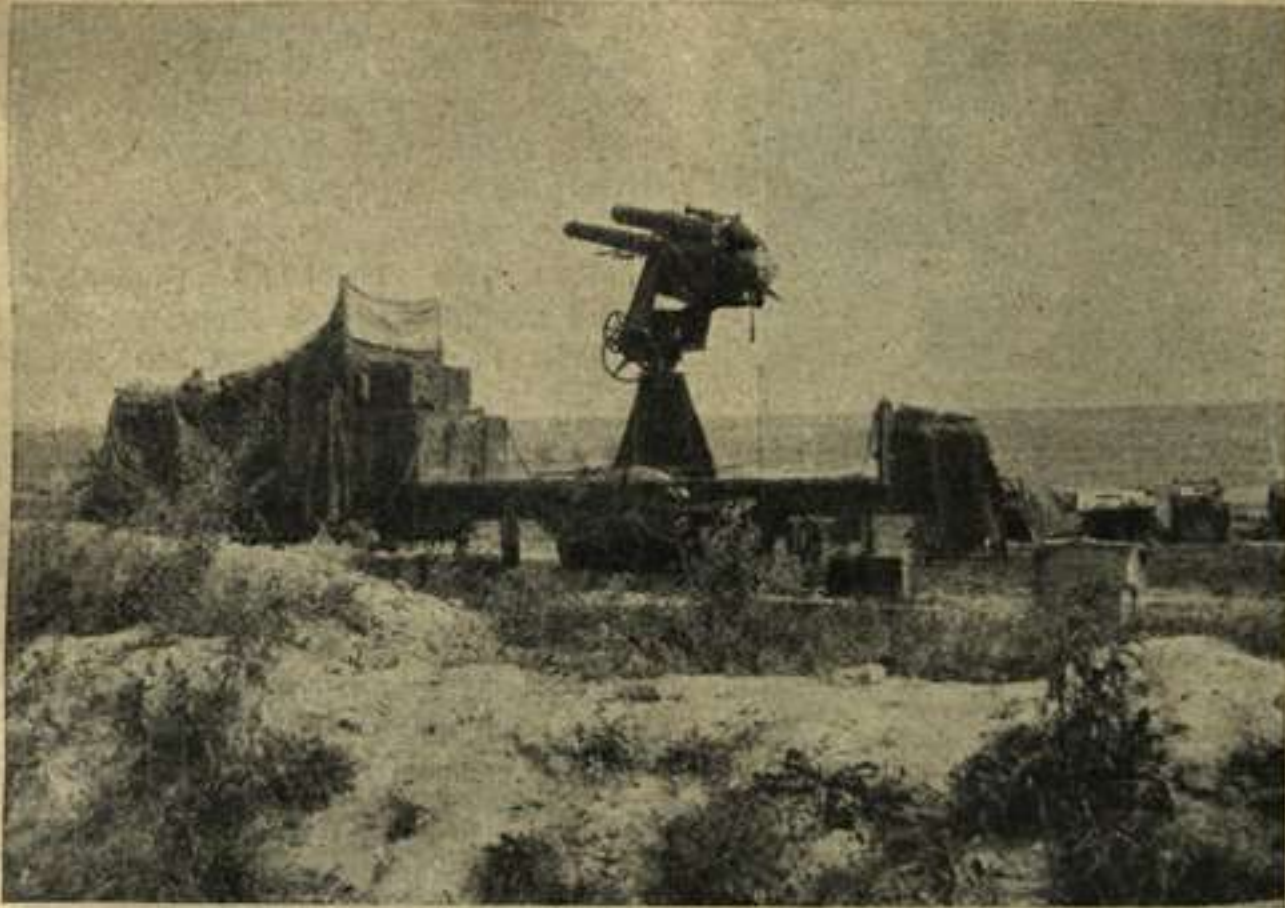
— Пусть онъ завтра уѣдетъ,—сказала мнѣ Лиза,—мы будемъ снова вдвоемъ... Отправь его, отошли... Это просто такъ... Какое-то безуміе, колдовство...

Я отстранилъ Лизу и, взявъ со стола шляпу, вышелъ изъ дому: рѣшеніе было найдено. Никому ничего не говоря, я пошелъ пѣшкомъ на желѣзнодорожную станцію и часа черезъ три уже выѣхалъ съ первымъ ночнымъ поѣздомъ. Лучше уѣду самъ, чѣмъ принимать ихъ жертвы. Не надо этихъ обязательствъ, сожалѣній,— благодарности къ благодѣтелю.

Но Лиза за мной прѣехала черезъ два дня. Я многое за это время передумалъ и перерѣшилъ. Я ее ждалъ. Мы говорили

Шт.-нап. Борисъ Владиміровичъ Корманскій
Убитъ 26 июля подъ Новелемъ.

Английская автомобильная пушка для разстрела аэропланов, успешно применявшаяся в битве на рѣкѣ Соммѣ.

Послѣдній романъ Франца-Иосифа.

Княгиня Радзивилль, издавшая недавно книгу своихъ мемуаровъ о близко ей знакомой жизни европейскихъ дворовъ, посвящаетъ въ «Revue» небольшую статью романамъ Габсбурговъ. По ея словамъ, принцы Австрійскаго дома всегда отличались крайней распушенностью нравовъ, и подробное описание ихъ похождения превратилось въ недопустимо-скандальную хронику. Княгиня Радзивилль останавливается, поэтому, только на наиболее «пристойныхъ», по выражению «Revue», любовныхъ исторіяхъ, въ томъ числѣ на связи императора Франца-Иосифа съ актрисой Бургъ-театра Катериной Шраттъ.

Франц-Иосифъ съ молодыхъ лѣтъ увлекался безчисленнымъ множествомъ женщинъ и славился своей невѣрностью и непостоянствомъ. До женитьбы онъ ухаживалъ за всеми хорошенькими внѣнками, и мать его, эрцгерцогиня Софія, покровительствовала его любовнымъ интригамъ, надѣясь отдалить его такимъ образомъ отъ политики и захватить всю власть въ свои руки. Однако, она ошиблась въ своихъ расчетахъ: сынъ не уступалъ ей въ честолюбіи.

Тогда, чтобы положить конецъ нежелательнымъ толкамъ, вызваннымъ слишкомъ разсыпанной жизнью молодого императора, она рѣшила его женить. Но уже черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы Франц-Иосифъ влюбился въ какую-то польскую графиню, и оскорбленная императрица Елизавета навсегда отвернулась отъ мужа.

Франц-Иосифъ, впрочемъ, вскорѣ бросилъ графиню и, оставивъ придворныхъ дамъ, такъ какъ это вело къ слишкомъ большому осложненію, занялся актрисами, по преимуществу внѣшней Бургъ-театра. Среди нихъ онъ и встрѣтилъ Катерину Шраттъ.

Это была самая сильная и длительная привязанность въ жизни этого глубоко эгоистичнаго и безсердечнаго человѣка. Катерину Шраттъ нельзя было назвать красавицей, но въ ней было много обаянія: чудесные глаза, прелестная улыбка, живой, насмѣшливый умъ. Франц-Иосифъ былъ увѣренъ, что стоитъ ему обратиться на нее вниманіе, и она падетъ въ его объятія, гордясь оказанной ей честью. Но тутъ его ждало разочарованіе.

Когда фрау Шраттъ передали, что императоръ желалъ бы ее видѣть не только на подмосткахъ, она пожалѣла, что живеть въ слишкомъ скромной обстановкѣ, чтобы принести у себя такого высокаго

гостя. Ей и въ голову не приходило, чтобы она могла встрѣтиться съ Францемъ-Иосифомъ въ укромныхъ покояхъ дворца, гдѣ императоръ устраивалъ свои свиданія. Прошло нѣкоторое время, и однажды фрау Шраттъ доложили, что ее хотятъ видѣть какой-то офицеръ. Она вышла къ нему: это былъ самъ Франц-Иосифъ. Убѣдившись, что гора не идетъ къ Магомету, онъ рѣшилъ, что Магометъ самъ пойдетъ къ горѣ.

Императоръ сталъ навѣщать актрису все чаще и чаще, затѣмъ они стали видѣться каждый день, и, какъ утверждали злые языки, близость ихъ продолжается до сихъ поръ, что звучитъ немножко жестокой правдой, потому что императоръ

Тайн. сов. А. П. Осининъ, завѣдующій общимъ дежурствомъ по министерству путей сообщенія.
Къ 50-лѣтію государственной службы.

тору сейчасъ 86 лѣтъ, а его дамъ за шестьдесятъ. Но во всякомъ случаѣ между ними сохранились привязанность и дружба.

Катерина Шраттъ имѣла большое вліяніе на Франца-Иосифа, находившаго у нея иллюзію домашняго очага. Но она всегда держала себя вдали отъ политики и выказывала много такта. Когда она была еще восходящей звѣздой при высочайшемъ дворѣ, императрица Елизавета,

узнавъ о серьезномъ увлеченіи мужа, пожелала познакомиться съ актрисой и была очарована ею. Съ тѣхъ поръ связь императора съ Катериной Шраттъ стала фактомъ общепризнаннымъ и чуть ли не установленнымъ официально.

Фрау Шраттъ всюду сопровождала Франца-Иосифа. Онъ купилъ ей великолѣпную, художественно обставленную виллу въ окрестностяхъ Вѣны, выстроилъ для нея коттеджъ въ Ишлѣ, дачномъ мѣстѣ, которое онъ предпочиталъ всѣмъ другимъ, даже Шенбрунну.

О связи императора естественно ходитъ много разсказовъ и анекдотовъ. Княгиня Радзивилль приводитъ одинъ изъ нихъ. Однажды Франц-Иосифъ, посѣщавшій фрау Шраттъ обыкновенно по вечерамъ, засидѣлся у нея дольше обыкновеннаго. Новый слуга актрисы, еще не посвященный въ подробности интимной жизни своей хозяйки, былъ очень испуганъ, увидѣвъ рано утромъ незнакомаго ему мужчину, выходящаго изъ дома г-жи Шраттъ. Недолго думая, онъ поднялъ тревогу; собралась толпа, но тутъ кто-то узналъ въ мнимомъ грабителѣ императора, и Франц-Иосифъ подъ призывные крики благополучно отбылъ во дворецъ.

Послѣ трагической смерти императрицы Елизаветы положеніе всесильной фаворитки еще болѣе упрочилось. Императоръ неожиданно воспылалъ страстью къ покойной супругѣ, съ которой при жизни всегда избѣгалъ встрѣчаться, и фрау Шраттъ съ большимъ тактомъ утѣшала его. Начались разговоры, что многолѣтняя дружба Франца-Иосифа съ актрисой закончится морганатическимъ бракомъ. Но фрау Шраттъ, всегда отличавшаяся большой независимостью, заявила, что этотъ бракъ былъ бы для нея большей честью, но также тяжкимъ бременемъ, и что она предпочитаетъ сохранить свою свободу. Она отказалась также отъ титула графини или баронессы, предложеннаго ей, и, на прочнаго видѣнія былой помѣщицкой ходя, что это неожиданное дворянство поведетъ ее къ двусмысленнымъ разговорамъ. Единственное, что Франц-Иосифъ могъ дарить ей безпрепятственно, это деньги и драгоценности, и въ настоящее время фрау Шраттъ очень богатая женщина.

Она сумѣла поддержать добрыя или по крайней мѣрѣ невраждебныя отношенія со всеми членами Габсбургскаго дома, давая имъ понять, что послѣ кончины престарѣлаго императора она навсегда исчезнетъ съ горизонта внѣшней политики, и что имъ не придется пожалѣть о своемъ великодушіи къ ней. Она терпѣливо ждетъ этого времени и старается пока скрасить свою привязанностью жизнь одинокаго императора, извѣстнаго тѣмъ, что его никогда никто не любилъ, и, кромѣ этой актрисы, этотъ лицемерный, эгоистичный и черствый человѣкъ никогда не имѣлъ друга.

Литературныя замѣтки.

Нѣчто, литературѣ нужное...

Недавно вышла интересная брошюра, — интересная, впрочемъ, не столько сама по себѣ, сколько по своей темѣ. Это — «Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи», составленная вѣжкимъ г. Золотаревымъ.

Вопросъ литературной географіи (если можно такъ выразиться), уже давно обращалъ на себя вниманіе: даже при бѣгломъ знакомствѣ съ биографіями русскихъ писателей нельзя не замѣтить, что почти всѣ они родились на сравнительно небольшой центральной территоріи страны, въ то время, какъ огромные периферійные ея предѣлы почти не имѣютъ сво-

Полковникъ Н. И. Горбуновъ.
Награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ за отличие; произведенъ въ генералъ-майоры.
Убитъ въ бою 27 августа 1914 г.

ихъ представителей въ нашихъ литературныхъ свѣтахъ. Мнѣ приходилось ужъ какъ-то разбираться этотъ вопросъ въ «Новомъ Времени». Если взять въ частности биографіи русскихъ лирическихъ поэтовъ, то эта особенность еще рѣзче бросится въ глаза: здѣсь линия «урожайности» талантовъ, своего рода литературная изотерма, не подымается съ вершины Вологды (родина Батюшкова) и не спускается южнѣ Орловской и Тамбовской губерній. На востокъ и западъ она тоже не заходитъ слишкомъ далеко отъ «сердца Россіи» — Москвы, гдѣ, какъ дарочно, родились оба величайшихъ русскихъ поэта, Пушкинъ и Лермонтовъ.

Въ общемъ территорія, подарившая намъ русскую лирику, совпадаетъ болѣе или менѣе съ границами распространѣнія и прочнаго видѣнія былой помѣщицкой культуры. Такимъ образомъ наглядно подтверждается тотъ историко-психологическій тезисъ, что романтизмъ есть по преимуществу «дѣло дворянское».

Очень рельефно выступаетъ при такой географической экскурсіи роль старо-дворянскаго «гнѣзда» въ Поволжьѣ — Симбирска. Казалось бы, городъ маленький и не слишкомъ культурный. Но въ то время, когда соотвѣстная университетская (и полутатарская) Казань дала только одного Державина (родившагося еще задолго до университета), а крупные и бойкіе южные центры, Самара и Саратовъ, не дали за все существованіе ни одного «поэтического имени», — Симбирскъ представляетъ въ русской литературѣ такія соотвѣтствующія именья, какъ Карамзинъ, Дмитріевъ, Язы-

Епископъ Пимень, начальникъ Урмійской православной миссіи.

ковъ, Гончаръ, картъ г. Золотаревъ, Поволжьѣ и скихъ красн.

Карта несправедливо оцѣнила. Попасть въ совершенныя литературныя рева, Герберъ, Елизаветовская, имѣвшихъ касательство протополь А. актеръ Волг г-жа Вербицкая, лотаревъ, себукашевъ и упомянутыхъ не было въ сателитъ не ложимъ, такъ біографовъ легкой руки чести проучимъ изданій, ныхъ» съ л писателей (лишь краткая все-таки, ка довольно не борниковъ ли, что въ читается какой севъ-Оренбургъ, В. В. на Леонтьевъ же», — потомъ «признанная дѣ, претендентъ рико-литературъ дѣйствительнотруду?

Здѣсь мы литературно скихъ поръ исторіи и би не одностороннихъ. Всѣ написаны лѣтв литературны пагѣво. Въ дѣяхъ (напр всѣхъ прочт лись г. Вен камн) того данія и ст въ нихъ на дикальные прикосновен и пропуска

Награжденные за храбрость.

Полковн. Анат. Ап. Калиновскій.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

Полковн. Нини. Владим. Головъ.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

Полковн. А. С. Мильовскій.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

Ротм. А. М. Нестеренко, ран и конт.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

Поручикъ З. К. Гембицкій.
Нагр. орд. св. Георгія 4 ст.

ковъ, Гончаровъ, Григоровичъ. Даже на картѣ г. Золотарева, составленной очень неправильно, онъ такъ и выдѣляется въ Поволжьѣ цѣлой гирляндой символическихъ красивыхъ значковъ.

Карта г. Золотарева составлена неправильно прежде всего потому, что онъ совершенно субъективно подобралъ имена. Попала въ его синодикъ множество совершенно незначительныхъ литературныхъ величинъ (въ родѣ: Астырева, Гербея, Грекова, В. Дмитриевой, Елпатьевскаго, Коронина и пр., и пр.) или имѣвшихъ къ литературѣ довольно боковое касательство (напр., проф. Вагнеръ, протопопъ Аввакумъ, Ив. О. Горбуновъ, актеръ Волковъ и т. д.). Попала даже г-жа Вербицкая! Съ другой стороны г. Золотаревъ, собравъ всѣхъ «либеральныхъ» букашекъ и тараканекъ (въ родѣ выше упомянутыхъ), пропустилъ, точно ахъ и не было въ литературѣ, почти всѣхъ писателей не «лѣваго» направленія. Положимъ, такъ «принято» у нашихъ библиографовъ и историковъ литературы, съ легкой руки С. А. Венгерова, систематически пропускающаго въ редактируемыхъ имъ изданияхъ всѣхъ «неблагонадежныхъ» съ лѣвой точки зрѣнія русскихъ писателей (или помѣщающаго о нихъ лишь кратко-ругательныя замѣтки). Но все-таки, какъ хотите, господа, а это довольно неприлично, — особенно для поборниковъ «свободомыслия!» Не смѣшно ли, что въ таблицахъ г. Золотарева значится какой-нибудь Чириковъ или Гусевъ-Оренбургскій, и пропущены, напримеръ, В. В. Розановъ, вѣтъ Константина Леонтьева, вѣтъ даже Стахова! («даже» — потому что онъ все же болѣе «признанная» величина). И это въ трудѣ, претендующемъ на объективное историко-литературное значеніе! Какая же въ дѣйствительности цѣна подобному труду?

Здѣсь мы выходимъ къ очень серьезной литературно-библиографической задачѣ. До сихъ поръ все дѣло нашей литературной исторіи и библиографіи находилось въ крайне одностороннихъ и пристрастныхъ рукахъ. Всѣ наши «исторіи литературы» написаны лѣвыми перьями и всѣ отражаютъ литературную перспективу перекошенной патвю. Въ большихъ нашихъ энциклопедіяхъ (например, Брокгауза-Ефрона, да и всѣхъ прочихъ) литературные отдѣлы велись г. Венгеровымъ или другими «критиками» того же политическаго вѣронствовданія и столь же нетерпимыми. Поэтому въ нихъ находили себѣ мѣсто разные радикальные юноши, замѣчательные только прикосновенностью къ русской революціи, и пропускались такіе оригинальные рус-

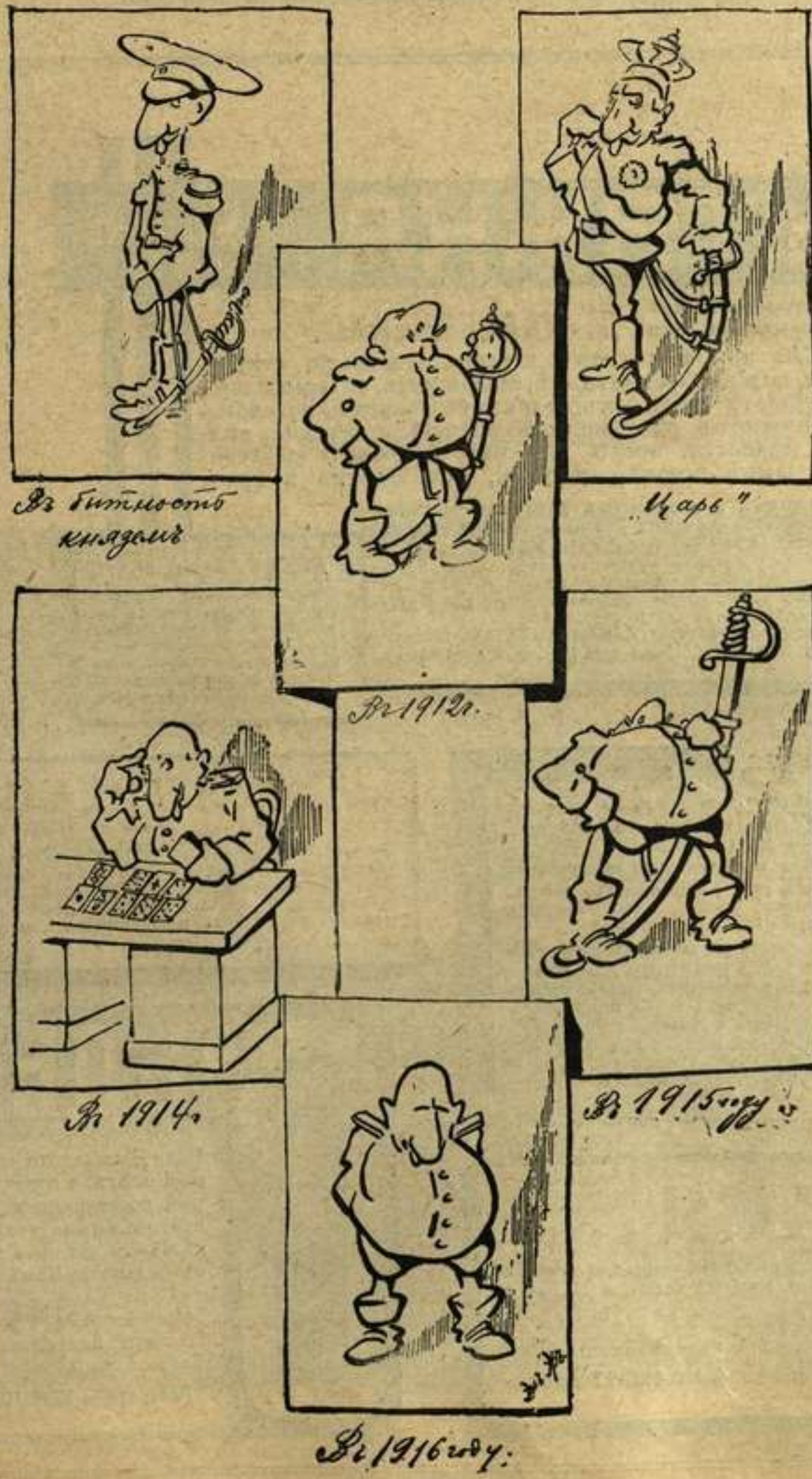
скіе мыслители, какъ, напримеръ, фило-софъ Н. Оедоровъ, авторъ «Общаго Дѣла» (его вѣтъ въ энциклопедіи Брокгауза). Безъ-гда какъ это были только талантливые копечно размазывалось значеніе Добролю-представители русской духовной незрѣловыхъ и Михайловскихъ, на которыхъ мы, сти. П такъ далѣе, и такъ далѣе... Русская

литература и дѣйствительная русская мысль имѣютъ для себя лишь кривое и сознательно глущее зеркало!..

Это дѣло слѣдовало бы, наконецъ, поправить. Рѣшительно необходима русская литературная энциклопедія, правдивая и безпристрастная, свободная отъ политическихъ расчетовъ нашего космополитическаго лагеря. Теперь историческая лѣсенка этого лагеря явно уже допѣвается... Послѣ войны прежнее наивное отношеніе къ русской національной личности и ея своеобразію станетъ уже невозможнымъ. Утверждаются новыя и болѣе безпристрастныя точки зрѣнія на русскую духовную жизнь въ ея настоящемъ, и въ ея прошломъ. И соотвѣтственно слѣдовало бы подвести серьезные и искренніе итоги этому прошлому. Я позволю себѣ намѣтить здѣсь эту тему, въ надеждѣ, что найдутся желающіе ее развить.

И. Перцовъ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СПЕКУЛЯНТЬ.
Моментальные снимки въ различные періоды его жизни.

Мелочи.

Современный Нью-Йоркъ.

Небывалое, почти комическое положеніе создано въ настоящее время въ Америкѣ. Американцы жалуются, что страна ихъ затоплена золотомъ. Нью-Йоркъ, являющійся теперь мировымъ финансовымъ центромъ, богатѣетъ не по днямъ, а по часамъ, люди буквально захлебываются отъ золота, не знаютъ, куда его дѣвать, какъ тратить. Дѣло дошло до того, что правительство изобрѣтаетъ въ выдумкахъ, что бы такое закупить въ Англии и Франціи, чтобы изъавить страну хоть немного отъ наводненія золотомъ. Передъ каждымъ новымъ платежомъ союзниковъ за военные заказы, который сулитъ новую золотую гору, въ Америкѣ поднимается стонъ. Дѣло въ томъ, что этотъ притокъ золота повышаетъ стоимость жизни до громадныхъ размѣровъ; людямъ средняго достатка жизнь въ Америкѣ становится не по карману, тамъ за послѣдніе два года потеряли счетъ деньгамъ, богатства страны возросли чудовишно. Въ Нью-Йоркѣ стекаются богачи всего міра, за послѣднее время иммигрируетъ особенно много такихъ богачей изъ Германіи, очевидно предусмотрительно вывозящихъ свои капиталы изъ предѣловъ обреченной родины.

Любопытную картину современнаго Нью-Йорка даютъ американскіе журналы: въ Нью-Йоркѣ такъ много денегъ, говорятъ они, что это богатство начинаетъ угнетать страну. Прошло время, когда у насъ нацѣречеть знали всѣхъ миллиардеровъ, — въ настоящее время ихъ такъ много, что имена ихъ никому неизвѣстны. Знаменитая 5-я авеню, улица миллиардовъ, за послѣдніе два года застроилась множествомъ новыхъ великолѣпныхъ дворцовъ, передъ которыми по-

морки дома Асторовъ и Вандербильдовъ. Здѣсь поселились многочисленные «новые богачи». Большинство ихъ — элементъ пришлый, никому невѣдомый. Вся жизнь идетъ по-новому, какимъ-то ускореннымъ и веселымъ темпомъ. Явно ощущается «запахъ денегъ». Никогда рестораны не были такъ переполнены публикой, никогда не слышалось столько музыки, даже народу на улицахъ никогда не было такъ много, и ужъ, во всякомъ случаѣ, не было такихъ утомительныхъ туалетовъ и бриллиантовъ. Съ утра въ городѣ начинается праздникъ: веселая шумная толпа переполняетъ улицы, парки, магазины; нельзя не поддаться общему тону опьяненія и веселья. Какъ бы по молчаливому уговору всѣ бѣдодѣлы и грустные люди избѣгаютъ появляться на центральныхъ улицахъ, чтобъ не нарушать общаго настроения. Въ Нью-Йоркѣ теперь просто-напросто «неудобно», по выражению американскаго журнала, быть бѣднымъ. Вечеромъ всѣ гостиницы и рестораны наполняются обѣдающей публикой, послѣдняя мода не признаетъ системы домашняго стола, и часовъ въ семь вечера вереницы автомобилей везутъ мужчинъ въ цилиндрахъ и фракахъ и дамъ въ вечернихъ туалетахъ по разнымъ ресторанамъ. Количество такихъ мужчинъ и дамъ до того велико, что создается впечатлѣніе, будто буквально весь городъ принимается въ этомъ участіе. Во всякомъ случаѣ, такой картины не наблюдалось никогда ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ.

Недавно популярный американскій «Harper's Magazine» горько оплакивалъ паденіе вкуса въ Америкѣ, и вульгарность жадной до зрѣлища публики: въ 2 часа ночи, во время второй годовщины ужасающей войны, когда невольно думалось о гуль орудій подъ Верденомъ, въ одномъ ресторанѣ въ Нью-Йоркѣ, послѣ блестящаго дивертисмента, на сценѣ появилась группа женщинъ, одѣтыхъ въ костюмы сестеръ милосердія Краснаго Креста, которыя принялись отплясывать непристойные танцы подъ громкіе звуки одобренія публики. «Нельзя не замѣтить,

говоритъ журналъ, что сцена эта не дѣлаетъ чести вкусамъ и требованиямъ потребителей ресторана». Вообще отмѣчается нѣкоторое огрубѣніе нравовъ, какъ послѣдствіе массоваго обогащенія и стремленія прожить эти деньги. Оказывается, уже не тысячи, а миліоны, — требуется большая фантазія и изобрѣтательность. Сначала строятъ себѣ дворцы, загородныя виллы, покупаютъ бриллианты, но миліоны все прибываютъ и прибываютъ... Приходится задумываться... Нью-йоркскія газеты повѣдали недавно, что отецъ одной барышни, давшій для нея балъ въ своемъ загородномъ дворцѣ, послалъ два экстренныхъ поѣзда за гостями въ Нью-Йоркъ. Другой образецъ фантазіи, тоже фигурировавшій въ газетахъ, былъ таковъ: миліонеръ потребовалъ внезапно свой любимый автомобиль, но къ досадѣ своей узналъ, что жена его отправила въ этомъ автомобилѣ свою канарейку къ ветеринару. Тогда миліонеръ въ тотъ же день приобретаетъ особый автомобиль для канарейки и велитъ ежедневно катать эту птицу въ «собственномъ» автомобилѣ на потѣху всѣмъ знакомымъ и журналистамъ.

Нужно отдать справедливость, что далеко не всѣ миліардеры похожи на этихъ саврасовъ, и многие изъ нихъ живутъ сравнительно просто и скромно, посвящая себя благотворительности. Но война породила цѣлую плеяду новыхъ богачей, свободныхъ отъ всѣхъ благородныхъ традицій недавняго прошлаго.

Нѣмецкіе шпионы.

Повемногу выясняется полная картина колоссальной подпольной работы, при помощи которой Германия надѣялась подчинить себѣ весь земной шаръ и сумѣла опутать буквально всѣ страны свѣта сѣтью своей шпионской организаціи. Во главѣ ея стоялъ самъ всюду присутствующій Вильгельмъ, а помогали ему всѣ его послы, аташе, военные агенты, «богачи-путешественники» и цѣлая армія болѣе мелкихъ служащихъ. Германия въ настоящее время сама сознается, что имѣла 18.000 агентовъ, мужчинъ и женщинъ, во всѣхъ концахъ свѣта, которые работали на благо родины и были въ строгомъ подчиненіи у центральной власти. Съ начала европейской войны усиленно на пропаганду въ нейтральныхъ странахъ. Иностранная печать сдѣлала недавно подсчетъ капиталамъ, затраченнымъ Германией на эту дѣлу съ августа 1914 года: пропаганда въ С.-А. Штатахъ обошлась 375 миліонами марокъ, Турція стоила 350 миліоновъ, Болгарія 125 миліоновъ, Италия 250, Греція 100, Китай 100, Швеція 75, Румынія 75, Персія 75, Испанія 75, Голландія 50, Норвегія 40, Данія 25, Швейцарія 25, Аргентина 25, Бразилія 25, Чили 15 и Перу 10 миліоновъ. Въ эти расходы не входятъ суммы, потраченныя на организацію революцій въ Ирландіи, въ Египтѣ, въ Триполитаніи, въ Индіи, въ Африкѣ и на натравливаніе Мексики на Соединенные Штаты. Особенныхъ стараній и усилий стоили Нѣмцамъ Соединенные Штаты. Работа тамъ шла интенсивная. Недаромъ Францъ Ринтеленъ, личный другъ кронпринца, прибывшій въ Америку въ 1915 году съ подложнымъ паспортомъ на имя Эдуарда Гаге и съ нѣсколькими миліонами долларовъ на расходы, заявилъ при арестѣ его американскими властями: «Если бы мнѣ удалось выполнить мою миссію и прекратить снабженіе союзниковъ военными припасами изъ Америки, я достигъ бы большаго результата, чѣмъ занятіе Парижа нашей арміей». Въ Америкѣ «работалъ» и самъ посолъ Германіи графъ Бернсторфъ, женатый на Американкѣ и сумѣвшій проникнуть во всѣ клубы и кружки денежной аристократіи. Помогали ему военный аташе капитанъ Бойельдъ, отозванный по настоянію Америки въ Берлинъ, г. фонъ-Папенъ, пойманный при попыткѣ взорвать нѣсколькихъ фабрикъ динамитомъ, г. Максъ Брейтунгъ, тоже арестованный и преданный передъ судомъ за организацію взрыва мостовъ и фабрикъ, и цѣлый рядъ дру-

гихъ субъектовъ. На помощь Бернсторфу посланъ былъ еще знаменитый Деррибургъ, который еще до войны, будучи министромъ колоній, посовѣтовалъ кайзеру отправить кронпринца въ большое кругосвѣтное путешествіе съ «тайными инструкціями». Этотъ Деррибургъ тоже былъ высланъ изъ Америки властями.

Въ Испаніи, гдѣ германская пропаганда идетъ усиленно съ самаго начала войны, всѣмъ дѣломъ руководитъ посланникъ князь Ратиборъ. Въ Португаліи орудовалъ баронъ Розенъ, тоже посланникъ. Когда молодая республика стала на сторону союзниковъ, и Розену пришлось удалиться, онъ на вокзалѣ ударилъ палкой фотографа, который старался его снять, и закричалъ: «Я навсегда уѣзжаю изъ этой страны негодяевъ». Въ Греціи посланникъ баронъ Шенъ, близкій другъ греческаго короля, самъ ведетъ все дѣло пропаганды нѣмецкаго вліянія, и на его сторонѣ весь дворъ, и главнымъ образомъ греческая королева, родная сестра Вильгельма II. Въ Персіи прославился своей активностью принцъ Генрихъ Рейсъ, тоже посолъ, и даже въ далекомъ Китаѣ Германія имѣетъ своего агента, майора Динкельмана, близкаго друга и совѣтника покойнаго Юаньши-кая.

Нельзя, наконецъ, не упомянуть о дѣятельности принца Генриха прусскаго, родного брата Вильгельма. Этотъ принцъ, стоявшій, какъ извѣстно, во главѣ германскаго флота, отличался всегда особую любовью къ Англій, и проводилъ тамъ обыкновенно добрую половину года. Англичане съ горечью вспомнили объ этой любви принца, когда нѣмецкіе крейсера воровски прорвавшись сквозь блокаду, обстрѣляли и разрушили курортъ Скарборо, гдѣ обыкновенно благодумствовало лѣтомъ въ прежніе годы принцъ Генрихъ.

Редакторъ М. Н. Мазаревъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердца, дѣятели., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кропотелеръ и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННАЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ сѣменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 руб. — БЕЗПЛАТНО. 2/3 флаконъ почтовымъ сборомъ за наложеннымъ платежъ, всегда за счетъ заказчика.

Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 33. Тел. др. Москва, Калефлюндъ.

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННЫХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическаго реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленнымъ сперминомъ.

Изданіе 3-е Цѣна 50 коп.

Изъ собствен. сада высылаетъ **МАНДАРИНЫ**

12 ф. почт. пос. по всей Россіи съ окт. до дек. по 8 руб. на ящикъ съ 10 ф. крупн. сладк. и аромат. плодовъ. Потребителямъ на 35 % дешевле предложенной оптовой цѣны. Требованіе и деньги адресъ: Сочи. Иосану.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ**. Льготныя условія подѣлки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО**.

Адресъ: Петрогр., «Кругъ Самообразования», Б. Ружейная, 7.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» продается романъ **М. ЛЕВЛАНЪ**

Необычайныя приключенія Арсева Ливизна

Изданіе 3-е Цѣна 50 коп.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Родко-Готикъ, батардъ и пр. 300 рис. и черт. въ текстѣ, транспортъ, и тетрадо держакъ. Новѣйш. самоучит. для преподаванія почерка въ короткій срокъ. Газет. инт. образц. на конкурс. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перек. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, инструкціями, пишущ. и словъ съ удареніемъ. Въ правила легко усваиваются помощью 191 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шриф. Цѣна съ пер. 2 рубля.

Адресъ: Книгсизд. «КРУГЪ СЪМООБРАЗОВАНІЯ» — Петроградъ, Б. Ружейная, 7—11.

АДРИАНЪ ЧИРЦОВЪ

В. О., 1 лин., 28.

Завѣдуя болѣе 25 лѣтъ почтисками въ фирмахъ Е. Ф. Баласова и Х. К. Крихъ допущенъ до отдѣленія гг. каллиграфовъ, что имѣло въ большомъ выборѣ въ сѣ чертетки и копировскія принадлежки, какъ-то копировск. «Imperial», калыка бумага, бу. масштабная, Ватман, чертежная, столы чертежныя, готовящіяся Рихтеръ и Рифлеръ. Цѣны заказовъ на типограф. и литогр. раб. и копировскія книги. Смѣты по заявленію.

Готовый къ услугамъ А. Чирцовъ.

УЧАЩИМСЯ

Для экономіи Гг. учащихся ввели новый способъ: каждый, имѣющій старыя ненужныя книги, можетъ обмѣнить таковыя на новыя, требующіяся, въ учебной книжной торговлѣ

14 РАЗЪѢЗЖАЯ УЛИЦА 14
(рядомъ съ магаз. бумаги Цыкина, близъ Николаевской и Ямской улицъ).

Книги по первому письменному требованію или телефону № 626-77 доставляются на домъ.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній естественный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ естественный цвѣтъ. — Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. — Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Пишите немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точную адресъ.

Лабораторія НАЛЬТОНА, МОСКВА, Фурнатовскій пер. 6. Отд. 109АВ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14553

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 10 (23) СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14553

Иксаровъ.

Снова снится мнѣ Иксаровъ. На этотъ разъ я вижу его въ Италиі, на Лидо. Онъ идетъ съ Еленой краемъ песчаного берега моря.

— Я гляжу на эти волны,—говоритъ объ,—и мнѣ кажется, что отсюда ближе до моей родины. Видь они тамъ,—онъ показываетъ рукой на востокъ.—Вотъ и вѣтеръ оттуда тянетъ.

— Не пригонитъ ли этотъ вѣтеръ тотъ корабль, который ты ждешь?—говоритъ Елена.—Вонъ бѣлѣтъ парусъ. Не онъ ли?

— Рендить обѣщалъ все намъ устроить черезъ недѣлю. Кажется, на него можно положиться. Онъ преданъ славянскому дѣлу, презираетъ Турокъ и ненавидитъ Австрійцевъ. Онъ Далматъ. А ты слышала: говорятъ, бѣдные далматскіе рыбаки пожертвовали свои свинчатки,—знаешь, тяжести, отъ которыхъ не вода на дно опускаются,—на пули! Денегъ у нихъ нѣтъ, они живутъ рыбной ловлей; но съ радостью отдали свое последнее достояніе и теперь голодаютъ. Что за народъ!

— Aufgepasst!—раздается сзади надменный голосъ. Глухой топотъ коня и австрійскій офицеръ скачетъ мимо нихъ. Они едва успеваютъ посторониться. Иксаровъ мрачно смотритъ вслѣдъ Австрійцу.

— Онъ не виноватъ,—замѣчаетъ Елена,—у нихъ здѣсь нѣтъ другого мѣста, чтобы набзжать лошадей.

— Онъ не виноватъ,—соглашается Иксаровъ,—да кровь онъ мнѣ расшевелилъ своимъ крикомъ, своими усами, своимъ картузомъ, всей своей паружностью. Вернемся!

И во снѣ мнѣ странно враждебное отношеніе Иксарова къ Австрійцу. Или онъ не знаетъ, что Фердинандъ веревочкой связалъ Болгаръ и Австрійцевъ, что это друзья и союзники. Можетъ быть онъ не знаетъ и о войнѣ Россіи съ Германіей, и о томъ, что Болгары открыто выражаютъ свою преданность Австріи, посылаютъ ей поздравленія при нашихъ неудачахъ, что болгарскіе студенты въ Берлинѣ устраиваютъ антирусскія манифестаціи, а дипломатическій представитель Болгаріи тамъ же тратитъ большія суммы на покупку золотыхъ гвоздей, которые онъ вколачиваетъ въ деревянную статую побѣдителя Россіи—Гинденбурга?

— Вернемся, Елена.

— Вернемся. Здѣсь и дуешь, и слышнѣе холодно для тебя. Надо быть осторожнѣе.

Тутъ все спутывается и блѣднѣетъ. Лидо исчезаетъ. И мнѣ жаль, что скрылись Иксаровы. Я чувствую, какъ они близки моему сердцу, которое и во снѣ тянется за ними, ищетъ ихъ. На снѣгу пещеру морского берега открывается что-то новое, другое, что-то яркое, волшебное, пѣлнтельное, сказочно-прекрасное, но знакомое. Да видь это Венеція! Canal Grande. Громады дворцовъ и церквей стоятъ «легки и чудесны, какъ стройный сонъ молодого бога». Длинные черныя гондолы съ маленькими красными огонечками, съ высоко стоящими гондольерами, безшумно и проворно движутся по водной поверхности. Уже темно; но небо усыпано звѣздами. Въ одной изъ черныхъ гондолъ Иксаровы. Они возвращаются изъ театра, гдѣ слушали «Травиату». Игра и пѣніе артистки, умиравшей на сценѣ отъ чахотки, рас-

ГЕССЕЧЕНІЕ АНГЛІЙСКИМЪ КОГОЛЕМЪ БРИТАНСКАГО ФРОНТА ВО ФРАНЦІИ.

Король Георгъ и принцъ Уэльскій у могилъ павшихъ героевъ. Король стоитъ около креста, сзади въ шинели—принцъ Уэльскій.

шевелила больныя струны сердца Елены, и она съ тревогой слышитъ глухой магазинный, ярко блестящихъ огнями. И сердце ей не можетъ успокоиться. А Иксаровъ, проходя мимо Дворца Дожей, молча указываетъ ей на жерла австрійскихъ пушекъ, выглядывающихъ изъ-подъ нижнихъ сводовъ, и подвигаетъ шляпу къ брови.

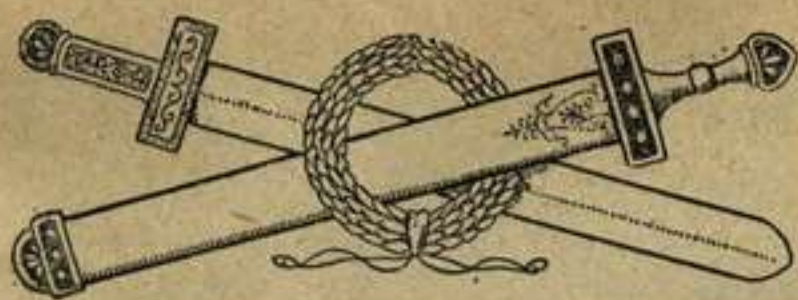
СОВѢЩАНІЕ ВЪ ПАРИЖѢ ВЪ НЫНѢШНЕМЪ АВГУСТѢ.

Военный министръ Англій Ллойдъ Джорджъ (сѣва) и французскаго премьеръ-министра г. Бриана.

Потомъ я вижу ихъ уже въ гостиницѣ, въ ихъ комнаткѣ съ окномъ на широкую лагуну. Почти напротивъ ихъ гостиницы возвышается острокопечная башня San Giorgio; направо, высоко въ воздухѣ, сверкаетъ золотой шаръ доганы и, разубранная, какъ невеста, стоитъ красивѣйшая изъ церквей, Redentore Палладія, налѣво чернѣютъ мачты и реи кораблей, трубы пароходовъ; кое-гдѣ виситъ, какъ большое крыло, на половину подобранный парусъ, и вымпелъ едва шевелится. Иксаровъ садится къ окну, но Елена не даетъ ему долго любоваться видомъ. У него жаръ; онъ чувствуетъ себя усталымъ, и она укладываетъ его въ постель. Дождавшись, чтобы онъ заснулъ, она тихонько возвращается къ окну.

Ночь тиха и ласкова, лазурный воздухъ дышетъ голубиной кротостью и кажется, что всякое страданіе, всякое горе должно замолкнуть и заснуть подъ этимъ яснымъ небомъ, подъ этими свѣтлыми пенистыми лучами. Положивъ голову на скатныя руки, бѣдная Елена думаетъ: «О Боже! неужели нельзя вѣрить чуду? Неужели нельзя умолить, отворотить, спасти... Что же значить это чистое, благословляющее небо? Эта счастливая, отдыхающая земля? Ужели все это только въ насъ, а внѣ насъ вѣчный холодъ и безмолвіе? Ужели мы одни... одни... а тамъ, повсюду, во всѣхъ этихъ недосыгаемыхъ глубинахъ и безднахъ—все, все намъ чуждо? Неужели мнѣ не спасти его?.. О, темный призракъ, удались! Не для меня одной нужна его жизнь!..»

Награжденные за храбрость однополчане.

Подполковникъ Даценно. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Шт.-капитанъ Нондгашевъ. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Подпоручикъ Пеньковскій. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Подпоручикъ Черняевъ. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Подпоручикъ Егоровъ. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст. и георгіевскимъ оружіемъ.

Капитанъ Дементьевъ. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст. и георгіевскимъ оружіемъ.

Подпоручикъ Валиновскій. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Подпоручикъ Карпинскій. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Подпоручикъ Янушевичъ. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Шт.-капитанъ Очеретко. Награжд. орд. св. Георгія 4 ст.

Командиръ полка полковникъ Галкинъ. Представленъ къ награжденію орденомъ св. Георгія 4 ст. и къ производству въ генераль-ма.оры.

— Рендить!—зоветь во снѣ Инсаровъ. Елена слышитъ подойти на цѣпочкахъ къ кровати, наклоняется и прислушивается. Инсаровъ бредитъ:

— Идутъ, идутъ...

«Ихъ много... Сотни тысячъ... Молодые, цвѣтущіе юноши... Здоровые сильные солдаты... Старые боевые генералы, Радецкій, Скобелевъ... Самъ Царь Освободитель ведетъ своихъ въ нашъ благодатный край... Онъ высокъ и строенъ... На глазахъ его слезы... Онъ идетъ, какъ Христосъ шелъ къ Лазарю... Пора!.. Встань, дорогая, замученная родина, воскресни, поднимись, сбрось опутавшія тебя пелены вѣкового униженія и гнета, оживи, иди... О, Елена, братья твои идутъ къ намъ съ такой же рѣшимостью, съ такимъ же довѣріемъ, съ какими ты шла ко мнѣ въ памятный день нашей встрѣчи у часовни! Война, Елена, война за освобожденіе Болгаріи!.. Самъ Богъ ведетъ ихъ... Какъ они бьются... Не жалуютъ ни силъ, ни крови, ни жизни... Имъ трудно... Озлобленные Турки... Неприступныя твердыни... Горы, снѣжныя кручи, обвалы, метели... Какъ они умираютъ, Елена, какъ они умираютъ!.. Братья, братья... Победа!»

Инсаровъ умолкаетъ и только дышетъ тяжело и часто. Елена нагибается и отираетъ платкомъ потъ съ его лба. Пометавшись на подушкѣ, онъ затихаетъ и успокаивается.

Елена возвращается къ окну. Ей хочется успокоить себя, увѣрить себя въ томъ, что нѣтъ причинъ такъ тревожиться. Вѣдь ему лучше. Развѣ грозитъ опасность? Вѣдь до этой оперы, вѣдь пока она не видѣла на сценѣ агоніи актрисы, ей не приходили въ голову всѣ

эти мрачныя мысли. Надо отгонять ихъ. Пусть что-то въ бреду... Мнѣ кажется, что онъ поправится.

Увидавъ высоко надъ водой бѣлую чайку, какъ бы высматривающую, куда ей опуститься, Елена невольно загадываетъ: «Вотъ если она полетитъ сюда, — это будетъ хорошій знакъ».

Чайка кружится на мѣстѣ, складываетъ крылья и съ жалобнымъ крикомъ, какъ подстрѣленная, падаетъ куда-то далеко, за темный корабль. Елена вздрагиваетъ. Но сейчасъ же ей дѣлается совѣстно, что она вздрогнула. Она идетъ къ кровати и, не раздвѣваясь, ложится возлѣ Инсарова. Онъ спитъ и только отъ времени до времени тихо и невнятно бормо-

летаетъ что-то въ бреду... Мнѣ кажется, что онъ поправится.

— Опять этотъ паукъ... Прогони его. Умный паукъ протянулъ тонкую паутину отъ Дуная до Эгейскаго моря, отъ Албаніи до Чернаго. Вѣдныя мухи запутались; онъ ихъ высосалъ... Послушай, что говоритъ кабинетъ высосанныхъ мухъ, какія онъ принимаетъ рѣшенія; говоритъ: «Мы во всемъ уподобимся Нѣмцамъ, изъ западныхъ Славянъ превратимся въ Пруссаковъ Востока. На всемъ протяженіи спящей паутинѣ все заведемъ по прусскому образцу. На всемъ протяженіи спящей паутинѣ не останется ни одной летающей мухи. Что тамъ жужжитъ

Стамболійскій? Немного летать и Геннадіеву и его единомышленникамъ. Всѣхъ затянетъ паутина. Главное школы, школы, университетъ, политехникумъ... Пусть наши дѣти будутъ истинными Нѣмцами въ свободной Болгаріи! Пусть девизомъ ихъ будетъ «Macht vor Recht» и «Сильный Вильгельма вѣрнѣе!»..

«Нѣтъ, Рендить, это не паукъ. Это австрійскій гусарикъ. Куда онъ скачетъ со Станчовымъ? Въ Софію? Это не Софія. Я не узнаю стараго Средца... Электрическіе фонари, трамваи, новыя зданія, театр, министерства, музеи, европейскій городъ. Что же, въ часъ добрый!.. На площади у дворца бьетъ фонтанъ. На стѣнахъ дворца портреты Орлеанскаго дома, портреты старшей вѣтви Бурбоновъ... Блестящая тронная зала... А кто же на престолѣ? Кто царь на болгаритѣ?.. Вижу—Альманзоръ!.. Да, да... Не тотъ старый Альманзоръ, царь мусульманскій, что выдалъ себя Испанцамъ за посла изъ Гренады. Тотъ давно скончался въ корчахъ и мукахъ чумы, которую онъ заразилъ и несчастныхъ Испанцевъ. Это другой, это новый Альманзоръ. Онъ не изъ Гренады, онъ изъ Берлина и Вѣны... Онъ тоже присланъ съ дарами и смиренно говоритъ Болгарамъ, что онъ ихъ другомъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной... Братушки раскрываютъ объятія... Онъ цѣлуетъ ихъ... Смотри, онъ то схватитъ за руку Радославова, то приметъ на шею Момчилову... Они будутъ такъ цѣловаться, пока онъ не скажетъ имъ:

— Взгляните, Болгары, каковъ я! Предъ вами Въ лицѣ моемъ гибель сама. Я къ вамъ изъ Берлина и Вѣны съ дарами. Болгары, мой даръ вамъ...

«Его даръ благодарн... «Братушки спасаетъ... спасала и холодно оти донь-кихото чать на го Болгарамъ что дала Е го ли отъ кости? На Ни продать Болгаріи е летаютъ пр сія дала Бо ла духовну и грегориан ласть Болг «И зараж выслушива и Россіи. «Что-жъ наться за щихъ,—на «Болгарі потихоньку въ Турцію Австрію...

Шт.-капитанъ Кульбинскій, военный летчикъ (Георгиевскій кавалеръ), у своего аппарата.

жѣ, чтобъ добывать со своими друзьями трупъ Россіи,—они пойдутъ. Надо, конечно, подготовить народъ, предотвратить возможность какихъ-нибудь сантиментальныхъ колебаній. Скорѣй переименовать Александро-Невскій соборъ (живой памятникъ братской дружбы и щедрости Россіи),—въ соборъ свв. Кирилла и Меодія и закрасить въ немъ все иконы кисти извѣстныхъ русскихъ художниковъ, замѣнить ихъ произведеніями болгарскихъ иконописцевъ.

«Усердно закрашиваютъ, затираютъ, замываютъ, замазываютъ. Нѣтъ ли еще гдѣ пятны руской крови, пролитой за освобожденіе Болгаръ? Не гнѣшаетъ ли еще что-нибудь? Что стѣсняетъ? Православіе?—разгромить. Кто стѣсняетъ? Рядко Дмитріевъ?—обвинить въ государственной изменѣ, судить и казнить. Все убрать, все лишнее.

«По волны Марицы, и розы Казанлыка, и жаворонки надъ полями Болгаріи и сіююція въ небѣ звѣзды все же говорить обо всемъ, что забыто, зарыто и забыто. Говорятъ: «Да, нѣмецкая неблагодарность—хорошее, ѣдкое мыло, чисто мыетъ. Но и ему не смыть того, что слезами и кровью записано на землѣ и на небѣ».

«Его даръ не чума, а черная нѣмецкая неблагодарность.

«Братушки узнаютъ, что Россія всегда спасаетъ. Спасала и Гогенцоллерновъ, спасала и Габсбурговъ. Но въ Берсѣ холодно относятся къ такимъ актамъ донъ-кихотства. Тамъ принято отвѣчать на это ненавистью. Для чего Болгарамъ отставать отъ Европы? И что дала Россія Болгаріи? Денегъ? А много ли отъ нихъ осталось... Свою кровь и кости? На что ей этотъ дешевый товаръ? Ни продать, ни заложить. Но Россія дала Болгаріи ея новыя дороги, по которымъ летаютъ придворные автомобили, не Россія дала Болгаріи династію, не Россія дала духовную миссію при Ватиканѣ, унию и грегорианскій календарь, не Россія сдѣлала Болгаръ европейцами...

«И зараженные братушки, не сморгнувъ, выслушиваютъ вѣсть о войнѣ Германіи и Россіи.

«Что-жъ, правится Россія снова распинаться за какихъ-то мужиковъ и шницхъ,—на здоровье!

«Болгарія будетъ нейтральной; будетъ потихоньку пропускать нѣмецкое оружіе въ Турцію, будетъ снабжать хлѣбомъ Австрію... А понадобится взяться за ору-

Елена уснула. Спитъ и Инсаровъ. Онь продолжаетъ бредить и лепечетъ что-то невнятное. Мнѣ кажется, что онъ говоритъ:

— Уложились ли ты, Елена? Пора. Надо быть наготовѣ. Гдѣ мы? Смотри, какой чудный садъ, какіе цвѣты и тропическія растенія... Фазаны... Красныя кирпичныя стѣны, высокая башня съ часами... Это Царицыно? Помнишь нашу поездку въ Царицыно? Я тамъ бросилъ въ воду нахала-Нѣмца. Только это не озеро, это море. Оно бушуетъ; какъ реветъ, какъ гудятъ волны. И какая грозная туча надвигается съ той стороны. Гдѣ укрыться отъ грозы?

«Это не Царицыно. Но и это дворецъ. Видишь царскій виноградникъ. Царская охота. Въ виноградникъ—Французы, въ охотѣ—Австрійки. Гдѣ же Болгары? Вдѣ это Эвксиноградъ, Елена.

«Мы въ Болгаріи, мы въ шести километрахъ отъ Варны, гдѣ меня ждутъ знакомые. Всѣ спятъ здѣсь, оттого мы и не слышимъ болгарской рѣчи. Но мнѣ тяжело здѣсь. Уйдемъ, Елена, уйдемъ поскорѣй, пока они не проснулись. Спустимся къ морю. Пойдемъ въ деревни и села.

въ нашихъ новыхъ азиатскихъ владѣніяхъ.

Дорога на Гюмишъ-Хане за Трапезондомъ.

Горбый мостъ около Гюмишъ-Хане.

Ты узнаешь, ты полюбишь мой народъ. Не заблудится бы намъ только въ этомъ роскошномъ саду съ версальскимъ бассейномъ. Дай мнѣ руку. Гдѣ ты, Елена? Я тебя не вижу. Луна скрылась за тучу. Какая зловѣщая темнота! Ты ушла, Елена? Зачѣмъ? Я стою одинъ у моря. Грозо гудятъ волны. Кто-то идетъ... Кто ты, красавица? Ты печальна, но ты свѣтла, какъ небесное видѣнье. На тебѣ болгарская одежда. Ты болгарская дѣвушка? Какъ зовутъ тебя? Злата?... Я Болгаринъ и ницъ Болгаръ въ Болгаріи. Гдѣ они? Ты показываешь рукой на кладбище? Ты идешь въ ту сторону? Я пойду съ тобою. Какъ хорошо, какъ легко идти съ тобою... Какъ непонятно быстро мы движемся... Я понимаю, я догадываюсь... Ты—святая, ты болгарская великомученица? Но почему же я тебя вижу? Развѣ я уже умеръ. Нѣтъ, мнѣ еще нельзя умереть. Я не послужилъ еще моей родиѣ, я ничего еще не сдѣлалъ для нея. Меня ждутъ въ Болгаріи. Надо жить. Надо служить. Вотъ мы и у могилъ. А туча пронеслась. Кто эти люди, что такъ спокойно идутъ къ намъ по волнамъ? И они направляются въ сторону кладбища. Хорошія лица, благородная осанка, видно, что это простые, сильныя души. И все Болгары, всѣ одѣты Болгарами. Монахъ, воинъ, а одинъ въ старинной княжеской одеждѣ... Ты ихъ знаешь, ты уходишь къ нимъ? Это тоже болгарскіе мученики. Св. благовѣрный князь Борисъ-Михаилъ, правнукъ Грубоша, дядя его мученикъ Боянъ, епископъ Григорій, св. праведный Михаилъ Воинъ,

избавившій Болгарію отъ страшнаго трехглаваго змія, преподобный Ромилъ, святые Онуфрій, Іоаннъ и Георгій Новый?.. Отчего они такъ печальны? И о чемъ они

Военный летчикъ поручикъ Владиміръ (Георгиевскій кавалеръ) у своего истребителя.

Николай Ивановичъ Рогозининъ, военный корреспондентъ «Новаго Времени» и «Вечернаго Времени». 1 мая 1915 г. поступилъ вольноопредѣляющимся коннымъ ординарцемъ въ д-ль III стрѣлковый Его Величества полка. Награжденъ Георгиевскими крестами 4, 3 и 2 степени, представленъ къ производству въ прапорщика. Безъ вѣсти пропалъ. Отправившись на развѣдку въ линію неприятельской расположенія, при отходѣ нашей части подъ ураганнымъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ назадъ не вернулся.

Его Высочество Сеидъ-Киръ-Глима Зимиъ Еухарскій.
Его Высочество представилъ въ распоряженіе Государя Императора
одна милліонъ рублей на нужды войны.

такъ горячо молятся, столпившись у за-не видѣль... Но какъ тяжело и страшно
крытой церкви, окруженной лѣсомъ бѣ- то, что я вижу. Мои глаза видятъ этотъ
лыхъ брестовъ, озаренныхъ луною? Я не ужасъ?..
могу поговорить съ ними. Мы двухъ раз-
личныхъ міровъ, между которыми нѣтъ со-
общенія. Но, живя на землѣ, мы душой ие... Весь городъ пылаетъ, какъ гигант-
ощущаемъ, угадываемъ, что они гово-
рять. Въ ихъ близости я начинаю узна-
вать то, чего не зналъ, видѣть то, чего я *мечтой методъ* керосиновые насосы и осо-

«Вижу Македонію, Сересь. Черный дымъ
застылаетъ и бѣтъ глаза, тѣснитъ дыха-
нскій костеръ. Поджигатели-Болгары, ру-
ководимые офицерами, примѣняли *по ил-*
керосиновые насосы и осо-

ВЪ ГАЛИЦИИ.—Наши офицеры расположились съ комфортомъ на Сер. Липы, очи-
щенномъ отъ непріятеля.
Съ фот. З. Л. Шубской-Корсаковой, въ Москвѣ.

быя зажигательныя плитки, и пожаръ
удался... Вопли, стоны, грохотъ и трескъ,
и вездѣ адское пламя. Рушатся церкви и
колокольни. Рушатся древняя православная
святыня, соборъ св. Феодора... Все
горитъ и гибнетъ. Завтра извлекутъ изъ-
водъ дымящихся развалинъ сотни обуг-
лившихся труповъ Грековъ и Славянъ,
сожженныхъ ихъ братьями-Болгарами.

«Вижу безчеловѣчное отношеніе Бол-
гаръ къ несчастному населенію завоеван-
ной Сербіи. Вижу стариковъ, дѣтей и жен-
щинъ, загоняемыхъ въ церкви.

«Ихъ запираютъ и умерщвляютъ при по-
мощи удушливыхъ газовъ. Не повѣрю, что-
бы Болгары были дѣтубійцами! Вижу и
не вѣрю своимъ глазамъ. Это чудовищно,
но что зналъ мирный болгарскій землепа-
шеникъ о керосиновыхъ насосахъ, объ уду-
шливыхъ газахъ? Кто научилъ его?..

«Вижу безчеловѣчное отношеніе Бол-
гаръ къ плѣннымъ Англичанамъ и Фран-
цузамъ, которыхъ гонятъ на работы въ
морозъ и стужу, отнявъ у нихъ обувь и
платье. Вижу юношей съ отмороженными
ногами, искалѣченныхъ плѣнныхъ.

«Безчеловѣчно!
«Вижу русскаго солдата, спасающагося

Извѣстный-изобрѣтатель въ области теле-
фоннаго дѣла полковникъ И. И. Дувановъ.
Тяжело раненъ 11 июля, при производствѣ
инженерныхъ работъ.

изъ австрійскаго плѣна. Онъ бѣжитъ, онъ
крадется, онъ плыветъ и чуть не тонетъ.
Греческая баржа принимаетъ его, спа-
саетъ... Болгарскій патруль стрѣляетъ по
баржѣ, добивается выдачи русскаго и раз-
стрѣливаетъ бѣглеца, успѣвшего сказать,
что отецъ его былъ убитъ на Ширкѣ въ
войнѣ за освобожденіе Болгаріи.

«Вижу черноморскія мины загражденія
съ надписью «Христосъ Воскресе»...

«Болгарскіе святые и мученики блѣд-
нѣютъ и расплываются, какъ туманъ.
Исчезла Злата, исчезла церковь и клад-
бище. Это былъ сонъ. Я проснулся. Я
стою съ Еленой у моря. Мы не въ Бол-
гаріи, мы на Лидо... Волны тихо плещутъ
и лижутъ песокъ. Утро чуть брезжитъ.
Не тревожся, Елена. Я здоровъ. Мигъ

СѢВЕРНЫЙ ФРОНТЪ.—Въ лѣсу у Н. нашъ дозоръ былъ обстрѣлянъ германскими егерями.

Рис. А. Пржевальскій (участникъ войны).

Головникъ А. С. Зимиъ.
Палъ въ бою.

Передовая германская застава уничтожена.

Рис. А. Пржецлавский.

большими, светлыми, страшными глазами. Волосы его разсыпались по лбу, губы странно раскрылись. Внезапно изменившееся лицо выражает ужас, смущенный с каким-то тоскливым умлением. — Елен! Я умираю.

Съ крикомъ она прижимается къ его груди.

— Все кончено. Я умираю. Прощай, моя бѣдная! Прощай, моя родина!..

Онъ падаетъ навзничъ и умираетъ.

А я просыпаюсь и вздыхаю. Миѣ жалъ Елену, жалъ Инсарова, его Болгарію...

В. Миклуличъ.

Подпоручикъ А. А. Конге.
Паль смертью храбрыхъ.

Подпоручикъ С. М. Соколовъ.
Паль смертью храбрыхъ.

лучше. Будемъ ждать зари. Будемъ ждать збнеть. Еленѣ тоже холодно; она смо-корабля... Рендичъ, когда же? Время ухотритъ вдоль по дорогѣ. Городъ видѣется дить. Мы поѣдемъ въ Зару. А тамъ черезъ вдали сквозь снѣжную пыль. Высокія бѣ-Сербію въ Болгарію... Уложила ли ты, Елена?..

Спать Инсаровъ. Спать и Елена. Она устала за день, проведенный на водѣ и на воздухѣ и крѣпко спитъ. Ей тоже снятся то волны и лодка, то снѣгъ, безконечный бѣлый снѣгъ. Все кругомъ бѣло. Она ѣдетъ въ повозкѣ. Она не одна, рядомъ съ ней, укутанная въ старенькій салонъ, ея бѣдная подружка Катя. Страшно становится Еленѣ при видѣ умершей дѣвочки. Развѣ она не умерла? Катя, куда это мы съ тобой ѣдемъ?.. Катя не отвѣчаетъ и Инсаровъ, бѣлый, какъ снѣгъ ея сна, при-завертывается въ свой салончикъ; она поднявшись за половину, глядитъ на нее

— Елена, Елена!.. слышится голосъ изъ бездны.

— Елена! раздается явственно въ ея ухахъ. Она просыпается, быстро подни-маетъ голову и обмираетъ отъ ужаса. Кто ждуть пытки впереди Тоть смѣетъ больше взять отъ жизни.

Обреченнымъ.

Къ чему укору и мольбы?

Для обреченныхъ—нѣтъ спасенья,
И меркнетъ грозный ликъ судьбы
Лишь въ яркомъ пламени забвенья.

Зачѣмъ съ тревогою глядѣть
Во мракъ грядущаго несатья?
Вы, кто попали року въ сѣть,
Прильните жадно къ чашѣ счастья.

И, загнавъ тоску въ груди,
Упейтесь хмелемъ какъ на тризнь:
Кого ждуть пытки впереди
Тоть смѣетъ больше взять отъ жизни.

С. Анчикова.

Новый лазаретъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Ана-стасіи Николаевны при Теодоровскомъ Государевомъ соборѣ для раненыхъ. Царское Село.

Съ фот. А. Функъ.

Садъ около лазарета Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Княженъ Маріи Николаевны и Анастасіи Николаевны.

Одинокій витязь.

Одинокій витязь—дубъ на перепутьи.
Полуголый, черный—смотреть сиротой.
Съ рукъ его спадаютъ желтые доскутья,
Нехоти ложатся подь откосъ крутой.

Вѣтеръ ихъ подыметъ—набросаетъ ворохъ
И чего-то шарить—шелеститъ вокругъ,
Словно что-то ищетъ, — долго слышатъ
шорохъ,—
Не найдеть, озлится и размететъ вдругъ.

Безуспѣшно выются прежней славы
хлопья.

Носятся по волѣ вихрей буревыхъ.
Смотритъ черный витязь и роняетъ
копья,—

Много ихъ опало—сломанныхъ, кривыхъ.

Въ придорожной кучѣ вылетаетъ, какъ вѣха,
Тонкая верхушка сохлаго копья.
Пляшетъ пыльный вѣтеръ—весело, потѣха,
Много навалило желтого тринья.

А. Бурнакинъ.

Памяти Г. М. Хитрово*.

Въ лохмотьяхъ жизни, мишурной и бѣдной,
Любилъ отыскивать онъ теплый свѣтъ...
И смерть пришла, безовязная какъ бредъ,
Случайная... снарядъ бездушный мѣдный!

Онъ красоты прособразъ всеобщей
Носилъ въ душѣ отъ отроческихъ лѣтъ...
Прости же насъ, художникъ и поэтъ,
Митующий скиталецъ непосѣдный!

Таинственъ жребій жизни краткой сей!
Прикованный къ землѣ больной, увидшей,
Какъ вѣщій неудачникъ Прометей,—

Языкъ боговъ, между богами младшій,
Онъ разумѣлъ, какъ нѣкій ангелъ падшій,
Тоскующій по родинѣ своей.

Гр. А. А. Салтыковъ.

* Начальникъ передового отряда Краснаго Креста; убитъ брошеннымъ съ аэроплана снарядомъ. Покойный Г. М. Хитрово—это была талантливая артистическая натура, онъ писалъ стихи, занимался живописью и музыкой.

Артистка Императорскаго Моринскаго театра
Наталья Степановна Ермоленко-Юнина.
1 сентября исполни 15-ти-лѣтїе ея службы на Императорской сценѣ.

Ллойдъ Джорджъ, военный министръ Великобританіи.

Послѣ трагической гибели лорда Китченера, постъ военнаго министра Великобританіи занялъ Ллойдъ Джорджъ. Это былъ естественный кандидатъ, человекъ, заслужившій высшее довѣріе страны всей своей предыдущей дѣятельностью въ качествѣ «министра снабженій» и ближайшаго помощника Китченера.

Объ этомъ новомъ руководителѣ борьбы съ Германіей говорить теперь вся печать нашихъ союзниковъ,—не только Англичане, но и Французы. Вотъ какъ его описываютъ: маленькаго роста, худой, съ энергичнымъ и подвижнымъ лицомъ, съ живыми глазами, Ллойдъ Джорджъ мало напоминаетъ собою Британца и недаромъ заслужилъ на своей родинѣ прозвище: нашъ Французъ. Онъ дѣйствительно всѣмъ своимъ темпераментомъ похожъ скорѣе на Француза. Этотъ маленькій человекъ—сплошной комокъ нервовъ, онъ

МОЛОДЕЦЬ НА СЕЛЬСКИХЪ РАБОТАХЪ.

Рабочая дружина 12-й Петроградской гимназіи на полевыхъ работахъ въ селѣ Клопицахъ Петроградской губ.
(Руководитель дружины пом. классн. наставн. И. И. Языковъ).

ни минуты не стоитъ спокойно на мѣстѣ, руки его всегда двигаются, жестикулируютъ. Когда онъ говоритъ, то всегда волнуется, кипятится, нападаетъ на себя-сѣдника, голосъ его звучитъ сурово, рѣчь отрывистая и нервная. Все это мало напоминаетъ обычный типъ Англичанина.

Ллойдъ Джорджъ—сынъ скромнаго учителя въ Манчестерѣ, который рано умеръ, и маленькаго сына воспитали мать и дядя. Мальчикъ великолепно учился и сдѣлался впоследствии блестящимъ адвокатомъ. Выдающийся ораторскій талантъ и любовь къ общественнымъ дѣламъ естественно толкали его на политическую арену. Его родина Уэльсъ, гдѣ онъ уже успѣлъ сдѣлаться героемъ и любимцемъ, отправила его своимъ депутатомъ въ палату общинъ и здѣсь онъ быстро выдвинулся, такъ что уже въ 1905 году занималъ постъ министра торговли въ кабинетѣ Кэмпбелъ Баннермана. Онъ принялся за реорганизацию торговаго флота Великобританіи и расширилъ Лондонскій портъ. Результатомъ этого былъ еще невиданный дотогдѣ расцвѣтъ британской торговли. Въ 1908 году во главѣ кабинета становится Асквита, и мѣсто канцлера казначейства поручается Ллойдъ Джорджу. Одно за другимъ быстро слѣдуютъ реформаторскія финансовыя мѣропріятія, но особенно любопытно отмѣтить, что Ллойдъ Джорджъ являлся въ эту эпоху однимъ изъ самыхъ ярыхъ проповѣдниковъ и защитниковъ идеи пацифизма. Но вотъ началась великая война: Ллойдъ Джорджъ сразу преобразуется. У Вильгельма нѣтъ болѣе ярскаго и упорнаго врага: борьба до конца, до полной побѣды—таковъ девизъ бывшаго пацифиста. Въ качествѣ канцлера казначейства, ему съ мѣста приходится заступить урегулированіемъ финансовъ, и онъ такъ успѣшно справился съ этой задачей, что заслужилъ въ Англїи прозвище «спасителя биржи». Но война становится все грознѣе и грознѣе, арміи увеличиваются, ощущается недостатокъ рѣшительно во всѣхъ военныхъ материалахъ. Начались парламентскія нападки на Асквита, и тутъ опять на сцену появляется Ллойдъ Джорджъ и становится во главѣ вновь созданнаго имъ «министерства снабженій». Онъ обнаруживаетъ совершенно исключительную дѣятельность—заставляетъ парламентъ вооружить цѣлый рядъ новыхъ законовъ, которые даютъ ему право на реквизицію любыхъ частныхъ заводовъ, на запрещеніе рабочихъ забастовокъ и локаутовъ. Онъ сплачиваетъ всѣ силы страны, созываетъ инженеровъ, химиковъ, поощряетъ всякія изобрѣтенія, изысканія,—и въ настоящее время Великобританія является громаднымъ арсеналомъ, гдѣ днемъ и ночью работаютъ около 2½ миліоновъ мужчинъ и женщинъ и гдѣ менѣе чѣмъ въ одинъ годъ производство снарядовъ возросло въ шесть разъ. Въ настоящее время англійская тяжелая артилерія на фронтѣ превосходитъ и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи германскую артилерію. Послѣ кончины лорда Китченера народная воля указала на Ллойдъ Джорджа, какъ на единственнаго его замѣстителя на посту военнаго министра. Ллойдъ Джорджъ, взявшись за это дѣло, сталъ ярымъ защитникомъ и сторонникомъ всеобщей воинской повинности, и съ той же энергіей, какъ раньше призывалъ: «Побольше пушекъ! побольше снарядовъ», теперь твердитъ согражданамъ: «Людей! побольше людей!..»

Энергія этого человека уже оценена по достоинству, и среди борцовъ за освобожденіе Европы отъ германскаго гнета онъ по праву займетъ одно изъ выдающихся мѣстъ.

Бывало л
Въ лицѣ
Въ поход
Вамъ что
Случайно
Любимо
И вслѣдъ
Покажет
Не тѣ ли
Не та ли
И волосъ
И та же
Не плат
Какъ бу
Бывало
Въ черт
Вамъ вст
Не бров
Не очерк
Капризна
Таинствен
Но сход
Вы снова
Опаснымъ

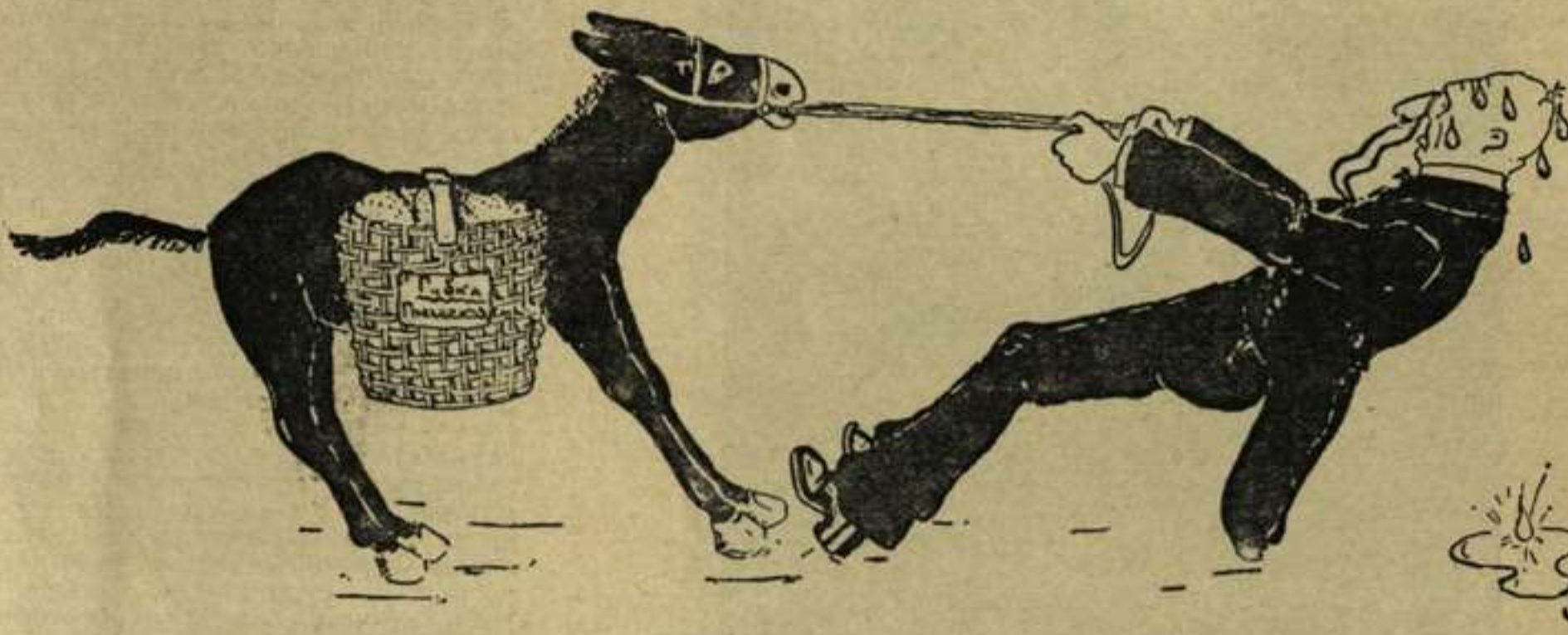
Бывало л
Въ лицѣ
Въ поход
Вамъ что
И сердце
Внезапно
И вы по
За этой

Лит

Очень а
по формат
компактно
лая, какъ
хвостовой
день*). П
потому, ч
почти за
центральн
чество жи
Но если
дѣтъ влеча
го, компакт
стихъ един
ея, наобор
народност
ковъ вдох
ческой отд
онъ разны
рядомъ вел
стиля, во
ния, совер
цѣнности:

* Борист
Петроград
Цѣна 1 р.

ASINUS ET DIPLOMATUS.

— Да, ну же, вперед!

истощенномъ состояніи, чѣмъ раньше. «Пройдетъ немного времени и потомъ наши будутъ разводиться руками: какъ это люди могли добровольно принимать ядъ и вести тѣло свое къ вѣрному разложению?» Таковъ окончательный вердиктъ ученыхъ.

А за послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ произошла большая социальная и экономическая реформа, которая косвенно нанесла послѣдній ударъ алкоголизму: это обязательное страхование рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Промышленность очутилась лицомъ къ лицу съ «алкогольной про-

блемой», такъ какъ статистика указывала, что подавляющее большинство несчастныхъ случаевъ съ рабочими происходило изъ-за нетрезваго ихъ состоянія во время работъ. А между тѣмъ законъ, не входя въ разсмотрѣніе причинъ несчастій съ людьми, обязывалъ промышленника платить пострадавшему. Вопросъ сталъ во всей своей очевидной ясности: невыгодно держать пьющихъ работниковъ. Шонерами выступили желѣзныя дороги: каждый вновь нанимающийся служащій даетъ расписку въ томъ, что онъ абсолютный трезвенникъ. При первомъ же

случаѣ, когда слово его будетъ нарушено и рабочаго уличатъ въ употребленіи алкоголя—онъ не только увольняется со службы, но обязанъ уплатить еще обусловленный «штрафъ», и, кромѣ того, ему чрезвычайно трудно подыскать себѣ другое мѣсто. Больше двухъ миліоновъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ Соединенныхъ Штатовъ—абсолютные трезвенники. Примеру желѣзныхъ дорогъ послѣдовали всѣ крупныя отрасли промышленности: «Американское общество желѣза и стали», «Карнеги и комп.», «Общество постройки мостовъ» и безчис-

ленное количество другихъ предпріятій,—все они являются главнѣйшими рассадниками трезвости. Есть и такіе примѣры: одно филладельфійское общество, владеющее крупными дѣлами въ Пенсильваніи, Индіанѣ и Нью-Йоркѣ объявило, что оно не будетъ отбирать подписокъ о трезвости отъ нанимаемыхъ рабочихъ, но раздѣляетъ всѣхъ служащихъ на три категоріи: пьющихъ, умеренно-пьющихъ и трезвенниковъ. Долголѣтнія наблюденія доказываютъ, что трезвые рабочие во много разъ лучше и добросовѣстнѣе исполняютъ свою работу, чѣмъ пьющие, поэтому нечестно оплачивать трудъ ихъ одинаково,—говорятъ заправилы общества. Поэтому «пьющие» получаютъ на 10 проц. меньше «умѣренно пьющихъ», а «умѣренно пьющие» еще на 10 проц. меньше «трезвенниковъ». Впрочемъ чистаго расчета и здраваго смысла,—такъ говорятъ янки.

Дальнѣйшія наблюденія за жизнью рабочихъ доказываютъ, что изъ каждыхъ 10 трезвыхъ рабочихъ 9 выбираютъ на хорошую дорогу, и семь ихъ благоденствуютъ и пользуются всеми благами жизни, въ то же время они сами живутъ въ среднемъ на 15 лѣтъ дольше ихъ пьющихъ товарищей, которые въ большинствѣ къ 45 годамъ уже живыя развалины.

Борьба промышленности съ алкоголизмомъ дала уже такіе блестящіе результаты, что Американцы надѣются лѣтъ черезъ 10—12 совершенно искоренить этотъ вредный порокъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Редакторъ М. Н. Мазяевъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

Поступило въ продажу только что вышедшее новое роскошное изданіе
Графа Л. Н. Толстого
„ХАДЖИ-МУРАТЪ“
съ рисунками А. П. САФОНОВА.
Цѣна 50 коп.; съ перес. 60 коп. (можно почт. марк.), нал. плат. 70 к.
Складъ изданія, Петроградъ, Надеждинская, 19, книжный складъ газеты „Русскаго Читанія“.

АДРИАНЪ ЧИРЦОВЪ
В. О., 1 лин., 28.
Завѣдуя болѣе 25 лѣтъ поставками въ фирмахъ Е. Ф. Баласова и Х. К. Крихъ доводу до свѣдѣнія гг. клиентовъ, что имѣю въ большомъ выборѣ всѣ чертежи и копировскія принадлежности, какъ-то: колѣнокъ „Imperial“, калѣнка бумаги, бум. масштабная, Ватманъ, чертѣжная, стоны чертѣжные, готовальни Рихтеръ и Рифлеръ. Приемъ заказовъ на типограф. и литогр. раб. и копировскія книги. Смѣты по заявленію.
Готовый къ услугамъ А. Чирцовъ.

Изъ собствен. сада высылаетъ **МАНДАРИНЫ**
12 ф. почт. пос. по всей Россіи съ окт. до дек. по 9 руб. за ящикъ съ 10 ф. яруш. сладк. и аромат. плодовъ. Потребителямъ на 25 % дешевле предложенной оптовой цѣны. Требуется и деньги адрес. Сочи. **Ивану.**

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія полнѣе и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**
Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразованія». Б. Ружейная, 11.

СВѢТЬ ВЪ ОКОПАХЪ!
Небывало долго горящія
ЭЛЕКТРО-ФОНАРЫ
съ отдѣльнымъ рефлекторомъ аккумуляторныя и батарейныя
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 33.

ЭТИ ПРЕКРАСНЫЯ, СВѢЖІЯ, ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЯ ЛИЦА,
этотъ юный видъ и бархатистость кожи получается отъ употребленія Дермозона Д-ра Антона Мейеръ. Въ ближайшей аптекѣ Вы можете получить банку въ 30 граммовъ полукрѣпнаго Дермозона. Втирайте его на ночь въ лицо кончиками пальцевъ и Ваше лицо сдѣлается свѣжимъ, юнымъ и бархатистымъ. Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО“. Вы безусловно **БЫСТРЕ** и **УСПѢШНѢ** достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примененія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь не однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высшей нашей просятѣ, а ознакомившись подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выберите:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средняго учебнаго заведенія, для подготовленія на знанія полноопредѣленногосл. класснаго чина, аптеч. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмцкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, ком. арием., товаровѣд., банк. дѣла, финанс., биржи и т. д.

Народная школа 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—9 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома—5 р. 60 к.

Коммерческая Корреспонденція. Русская, Французск., Англійск. Каждая по 1 р. 40 к.

Коммерческая ариеметика. 1 руб. 40 коп.

Ариеметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библиотечка языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ Франц., англ. и нѣм. по 45 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глаздовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины } **ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65;**
(для провинціальныхъ въ } **МОСКВА, Мясницкая 18.**
Москвѣ и Петроградѣ):

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу карта
ОКРЕСТНОСТЕЙ
Г. ПЕТРОГРАДА.
Цѣна 30 коп.
Изданіе А. И. ЗАГРЯЖСКАГО, гор. Петроградъ, Разъѣзжалъ, 14.

НОВАЯ КНИГА:
В. П. ОПОЧИНИНЪ
ВЪКЪ НЫНѢШНІЙ
КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.
Цѣна 2 рубля.
Изданіе Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время».

НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:
„ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ“
(ЮРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСАЗЫ).
Продается въ магазинахъ „Новое Время“
Цѣна 1 рубль.

хъ предиря-
главнѣйшими
Есть и такіе
ѣфійское об-
ѣлыми дѣлами
и Нью-Йор-
будеть отби-
сти отъ на-
раздѣляетъ
и категорин:
хъ и трезвен-
блюденія до-
рабочіе во
обросовѣсти
ѣмъ пьюще,
тъ трудъ ихъ
равины об-
получаютъ
ѣроино пью-
ще» еще на
никовъ». Во-
и здраваго
ки.
за жизнью
то изъ ка-
нихъ 9 выби-
гу, и семьи
пользуются
то же время
днемъ на 15
ихъ товари-
ствѣ къ 45
инны.
съ алкого-
лестящіе ре-
мы падъютя
шенно иско-
къ въ Соеди-

ДЕВЪ.
С. СУВОРИНА

К. Крикхъ
и. и контор-
ган, Ватман,
въ на типо-
риновъ.

ь поступила въ
ГРАДА.
ор. Петроградъ,

НЪ
НИЙ
ВЪ.
рина—

СКОЙ:
ИЗНИ
АЗЫ).
ное Время

НОВОЕ ВРЕМЯ

119

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14560

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 17 (30) СЕНТЯБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14560

РУМЫНСКАЯ КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ.

Принцесса Елизавета.

Король Румыніи Фердинандъ.

Принцесса Марія.

Наслѣдникъ престола принцъ Кароль.

Принцъ Николай.

Королева Марія съ младшей дочерью принцессой Илеаной.

Премьеръ-министръ г. Братіано.

Генералъ Авереску, одинъ изъ выдающихся вождей арміи.

Друзья союзниковъ въ Румыніи.

Федоръ Тугаринъ и Анастасья Прекрасная.

(Русская народная сказка).

Царь столбтний померь, а за нимъ вослѣдъ Померла царица деваноста лтъ. Федоръ сынъ остался, прозвищемъ Тугаринъ, Статный и красивый—подлинный бояринъ; И остались дочки, счетомъ ровно три, Краше и свѣжѣ утренней зарн... Дочекъ царь съ царицей поручили брату, Чтобы замѣнили имъ тяжкую утрату, Чтобы подыскалъ имъ лучшихъ жениховъ, Охранялъ отъ гора, лиха и грѣховъ...

Годъ прошелъ спокойно... Вдругъ завывла буря, Пыль бросая къ небу, небо тучей хмури... И воскликнулъ Вѣтеръ: «Въ жены дай сестру, А не то я силой теремъ отопру». Загудѣло въ трубахъ, затрещало гнѣвно, И исчезла съ вѣтромъ старшая царевна. Брата не спросила—радъ онъ, или не радъ... Черезъ годъ за средней объявился Градъ, Требуешь царевну, барабанить въ крышу,— Уступилъ царевичъ, молвить: «Ладно, слышу!»

А потомъ и третью вызвалъ въ жены Громъ И унесъ далеко изъ родныхъ хоромъ.

Во дворцѣ безлюдномъ скучно стало Федъ,— «Посмотрю,—рѣшилъ онъ,—какъ живуть сосѣди»... Утромъ въ путь собрался, черезъ темный боръ Выѣхалъ къ полянѣ, кипулъ быстрый взоръ,— Зелень... солнце свѣтитъ, край здѣсь такъ волюготень, А людей избитыхъ въ полѣ сколько сотень... Видно бой былъ страшный, полегла здѣсь рать, Видно надо было людямъ умирать. Съ кѣмъ же это войско мертвое боролось? И въ отвѣтъ раздался еле слышный голосъ: «Дай воды напиться»... Обойдя рѣду, Разыскавъ живого, Федя далъ воды. И отвѣтилъ Федъ ратникъ съ черной раной: «Умираемъ въ полѣ мы безъ славы бранной, Колдовствомъ ли взяты въ тотъ ужасный часъ,— Только побѣдила женщина всѣхъ насъ. Это Анастасья—богатырь-царица— Въ землю насъ втоптала, улетѣвъ, какъ птица»... Померъ бѣдный ратникъ; Федя влѣтъ вдалъ, Витазей погибшихъ всей душою жаль. Вотъ бы повстрѣчаться съ этой Анастасией, Рану прямо въ сердце нанести смѣясь ей,— Духъ ли мой не крѣпокъ, мечъ ли не остеръ? И увидѣлъ Федя парчевой шатеръ... Что бы это было? Чья стоянка въ полѣ? И коня оставивъ побродить на волѣ, Входитъ осторожно, но въ шатрѣ пустомъ Сразу засыпаетъ богатырскимъ сномъ.

Долго ли, не долго спать пришлось съ дороги, Только онъ проснулся и вкочилъ въ треногъ. Передъ нимъ въ доспѣхахъ гѣва-красота, Ласково смѣются алмазныя уста. «Что, витазій витязь, почивалъ ты сладко? Биться или мириться?—вотъ моя загадка,—

Самъ рѣшай загадку: хочешь смертный бой, Хочешь—я останусь навсегда съ тобой». Смотритъ царь-дѣвица, испытуетъ взоромъ,— Не томи, молъ, витязь, долгимъ разговоромъ, Отвѣчай скорѣе, какъ велитъ душа, Я-ль тебѣ не правлюсь, я-ль не хороша? Очи опустила съ затаеннымъ смѣхомъ, Ирко рдѣютъ губы, по мужскимъ доспѣхамъ Змѣями сбѣгаютъ чудо-волоса, На плѣнникъ не можетъ дивная краса. Но царевичъ Федоръ мудръ и остороженъ,— Мечъ онъ вынимаетъ изъ широкихъ ноженъ И спокойно молвить: «Вотъ мой вѣрный мечъ, Буду я покуда голову беречь.— А рѣшать загадку надо высшей волѣ: Если наши кони подружались въ полѣ, Вместе ходятъ рядомъ, пробуютъ траву,— Значитъ—я съ тобою дружно проживу, Значитъ—справлю свадьбу съ храброй Анастасией, Жизнь свою и душу вѣрю, не страшась, ей».

Оба вышли въ поле,—видать—два коня Рядомъ щиплютъ травку у сѣдога пня. Молвить царь-дѣвица: «Слово это помни, Быть твоей подругой, видно, суждено мнѣ, Буду я послушной, ласковой женой, Будь и ты послушенъ, будь правдивъ со мной»...

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ, Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досужимъ; Игры и охота цѣлый день-днемской, Ночью—пиръ, а послѣ—лѣта и покой... Но однажды утромъ съ Настей на охоту На поѣхалъ Федоръ, чувствуя дремоту, Онъ лежать остался въ свѣтломъ терему,— На прощанье Настя говоритъ ему: «Можешь обходить ты дѣвичий мой теремъ, Но не приближайся къ самымъ дальнимъ дверямъ И не пробуй, Федя, отомкнуть заперъ»... Чуть ушла Анастасья, съ этихъ самыхъ поръ Не ложится Федъ, сонъ согнало разомъ,— Посмотрѣть бы только хотъ единымъ глазомъ... Тяжкій болтъ онъ выпнулъ,—растворилась дверь, И отпрянулъ Федя... полосатый звѣрь, Хвостъ свивая въ кольца, расправляя крылья, Напрягалъ въ движеняхъ страшныя усиля; За ребро подвѣшенъ ввинченнымъ крюкомъ, Потолокъ лизалъ онъ чернымъ языкомъ. Кровь струилась на полъ, образуя лужи,— Съ каждымъ поворотомъ застрѣвалъ онъ хуже, Дергаясь всѣмъ тѣломъ, чтобы крюкъ ослабъ,— По стѣнамъ цѣплялись когти сильныхъ лапъ. Федя сталъ у двери, подойти не смѣя,— Въ первый разъ онъ видѣлъ пойманнаго Змѣя,— Кто задумалъ гада въ теремъ беречь? Вдругъ услышалъ Федя человѣчью рѣчь: «Ловкости змѣиной, люди, вы дивитесь, Но, повѣрь, страдалцу, незнакомый витязь,— Ловкостью коварной женщина страшнѣй, Чѣмъ степной властитель полосатый Змѣй. Сватала Анастасью я прошедшимъ лѣтомъ, Отпустилъ на волю кровопийцу злого; Винавать ты, Федя, въ гибели моей,— Вѣдь меня похитилъ ненавистный Змѣй. Мы живемъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ лѣсные звѣри, Здѣсь неподалеку въ каменной пещерѣ; Онъ теперь въ болотахъ добываетъ дичь... Я съ горы спускалась, чтобы ручья достать...

Помоги мнѣ, витязь, снять съ крюка ребро, Заплачу я щедро за твое добро»... Раненаго Змѣя жалко стало Федъ: Лишняя жестокость не нужна побѣдѣ,— Мучить Анастасью, не боясь грѣха, Мучить понапрасну горе-женыхъ. «Ладно,—онъ отвѣтилъ:— снять тебя сумью», И помогъ спуститься раненому Змѣю. Вскрикнулъ Змѣй побѣдно: «Страшенъ я теперь!» И, расправивъ крылья, вылетѣлъ за дверь. Сразу понялъ Федя, что, нарушивъ слово, Отпустилъ врага онъ давниго и злого... Какъ сказать Анастасью? Ей въ глаза взглянуть?... Лучше прочь отсюда, лучше въ дальнй путь!

Третій день ужъ ѣдетъ темнымъ лѣсомъ Федя, Горькую кручину мыслями береде... Что послать благого можетъ мнѣ судьба?... Вдругъ въ лѣсу дремучемъ передъ нимъ изба... «Къ добрымъ или къ недобрымъ я держу дорогу?» Громко молвилъ Федя, подходя къ порогу. Тотчасъ женскій голосъ раздался въ отвѣтъ: «Если добрый путникъ, — заходи, мой свѣтъ». Входитъ онъ въ свѣтелку и глазами дивится: Кажется, знакома красная дѣвица. А она смѣется: «Не дѣвица я,— Братъ любезный Федоръ, я сестра твоя... Ты потѣшь сестрицу лаской разговора,— Мужъ мой, буйный Вѣтеръ, возвратится скоро». Съли, говорили... Вдругъ качнулся лѣсъ, Страшный трескъ раздался, и въ окошко влѣзъ Вѣтеръ, отдуваясь, колыхаясь брюхомъ... «Что-то здѣсь въ свѣтлицѣ пахнетъ русскимъ духомъ»... «Это Федоръ — братъ мой», — говорить жена.

«Федоръ? Ну прекрасно, доставай вина,— Навсегда сроднимся, только хватимъ хмелю»... Такъ и пировали цѣлую недѣлю... «Ну, прощай, царевичъ, названный мой братъ, Услужить придется—буду очень радъ, Мнѣ любовь и дружбу ты оставь въ награду, А теперь отправься къ родственнику Граду».

На опушкѣ лѣса межъ дуплистыхъ пней. Федя въ домѣ Града пировалъ семь дней, Крѣпко подружился съ Градомъ онъ въ ту пору И поѣхалъ къ Грому на большую гору. Грома поивавши, съ нимъ попиравъ, Федя ѣдетъ полемъ межъ росистыхъ травъ. Видно, дождь былъ ночью, небо въ легкихъ тучахъ; Повернулъ онъ вправо, у кустовъ колючихъ, Выѣхалъ въ ложину, гдѣ журчатъ ручей, Глянулъ и не вѣрится зоркости очей: Такъ и захлестнуло буйное веселье,— Выше по теченью, гдѣ тѣснитъ ущелье, У ручья Анастасья... Двинулъ онъ коня, Крикнулъ: «Узнаешь ли, милая, меня? Сводитъ насъ недаромъ вѣщая удача»... Кинулась Анастасья, и смѣясь, и плача, Радостно цѣлуетъ Федора въ уста, А сама рыдаетъ, видно неспроста... «Федя, другъ желанный, ты нарушилъ слово, Отпустилъ на волю кровопийцу злого; Винавать ты, Федя, въ гибели моей,— Вѣдь меня похитилъ ненавистный Змѣй. Мы живемъ съ нимъ вмѣстѣ, какъ лѣсные звѣри, Здѣсь неподалеку въ каменной пещерѣ; Онъ теперь въ болотахъ добываетъ дичь... Я съ горы спускалась, чтобы ручья достать...

Федя, другъ желанный, будь помощникъ горю,— Рабствомъ ненавистнымъ я себя позорю... Взялъ Анастасью Федоръ, подсадилъ къ сѣдлу,— Конь помчался быстро внизъ вдоль по руслу. Только, видно, лучше есть на свѣтѣ коня,— Не сумѣлъ уйти онъ отъ лихой погони... Слышитъ Федоръ сзади крыльевъ шумъ и свистъ, Жаръ сжигаетъ травы, свертываетъ листь, Покрываетъ небо тучами сѣдыми— Можно задохнуться въ безпросвѣтномъ дымѣ. Конь дрежитъ всѣмъ тѣломъ, сразу можетъ пасть, Федю постигаетъ огненная пасть; Онъ уже отравленъ смертоноснымъ ядомъ, Падаетъ на землю съ помутившимъ взглядомъ... Змѣй схватилъ Анастасью, поднялъ на крыло И домой помчался, торжествуя зло.

А сѣдыя тучи, свѣтъ небесный хмури, Тяжко шевелились, собиралась буря. Прибылъ буйный Вѣтеръ, налетѣлъ и Градъ. Громъ ударилъ страшный два раза подрядъ... Всѣ зятя собрались... Федю видятъ трупомъ, Жалко распростертымъ подъ крутымъ уступомъ. Что лежишь ты, бѣдный, голову сгуби? Ты живи водою орызаемъ на тебя... Брызнули—и Федя, потянувши носомъ, Всталъ и прямо къ Вѣтру бросился съ вопросомъ: «Долго ли проспалъ я? Въ толкъ мнѣ трудно взять»... «Если мы,—не всталъ бы,—отвѣчаютъ зять.

Ночь оставшись съ ними, раннимъ утромъ Федя Вновь пошелъ къ ущелью, прошлой встрѣчей бредя. На краю утеса съѣлъ на мохъ сѣдой, Видитъ—Анастасья сходить за водой. Вскрикнула внезапно съ радостнымъ испугомъ, Взглядомъ повстрѣчавшись съ невредимымъ другомъ, Подняла призывно кисти бѣлыхъ рукъ... Федя говоритъ ей: «Тише, милый другъ... Мы спаслись не можемъ, тайны не имѣя, Нужно эту тайну вывѣдать у Змѣя. У него узнай ты, выспроси впередъ, Есть ли конь быстрее, чѣмъ его пометъ... И еще спроси ты, подлинно развѣдай, Гдѣ его погубилъ... радостной побѣдой Мы тогда навѣки отгранимъ бѣду.— На крутомъ утесѣ здѣсь я подожду».

Ходитъ по ущелью полусумракъ сѣрый, Только свѣтитъ солнце у большой пещеры, Змѣй лежитъ на солнцѣ, грѣясь у ручья, Блещетъ изумрудомъ тѣла чешуя... Онъ не спитъ, не дремлетъ, онъ любовнымъ взглядомъ Женщину обводитъ, свѣжую съ нимъ рядомъ; А она, лелѣя сладостный покой, Гладишь властелина ласковой рукой. «Змѣй, мой повелитель, ты могучъ и славенъ, Кто тебѣ на свѣтѣ бранной мощью равенъ? Кто посмѣетъ дерзко увезти меня? Ты въ пути настлалъ всякаго коня...» «Разные есть кони,—Змѣй сказалъ:—съ разборомъ Доставать ихъ надо... За дремучимъ боромъ, У колдуньи-бабы попадется конь — Съ нимъ иди хоть на смерть, въ воду и въ огонь».

«Змѣй, мой повелитель, ложью словъ не пугай,
Развѣ конь спасаетъ отъ кончины лютой?»
Змѣй оскалилъ зубы... «Смерть мнѣ не страшна,
Вѣрно и далеко спрятана она;
Пусть, кто хочетъ, ищетъ: отыскать не штука,—
Есть на морѣ островъ, водится тамъ утка,
Въ ней яичко съ камнемъ, острымъ на концѣ,
Смерть моя въ томъ камнѣ, спрятанкомъ въ яйцѣ».
Молвилъ и улегся, хвостъ поджавши къ лапамъ,
Гулкое ущелье наполняя храпомъ...
Кинулась Настасья, радостно рѣзва,
Передала Оеда все его слова.

Вѣтеръ буйный Вѣтеръ, ходитъ по долинь,
Спрашиваетъ Оеда: «Какъ живешь ты нынѣ?»
И узнавъ отъ Оеди сказъ змѣйный весь,
«Ладно, — отвѣчаетъ, — камень будетъ здѣсь;
Съ моря возвращусь я съ камнемъ къ новолуныю,
Ты ступай покуда, повидай колдунью».
Въ темный лѣсъ дремучій, въ сумракъ вѣковой
Оеда входитъ храбро: слышитъ ревъ и вой,—
Здѣсь грызутся волки, разбирая падалъ...
Оеда говоритъ имъ: «Грызть друга друга шало ль?
Все здѣсь будутъ сыты изъ моей руки».
И волкамъ разрѣзалъ равные куски...
«Будь тебѣ удача, какъ вернешься къ людямъ,—
Отвѣчали волки—мы-жъ въ долгу не будемъ».
Попрошавшись, Оеда дальше въ лѣсъ пошелъ,
Видитъ—изъ-за меда бьются рои пчелъ...
«Дайте,—говоритъ онъ,—надѣлю васъ медомъ, —
Буду справедливымъ,—каждому свое дамъ».
Пчелы отвѣчаютъ: «Ладно, надѣли,—
Бьемся мы напрасно въ золотой пыли,
Будь ты намъ судьбою—не простымъ прохожимъ,
Мы тебѣ за это какъ-нибудь поможемъ».
Пчеламъ легкокрылымъ подѣлввши медъ,
Оеда попрощался и пошелъ впередъ.

Сквозь густую чащу вышелъ на опушку
И въ кустахъ увидѣлъ ветхую избушку:
Здѣсь она, колдунья, нужная теперь.
Подождалъ и стукнулъ въ запертую дверь.
Дважды стукъ отвѣтилъ гдѣ-то за долиной;
Показалась баба съ бородой козлиной,
Старая, рябая, крючковатый носъ,
По плечамъ двѣ пряди спутанныхъ волосъ...
«Что напрасно будишь?»—«Не напрасно, баба,
За конемъ пришелъ я, конь стучу не слабо».
«Дамъ тебѣ, пожалуй, добраго коня,
Но табунъ мой прежде стереги три дня...
Пѣлы кобылицы—жеребенка-чудо
Отъ меня получишь, а иначе—худо».
«Ладно,—молвилъ Оеда:—понимаю рѣчь,—
Кобылицъ согласенъ я три дня стеречь».
Выспался онъ сладко въ травахъ подъ избушкой,
Утромъ ихъ выводить, гонить другъ за дружкой...
Выпекла въ дорогу баба пирожокъ,—
«Завтракать захочешь,—кушай, мой дружокъ».

По травѣ росистой бродятъ кобылицы;
Солнце свѣтитъ ярко; въ небѣ свищутъ птицы;
Хорошо и вольно на большомъ лугу;
Думается Оедѣ: всехъ уберегу.
Пирожокъ онъ вынулъ, скушалъ отъ бездѣлья,
И заснулъ сейчасъ же... Соннаго ли зелья
Подѣлвала баба, только встать все лѣнь,

Спитъ онъ, не вставая, вотъ ужъ третій день.
Вдругъ проснулся сразу отъ ужасной боли,
Будто бы все тѣло иглы искололи.
Видитъ—суется пчелъ жужжащій рой:
«Встань, проснись,—ужъ солнце скрылось за горой».
«Гдѣ же кобылицы? Если дѣло къ ночи,
Ихъ въ кустахъ, въ опрагахъ разыскать нѣтъ мочи»...
Вдругъ онъ слышитъ ржанье, жалкое, какъ плачь,
Кобылицъ пугливыхъ волки гонять вскачь;
Жмутся кобылицы, ежатся въ испугъ...
«Всеимъ друзьямъ спасибо на такой услугѣ»,
Громко молвилъ Оеда, кобылицъ собравъ,
И погналъ ихъ къ бабѣ межъ высокихъ травъ.

Удивилась баба, затряслась отъ злости,—
Видишь, какой нескладный навязался въ гости.
Какъ тутъ быть? Въ раздумьи когтемъ чешетъ пазышъ,
Оеда приглашаетъ: «Приходи, поѣшь»...
Оеда къ ней заходитъ. «Кушай, будь послушенъ,
Я сама управляю около конюшенъ».
Думаетъ царевичъ: не обманешь ты,
И за бабой тотчасъ бросился въ кусты.

Утромъ всталъ онъ рано, кинулъ быстрый взглядъ:
Выбѣжало много рѣзвыхъ жеребятъ...
Говоритъ старуха: «Твердо помню слово,
Вотъ моя расплата—выбери любого».
Посмотрѣлъ царевичъ и того поймалъ,
Что былъ въ грязныхъ ранахъ, кривоногий и малъ.
«Ну прощай, старуха, жди со мною встрѣчи».
Отошелъ и слышитъ голосъ человѣчій,—
Молвитъ жеребенокъ: «Дай мнѣ три зари
Въ росахъ искупаться—послѣ посмотри».
Только искупался—видѣ пропасть убогій,

Утромъ всталъ онъ рано, кинулъ быстрый взглядъ:
Выбѣжало много рѣзвыхъ жеребятъ...
Говоритъ старуха: «Твердо помню слово,
Вотъ моя расплата—выбери любого».
Посмотрѣлъ царевичъ и того поймалъ,
Что былъ въ грязныхъ ранахъ, кривоногий и малъ.
«Ну прощай, старуха, жди со мною встрѣчи».
Отошелъ и слышитъ голосъ человѣчій,—
Молвитъ жеребенокъ: «Дай мнѣ три зари
Въ росахъ искупаться—послѣ посмотри».
Только искупался—видѣ пропасть убогій,

Утромъ всталъ онъ рано, кинулъ быстрый взглядъ:
Выбѣжало много рѣзвыхъ жеребятъ...
Говоритъ старуха: «Твердо помню слово,
Вотъ моя расплата—выбери любого».
Посмотрѣлъ царевичъ и того поймалъ,
Что былъ въ грязныхъ ранахъ, кривоногий и малъ.
«Ну прощай, старуха, жди со мною встрѣчи».
Отошелъ и слышитъ голосъ человѣчій,—
Молвитъ жеребенокъ: «Дай мнѣ три зари
Въ росахъ искупаться—послѣ посмотри».
Только искупался—видѣ пропасть убогій,

въ дни войны по россии.

Провинциальный карикатуристъ.

Ужъ зардѣлись звѣзды надъ широкимъ лугомъ,
Ходить кобылицы передъ бабой кругомъ...
Каждую ударивъ, шепчетъ ей она:
«Къ утру жеребенка ты родить должна».
Лучшей приказала грознымъ взмахомъ палки:
«Пусть твой жеребенокъ будетъ съ виду жалкій,
Весь въ паршивыхъ ранахъ, малъ и хромоногий,
Чтобъ его царевичъ угадать не могъ».

А царевичъ слышитъ хитрую старуху.
За кустомъ высокимъ весь отдавшій слуху.
Утромъ всталъ онъ рано, кинулъ быстрый взглядъ:
Выбѣжало много рѣзвыхъ жеребятъ...
Говоритъ старуха: «Твердо помню слово,
Вотъ моя расплата—выбери любого».
Посмотрѣлъ царевичъ и того поймалъ,
Что былъ въ грязныхъ ранахъ, кривоногий и малъ.

«Ну прощай, старуха, жди со мною встрѣчи».
Отошелъ и слышитъ голосъ человѣчій,—
Молвитъ жеребенокъ: «Дай мнѣ три зари
Въ росахъ искупаться—послѣ посмотри».
Только искупался—видѣ пропасть убогій,

Ниже опускаясь надъ зеленымъ лугомъ...
Тутъ настигъ злодѣя разъяренный Градъ,
Бьетъ его, колотитъ въ голову и въ задъ.
Но силенъ проклятый, близится къ побѣдѣ;
Плачетъ Анастасья, прижимаясь къ Оедѣ:
«Оеда, другъ желанный, погибаетъ мы,—
Не уйти мнѣ, бѣдной, изъ его тюрьмы».
Вдругъ примчался Вѣтеръ съ моря въ это время
И ударилъ камнемъ Змѣя прямо въ темя.
Въ этомъ остромъ камнѣ смерть его была:
Онъ упалъ, раскинувъ два большихъ крыла.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Раны затянулись, выпрямились ноги...
И, купался дальше въ влагѣ свѣтлыхъ росъ,
Каждый день все выше жеребенокъ росъ.
Сталъ совсемъ красавецъ — горделивъ и важенъ,
Прыгнетъ—такъ отшвырнетъ сразу сколько сажень...
На коня лихого тутъ царевичъ сѣлъ,
Черезъ лѣсъ промчался, дерзновенно смѣлъ.

Вотъ ужъ новый мѣсяцъ показался въ небѣ,—
Гдѣ же буйный Вѣтеръ? Счастливъ ли мой жребій?
Но дыханье Вѣтра отдалось въ лѣсу:
Камень тотъ завѣтный я тебѣ несу.

У ручья царевичъ задержалъ поводья,—
Конь остановился въ тинѣ мелководья...
Даль разсвѣтомъ бѣднымъ нѣжно занялась;
Оеда ждетъ, съ ущелья не спуская глазъ.
Вотъ ужъ встало солнце, раздвинувъ тучи,—
Сходить Анастасья осторожно съ кручи,
Хочетъ умываться плещущей водой...
«Здравствуй», крикнулъ Оеда, дернувши уздой.

Взялъ ее, приподнял и въ весельи бодромъ
Разъ коня ударилъ по широкимъ бедрамъ;
Конь рванулся тутъ же, взвился на дыбы,
И понесся вихремъ отъ лихой судьбы.

Только грудь земная тяжело задрожала,—
Страшный Змѣй проснулся, расправляя жало...
Онъ зоветъ Настасью, ей проклятья шлетъ,
Крылья растопырилъ и пустился въ летъ.
Все вздымаясь выше, хмурится свирѣпый,
Конь уже далеко на широкой стени...
Эхъ, куда умчались, видно, конь ретивый!..
Бросился въ погоню, крылья распустивъ.

«Конь, мой конь ретивый, свистѣ я слышу сзади,
Видно, Змѣй проклятый спрятанъ былъ въ засадѣ,
Я погоню слышу—не обманетъ слухъ»...
Конь удвоилъ силы, весь собравши духъ.
Но и Змѣй размахомъ забираетъ круче...
Небо потемнѣло, шевельнулись тучи,
Отливаютъ чернью, свѣтятъ серебромъ,—
Оглушая Змѣя, грянулъ сразу Громъ...
Змѣй летитъ быстро, не смущенъ испугомъ,
Ниже опускаясь надъ зеленымъ лугомъ...
Тутъ настигъ злодѣя разъяренный Градъ,
Бьетъ его, колотитъ въ голову и въ задъ.
Но силенъ проклятый, близится къ побѣдѣ;
Плачетъ Анастасья, прижимаясь къ Оедѣ:
«Оеда, другъ желанный, погибаетъ мы,—
Не уйти мнѣ, бѣдной, изъ его тюрьмы».
Вдругъ примчался Вѣтеръ съ моря въ это время
И ударилъ камнемъ Змѣя прямо въ темя.
Въ этомъ остромъ камнѣ смерть его была:
Онъ упалъ, раскинувъ два большихъ крыла.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

Зажили привольно Анастасья съ мужемъ,
Нѣтъ конца веселью, прихотямъ досу-жимъ,
На пиры сзываютъ весь честной народъ,—
Всехъ, кого ни встрѣтятъ у своихъ пороги.
Ходить-бродить слава по далекимъ селамъ,—
Былъ и я когда-то на пиру веселомъ,
Пилъ и медъ, и пиво, да къ моей бѣдѣ
Мимо рта стекало внизъ по бородѣ.

В. Опочининъ

Будущее войны. Фото-этюды В. Я. Маллца, сняты въ Рязанской губ.

Вновь назначенный обер-прокуроръ Св. Синода
Николай Павловичъ Раевъ.

Пестрая бестыды.

Савина и Виардо.

Вспоминаются мигъ глаза Полины Виардо. Вотъ сейчасъ стоятъ передо мною. Я видѣлъ ихъ разъ, очень близко, эти глаза. Въ 1900 году въ Парижѣ устраивался кружокъ русскихъ концертъ въ пользу начинающаго тенора - соотечественника, ученика Виардо.

Концертъ былъ устроенъ въ «Salle du Journal» (зала редакціи газеты «Journal») и лично я въ немъ принималъ участіе, читая свои стихи.

Ждали Виардо, которой теноръ-концертантъ отвезъ билеты и за которые она заплатила сто франковъ.

Виардо прѣхала очень точно къ девяти въ кругу какихъ-то пожилыхъ дамъ.

Выйдя на эстраду, я сейчасъ же увидалъ эти пристально смотрѣвшіе, совершенно черные глаза. Вся въ черномъ, съ костылемъ, сидѣла въ первомъ ряду посрединѣ эта великая европейская пѣвица, сестра Малибранъ и подруга Тургенева. Она уже была глубоко стара въ это время, но глаза не остывали, глаза не сверкали, но упорно горѣли: умомъ, волей, жизнью. Глаза были молоды. Послѣ концерта, когда все мы, участники, провожали Виардо до дверей и когда я былъ ей представленъ, опять эти глаза поразили меня своей упорной жизнью.

Сгорбленная, съ палкой, сѣдая голова, что-то давно прошедшее во всей фигурѣ. А въ глазахъ и прошедшее, и настоящее.

Такъ они пристальны, внимательны къ жизни. Можно никуда не уйти. Тургеневъ называлъ себя однолюбомъ. Онъ рассказывалъ, что Виардо покорила его сразу, съ первой встрѣчи. Съ первой встрѣчи эти, ска-

залъ бы я вспоминая, густые, черные глаза, глаза южной ночи, глаза Испанки, быть можетъ полуцыганки, глаза женщины, въ которыхъ есть та чара, которую итальянцы называютъ характернымъ словомъ «malia», приковали къ себѣ этого ревниво, властно. Въ такихъ глазахъ большого, свѣтлоглазаго Славянина, очень некрасивой женщины, какою была Виардо, но необычайно талантливой, необычайно умной, можетъ быть совершенно исключительная сила притяженія. Вотъ именно такіе глаза въ некрасивой-то женщинѣ и выступаютъ съ особенной яркостью и силой, не потеряются среди другихъ вышнихъ прелестей. А красота таланта ихъ зажжетъ всю овою страстью, ибгой и обаяніемъ. И отъ этихъ глазъ

можно никуда не уйти. Тургеневъ называлъ себя однолюбомъ. Онъ рассказывалъ, что Виардо покорила его сразу, съ первой встрѣчи. Съ первой встрѣчи эти, сказалъ бы я вспоминая, густые, черные глаза, глаза южной ночи, глаза Испанки, быть можетъ полуцыганки, глаза женщины, въ которыхъ есть та чара, которую итальянцы называютъ характернымъ словомъ «malia», приковали къ себѣ этого ревниво, властно. Въ такихъ глазахъ большого, свѣтлоглазаго Славянина, очень некрасивой женщины, какою была Виардо, но необычайно талантливой, необычайно умной, можетъ быть совершенно исключительная сила притяженія. Вотъ именно такіе глаза въ некрасивой-то женщинѣ и выступаютъ съ особенной яркостью и силой, не потеряются среди другихъ вышнихъ прелестей. А красота таланта ихъ зажжетъ всю овою страстью, ибгой и обаяніемъ. И отъ этихъ глазъ

Есть тайны могилы, которые никогда не станутъ раскрытыми. И къ такимъ тайнамъ принадлежитъ этотъ романъ дружбы-любви или страсти-любви, кто скажетъ точно?

Но зачѣмъ точки на і?

Германская гаубица, отбитая русскими войсками.
Снимокъ англійскаго корреспондента.

ПОДЪ РИГОЮ. — Подвозъ снарядовъ на позицію.

Рис. А. Прожецлавскій (участникъ войны).

Эти глаза Полины, глаза не умиравшіе до самой смерти, не говорили о тихой дружбѣ. Это были глаза властительницы. Никто въ нашей литературѣ не изображалъ такимъ глубокимъ и плѣнительнымъ перомъ, какъ Тургеневъ, — именно вотъ эту таинственную, скрытую гдѣ-то въ глубинахъ существа, власть женщины надъ мужчиной.

Вспомните «Бригадира», вспомните «Клару Миллячъ», вспомните «Фауста», гдѣ старуха Ельцова не только ревниво сторожитъ дочь изъ-за гроба, но и отнимаетъ ее своей таинственной властью надъ нею у любимаго человѣка.

И онъ чувствуетъ эту власть старухи. Она и съ портрета глядитъ на него ревнивымъ взглядомъ.

Толстой удивительно писалъ реальныхъ женщинъ; женщины Достоевскаго, на мой взглядъ, почти сплошь грубо истеричны, вазойливы, многорѣчивы, утомительны и не чувствуютъ ихъ.

Тургеневъ, какъ никто, раскрывалъ, иногда только проткрывалъ, подъ какой-то дымкой, эту таинную власть на всю жизнь женскаго существа.

Но во власти Марьи Николаевны Полозовой (Вешня вода) дымки нѣтъ никакой. Это та власть бузудержно смѣлой, лишенной какихъ-либо нравственныхъ устоевъ, чувственно страстной и совершенно холодной женщины, которая выигрываетъ сраженіе на полѣ любви, какъ хладнокровный, все являе расчитавшій стратегъ, великолѣпно знающій характеръ противника.

Фигура эта написана поразительно. И

Полковникъ Н. I. Крутинскій.
Награжденъ георгиевскимъ оружіемъ
и чиномъ полковника.

Супруга великобританскаго посла при Высочайшемъ Дворѣ
лэди Джорджина Бьюкененъ
Всемилолюбивѣе принята въ число дамъ Императорскаго ордена
св. великомученицы Екатерины 29 августа с. г.
Представительницамъ иностранныхъ державъ, отличіе это жа-
луется въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ. Его имѣютъ лишь
особы царствующихъ домовъ, а также изъ иностранцевъ всего
нѣсколько лицъ за выдающіея заслуги.

Генер. Константинъ Лукичъ Гильчевскій.
Представленъ къ ордену св. Георгія
4-й и 3-й степ.

поразительно написаны чувства Са-
нина, этого раба любви.

Тургеневъ, конечно, былъ покоренъ
Вярдю, но въдѣ и покоренные мечтаютъ
о своей свободѣ. Тургеневъ прожилъ
большую часть жизни въ Россіи, ко-
нечно, благодаря близости къ Вярдю. Въ
письмахъ своихъ онъ гдѣ-то пишетъ: «Ме-
ня не только танеть, меня рветъ въ Рос-
сію».

Но Россія Россіей. Не тянуло ли иногда
Тургенева въ Россію въ Спасское, въ Пе-
тербургъ, Москву, не только желаніе по-
дышать воздухомъ родины, но и не тя-
нуло ли освободиться на время отъ этихъ
сторожевыхъ, упорныхъ, огненныхъ
глазъ старѣющей волшебницы?

Онъ сочинялъ въ ея домѣ, для ея до-
машняго театра, либретто оперетокъ, она
писала романы на стихи любимыхъ имъ
русскихъ поэтовъ, на его собственныя,
онъ присутствовалъ на ея урокахъ, онъ
увѣрялъ, что ему тамъ у нея очень хоро-
шо, не имѣя въ сущности настоящаго
своего угла.

И когда навѣстившая его въ этомъ
углу у Вярды Савина намекала въ печа-
ти вмѣнно объ этомъ углѣ у Вярды вели-

каго русскаго писателя, Тургеневъ очень какую-то грустную тайну его существо-
ванія. огорчился, обидѣлся, опровергалъ, гово-
рилъ объ ошибочности наблюденія Маріи Савина же своимъ умомъ, своей быст-

ривости, какъ бы рой, зоркой наблюдательностью все замѣ-
нѣла, а, въ сущности, какъ бы рой, зоркой наблюдательностью все замѣ-
старался о томъ, чтобы не проникли въ тѣло. Тонко, чутко, какъ очень талант-

кой тонкой кружевницей этого кружевно-
го-тургеневскаго творчества.

Тургеневъ высоко цѣнилъ ее, какъ ар-
тистку и какъ на рѣдкость умную женщи-
ну, съ которой онъ и въ письмахъ и въ
личныхъ свиданіяхъ имѣлъ такой, какъ го-
ворить Французы, «commerce agréa-
ble». Въ самое недавнее время были опу-
бликованы письма, изъ которыхъ какъ
будто просвѣчиваетъ въ отношеніяхъ
Тургенева къ Савиной что-то большее, не-
жели такой «commerce agréable», та-
кое только пріятное знакомство.

Несомнѣнно, что двѣ эти крупныя жен-
щины-артистки имѣли, каждая по-своему,
сильное вліяніе на Тургенева. Русская
рѣчь Савиной, такая умная и такая обая-
тельная, ея письма, ея игра въ его пье-
сахъ, все это составляло тотъ особенный,
изящный, пѣвительно-интимный кругъ
отношеній, который такъ часто создается
между актрисой и драматургомъ, между
пѣвицей и композиторомъ и такъ часто
переходитъ въ любовь.

Все это теперь такъ невозвратно про-
шло.

Однолюбъ Тургеневъ такъ и остался—
какъ-будто—однолюбомъ.

Но кто знаетъ? Когда прекрасные, чер-
ные глаза Савиной встрѣчались съ глаза-
ми Тургенева, не слѣдили ли за ихъ взгля-
домъ ревнивые зоркіе глаза «волшебни-
цы», умѣвшей когда-то, на сценѣ, быть
трагической Фидесъ въ «Пророкъ», Рози-
ной—въ «Barbieri di Seviglia», и пѣть
подъ танецъ съ какими-то цыганско-испан-
скими припѣвами, прицѣливающимися, свои
испанско-цыганскія пѣсни.

Кто знаетъ?
Ахъ, какъ я помню эти глаза старухи
Вярдю!

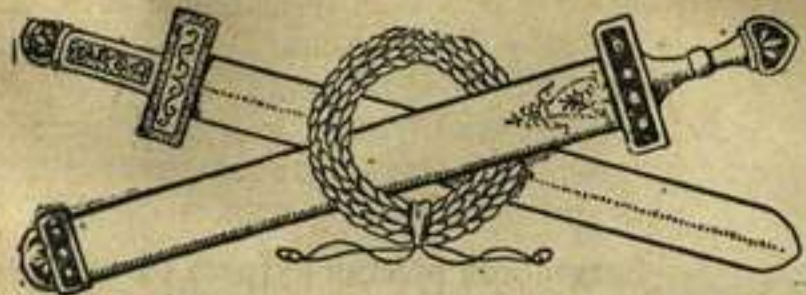
Вильде.

НА ФРОНТѢ РѢКИ СОММЫ.

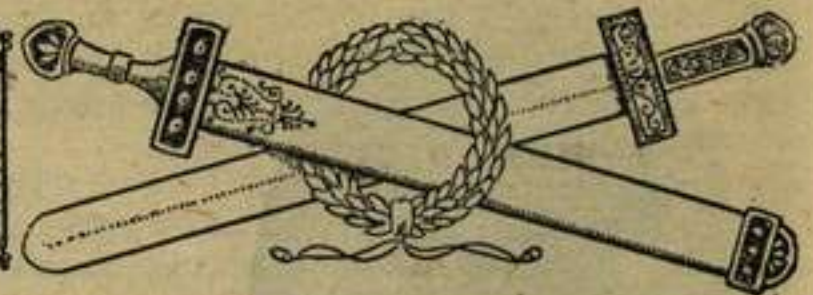

Отрядъ кавалеріи, прибывшей изъ Марокко.

не умирившіе
или о тихой
настительницы.
литературѣ не
имѣя и пѣвни-
Тургеневъ, —
иную, скрытую
чества, власть
вспомните
«Фауста»,
только ревниво
а, но и отни-
венной властью
вѣка.
асть старухи.
идитъ на него
писалъ реаль-
и Достоевскаго,
ишь грубо исте-
ѣвны, утоми-
тъ.
раскрывалъ,
ь, подъ какой-
власть на всю
лаевны Полозо-
лѣтъ никакой.
мѣлой, лишен-
ныхъ устоевъ,
овершенно хо-
выигрываетъ
какъ хладно-
итавшіи стра-
цій характеръ
поразительно. И

Павшие смертью храбрых.

Полк. Дм. Геор. Ядыгинъ.

Подполк. С. Г. Леонтьевъ.

Шт.-кап. Н. Л. Федоровъ.

Ротм. Леон. Гр. Семеновъ.

Шт.-кап. М. П. Миллеръ.

Шт.-ротм. Ф. Н. Главатцкій.

Подпоруч. С. Г. Софійскій.

Хорунж. В. И. Плотниковъ.

Поруч. Д. Н. Облеуховъ 2-й.

Ротм. А. М. Милашевичъ.

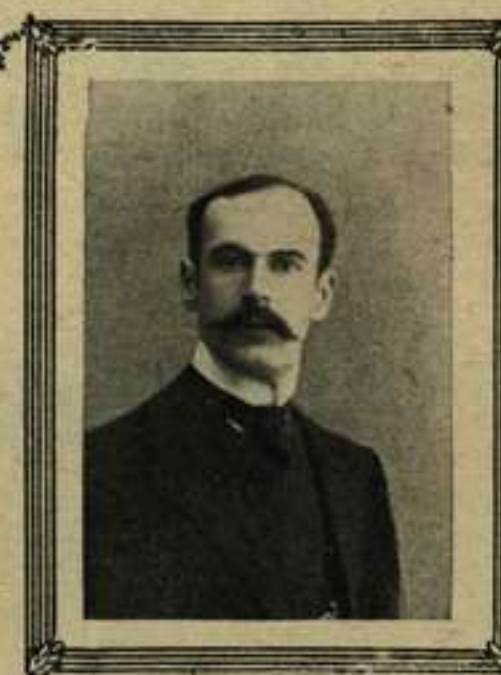
Волн. Д. П. Годземба-Высоцкій.

Пралорц. А. В. Матковскій.

Пралорц. М. А. Бобылевъ.

Пралорц. Е. Н. Конушкинъ.

Пралорц. Г. М. Шононъ.

Мелочи.

Мой путь пролегалъ по цвѣтущей долинь
Межъ травъ ароматныхъ и звонкихъ
ручьевъ,
Но сердце мое было мертвой пустыней
Съ палящимъ дыханьемъ зыбучихъ
песковъ.
Быль слѣнь я и глухъ къ первоначальнымъ
красотамъ
Сявшаго нѣгой лазурнаго дня,
И съ усть моихъ рвались проклятія небу,
Что бросило въ мѣръ на страданья меня...
Но маревомъ свѣтлымъ развѣявъ на
сердцѣ
Его облакавшую тьмою печаль,
Увлекъ меня рокъ черезъ бездны и горы
Въ манящую тайной безвѣстную даль...
И легъ новый путь мой безбрежной
пустыней,
Зокругъ—раскаленные зномятъ пески,
А въ сердцѣ—дурманы цвѣтущей долины,
Гдѣ громко о счастья звенятъ родники.
С. Анчикова.

Условія творчества и причуды писателей и ученых.
Давно уже известно, что всѣ мы являемся рабами нашихъ привычекъ. Но особенно это замѣтно въ людяхъ, посвятившихъ себя наукѣ, въ писателяхъ, адвокатахъ и вообще во всѣхъ, кому приходится заниматься тяжелымъ умственнымъ трудомъ. Зачастую это рабство привычки переходитъ со временемъ уже прямо въ манию и дѣлаетъ жизнь окружающихъ весьма тяжелой. Въ иностранной печати появилось недавно описаніе причудъ и маній многихъ извѣстныхъ историческихъ лицъ.
Жанъ-Жакъ Руссо не переносилъ рѣшительно никакого шума кругомъ во время своей работы. Онъ удалялся въ свою комнату, требовалъ полного одиночества и выходилъ изъ себя, если ему мѣшали или шумѣли по сосѣдству. При такихъ же условіяхъ работали Ньютонъ и Монтань. Но извѣстны случаи, когда, наоборотъ, писатели любили, чтобы жизнь въ домѣ шла своимъ чередомъ,—шумъ дѣт-

скихъ игръ, звонъ посуды имъ не только не мѣшали, но скорѣе воодушевляли во время работы. Мильтонъ и Баконъ, итальянскій поэтъ Альфиери и знаменитый философъ и экономистъ Джонъ Стюартъ Милль не могли писать, не слыша музыки: кто-нибудь изъ домашнихъ долженъ былъ играть на роялѣ или на скрипкѣ, и только при этомъ условіи работа шла успешно. А Дарвинъ дошелъ до того, что не могъ написать строчки, не сыгравъ предварительно на своей старой скрипкѣ. Мильтонъ, помимо необходимаго условія—музыки, не умѣлъ создавать стиховъ иначе, какъ откинувъ голову назадъ: лишь въ этой позѣ ему являлось вдохновеніе. Корнель и Малебраншъ работали только при спущенныхъ шторахъ, а Флорберъ могъ писать только съ трубкой во рту. Извѣстный писатель и юмористъ Маркъ Твенъ долженъ былъ непременно лечь въ постель чтобы задумать новое произведеніе и обыкновенно тутъ же его и писалъ. Гете, наоборотъ, сочинялъ на ходу, во время прогулокъ или дома, гуляя по комнатѣ. Декартъ и Лейбницъ, подобно Марку Твену, могли сочинять только лежа, а Кантъ, одинъ изъ величайшихъ маниаковъ въ исторіи

человѣчества, могъ размышлять и творить только въ то время, когда взоръ его былъ устремленъ на тополь, растущій передъ его окномъ,—эта привычка его буквально поработила, и когда дерево погибло, онъ, по собственному выраженію, «растерялся» и «потерялъ» нить своихъ мыслей». Шиллеръ ставилъ ноги въ ледъ во время занятій, и такую же потребность ощущенія холода въ ногахъ испытывалъ Шатобрианъ: диктуя своему секретарю, онъ босякомъ ходилъ по холодному каменному полу кабинета. Боссеюэтъ заворачивалъ голову горячими полотняными и сидѣлъ, раздумывая, въ холодной нетопленной комнатѣ, а «любитель тишины» Жанъ-Жакъ Руссо любилъ кромѣ того обсуждать свои замыслы, стоя съ непокрытой головой на солнечномъ припекѣ. Знаменитый астрономъ и математикъ Лапласъ, который былъ одновременно и виднымъ писателемъ, работая, вертѣлъ все время въ рукѣ катушку нитокъ. Безъ этой катушки мысль его останавливалась, и его лакей аккуратно каждое утро подавалъ барину на письменный столъ эту катушку. Такую же странную манию проявляла мадамъ де-Сталь, которая «не могла думать», не комкая въ

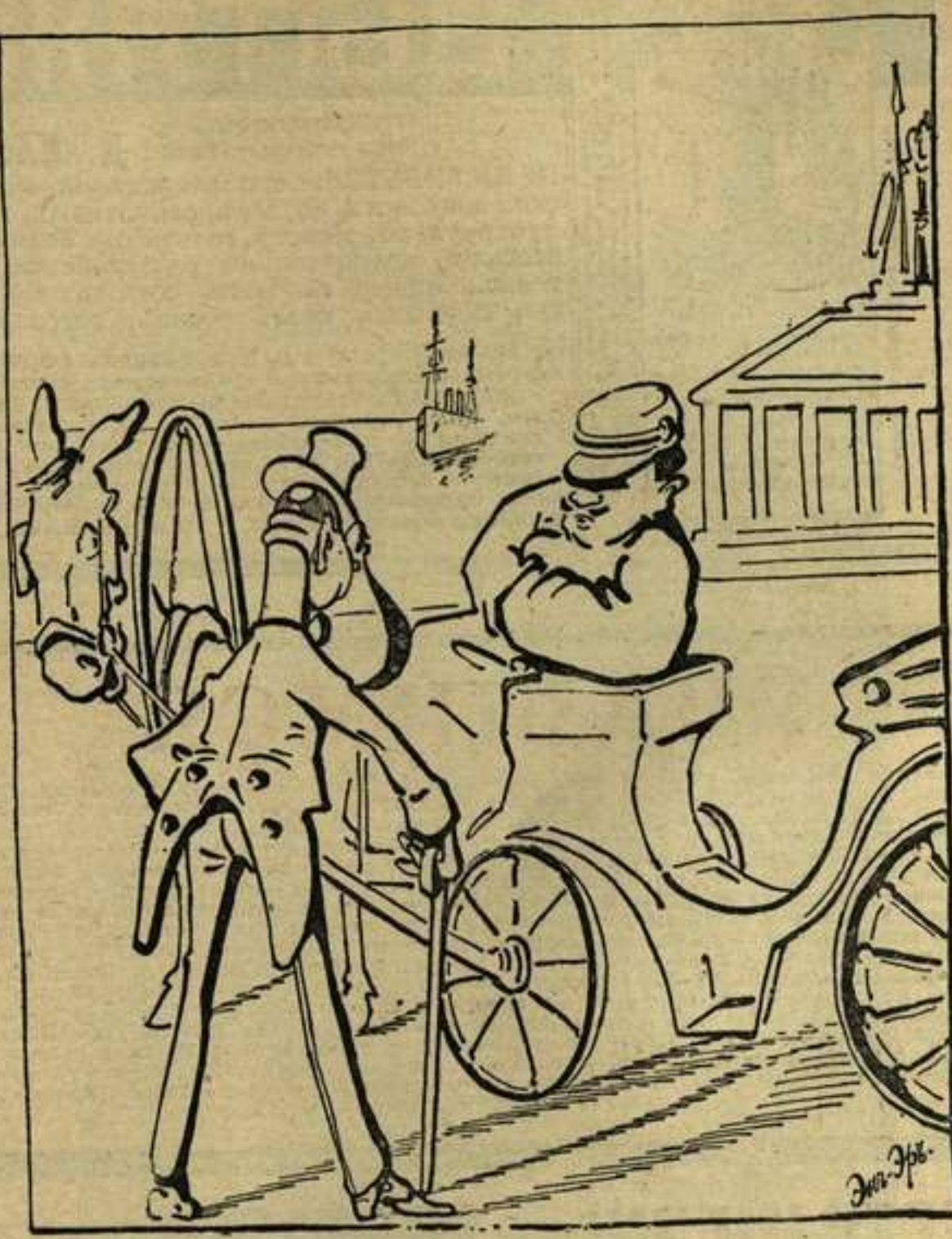
рукъ шарикъ изъ хлѣбной мякоти. Томсонъ, шотландскій поэтъ, работалъ лежа и требовалъ, чтобы жена его сидѣла непременно рядомъ въ комнатѣ. Байронъ наполнялъ карманы трюфелями, такъ какъ не могъ писать, не ощущая запаха трюфелей, а Бодлеръ заявлялъ, что можетъ работать только въ благоухающей атмосферѣ самыхъ тонкихъ духовъ. Нѣмецкій историкъ Рейманъ провелъ большую часть своей жизни стоя потому, что въ теченіе тридцати лѣтъ занимался въ кабинетѣ, гдѣ не было ни единого стула или дивана, — онъ глубоко вѣрилъ въ продуктивность только той работы, которая выполняется стоя. А знаменитый ораторъ Жюль Фавръ изучалъ свои рѣчи, становясь на колѣни на полъ.

Большинство писателей приступали къ работѣ обыкновенно рано утромъ, послѣ чапни чая или кофе, съ необремененнымъ жѣлудкомъ. «Умѣренная ѣда — одно изъ главныхъ условий для поддержанія здоровья», — говорилъ еще Плулархъ, который требовалъ также двухъ другихъ условий, дабы слѣдовать мудрости древнихъ: «труда и непорочности». — вѣдь не даромъ музы пѣломудрены. Воздержаніе даетъ, по его словамъ, ясность мысли и здравость сужденій. Сент-Кларъ разсказываетъ объ одномъ извѣстномъ писателѣ, который, прибывъ въ Лондонъ и получая массу приглашеній на обѣды, выдумалъ способъ бороться со своимъ хроническимъ ожирѣвшимъ: онъ каждое воскресенье голодалъ, довольствуясь только однимъ куриннымъ яйцомъ за цѣлыя сутки. Въ исторіи извѣстенъ примѣръ римскаго императора Веспасіана, который также устраивалъ себѣ отъ времени до времени голодную діету. Вообще люди, занимающіеся умственнымъ трудомъ, не должны брать примѣра съ рабочихъ и спортсменовъ: тѣ незамѣтно перевариваютъ громадное количество пищи, а первымъ избытокъ ея идетъ на развитіе артеріо-склероза и подагры. Многие писатели, въ особенности Французы, всегда вели и ведутъ акуратно разбѣренный образъ жизни: извѣстно, что Зола жилъ буквально по часамъ, и каждое утро въ 9 час. утра уже сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ. Такъ же точно жилъ и Альфонсъ Доде. Писатели, предававшіеся пчлнстау, куренію опиума, гашиша и т. п., — большою частью погибали въ раннемъ возрастѣ или влачили жизнь въ тяжелыхъ болѣзняхъ.

Нѣсколько интересныхъ цифръ изъ расходовъ войны.

Современная война требуетъ не только огромныхъ человѣческихъ жертвъ, но и

АФИНСКІЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ.

— Извозчикъ на Болгарію!
— Занять.

соотвѣтствующихъ по величинѣ денежныхъ затратъ. Французы недавно сдѣлали интересный подсчетъ расходамъ, произведеннымъ во время стодневнаго боя подъ Верденомъ, и цифры этихъ расходовъ поражаютъ cadaго. Вычислено, что 120 пушекъ, входящихъ въ составъ армейскаго корпуса, при непрерывной работѣ расходуютъ въ день 300.000 килогра-

мовъ металла, что, переводя на деньги, стоитъ 1.600.000 франковъ. Если прибавить сюда расходы на ружья, пулеметы и гранаты, то общее количество металла, расходимаго армейскимъ корпусомъ въ теченіе сутокъ, равняется 660.000 килограммовъ и, слѣдовательно, обходится Французамъ въ 4.500.000 франковъ за 24 часа! Эти цифры даютъ возможность

вычислить, во что обходится смерть каждаго человѣка подъ такимъ потокомъ огня. Американцы высчитали, принимая во вниманіе стоимость снаряженія и прочіе расходы, связанныя съ войной, что смерть каждаго человѣка въ эту войну обходится Французамъ въ 75.000 франковъ. Во время бурской войны Англичане считали смерть человѣка равной потерѣ 200.000 франковъ, а во время балканской войны хватало всего только 50.000 на человѣка. Впрочемъ, подъ Верденомъ расходы на артилерію значительно превышали обычную норму и достигли прямо-таки фантастическихъ размѣровъ. При этомъ Французы считаютъ, что Нѣмцы въ качествѣ атакующихъ расходуютъ на одну десятую больше; за его дней битвы подъ Верденомъ Нѣмцы истратили 421.200.000 килограммовъ металла, что на деньги выходитъ 2 миллиарда 500 миллионовъ франковъ.

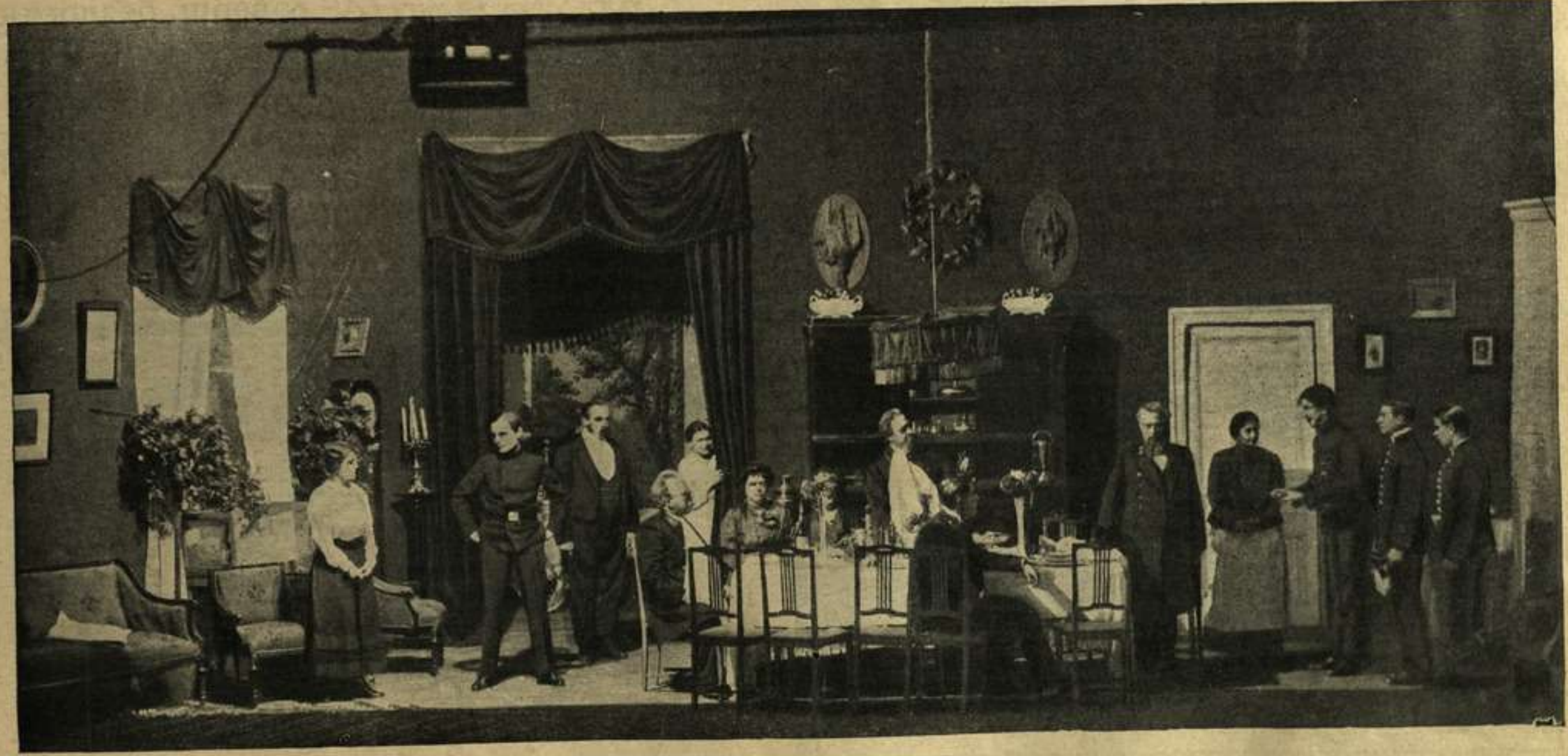
Огромное количество металла, выбра- сываемаго обѣими враждующими арміями, превращаетъ всю окружающую мѣстность въ своего рода желѣзные и стальные рудники, что при теперешнихъ цѣнахъ на эти металлы является большимъ богатствомъ. Уже теперь нашлись люди, которые впередъ обдумываютъ способы разработки этихъ «рудниковъ». Понятно, что работа эта сопряжена будетъ съ большимъ рискомъ для жизни: неразорвавшіеся снаряды, попавшіе вглубь почвы, могутъ разорваться при малѣйшемъ прикосновеніи лопаты. Къ счастью, одинъ профессоръ изъ Нанси, Гютонъ, изобрѣлъ аппаратъ, при помощи котораго можно будетъ впередъ опредѣлять мѣстонахожденіе снаряда или его частей. Профессоръ Гютонъ утверждаетъ, что аппаратъ его вполне гарантируетъ безопасность предстоящихъ работъ въ этихъ новыхъ своеобразныхъ рудникахъ, среди залежей металла, разбросаннаго за время войны.

ПОПРАВКА. Въ приложеніи № 14553 на 311 стр. подъ портретомъ прапорщика Ф. Ф. Збориль напечатано: скончался отъ ранъ. Слѣдуетъ: палъ смертью храбрыхъ въ конной атакѣ.

Редакторъ М. Н. Мазеевъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

ВЪ ТЕАТРѢ А. С. СУВОРИНА.

Первая новинка сезона: комедія М. Н. Константинова «Ея Превосходительство Настасьюшка». Сцена 1-го дѣйствія: слева направо — г-жа Кирова, г. Разумный, г. Орловъ, г. Мячинъ, г-жа Грабовская, г-жа Самойловичъ, г-жа Карѣева, г. Чубинскій, г. Листовъ, г. Тинскій, г-жа Диѣрова (Настасьюшка) и г. Тарасовъ.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ НЕВРАЛГИИ, ГОЛОВНЫХ БОЛЕЙ

и шиаса, простудных и ревматических болей, дайте Кефалдол Д-ра Сторь. Отпускается из всех аптек по рецептам врачей. Кефалдол абсолютно безвреден. Остерегайтесь подделок.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ОСНОВАНА ВЪ 1903, ВОСТОЖА ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ НА ВЫСТАВКАХЪ въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, Флоренциѣ, Мадридѣ, Мадриде, Фондѣе въ 1903 & grands prix Paris, Londre, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОГО ЖЕЛЕЗА

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ Д. КАЛЕНИЧЕНКО.

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастении, истерии, невралгии, старческой дряхлости, подагры, ревматизмѣ, малокровии, артеросклерозе, туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питания и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННОЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюдений высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНИЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—БЕЗПЛАТНО. 2/3 почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. **3 руб.**

Адресъ: Органотерапевт. лабораторіи Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10. кв. 33. Телгр. адр.: Москва, Калефлюнды.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ
Вытяжка изъ сѣменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сѣрминомъ.

САМОКРАСЯЩАЯ ГРЕБЕНКИ.

Электрич., безъ красокъ, 15 р. только силою въ нихъ тока. **СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ** Петроградъ, Морская, 83.

УЧАЩИМСЯ

Пособія для сочиненій, разборы классиковъ, Ломоносовъ, Фонвизинъ, Карамзинъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Кольцовъ, Крыловъ, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григорьевъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Нониковымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ биогр. разборъ главы произвед., темъ и планы, содержание ихъ, полныя характеристич. дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ, разборъ произведенія. Нѣкоторые изъ плановъ настолько обширны по содержанию, что изъ каждаго изъ нихъ можно черпать материалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различные темы. Предиди большой сноровѣ и желая дать возможность приобрести каждому, — назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. за каждое. Высылаются наложеннымъ плат. Выписывающіе изъ склада А. Загряжскаго (Петроградъ, Раа-Лазы, 14—Г.) на сумму не менѣе четырехъ рублей за пересылку не платятъ. Поступила въ продажѣ того же автора: руководство къ составленію сочиненій для самостоятел. подготовк. и для самообразов. книга: **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ**. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 25 коп. За двѣ десятикопѣечныя марки высылаются указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, перенотъ-подсчетовъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаниемъ цѣнъ.

Гг. ОФИЦЕРАМЪ ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ бывало СВѢТЛО и ДОЛГО горяще отъ 7 р. 50 к. Петроградъ, Морская, 33. **СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ.**

Вышло 6-е изданіе (15-ая тысяча) **„ГИГИЕНА БРАКА“.** Женщ.-врача Волковой. Ц. 75 к. Содержаніе: Нуженъ ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе юношей. Проституція. Выборъ жены. Женхоловство. Вступленіе въ бракъ. Гигіена брачной жизни. Искусственное безплодіе. Разводъ. Бездѣтные браки и т. д. Книжный магазинъ „Новое Время“. Петроградъ, Невскій, 40.

БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческое самообразованіе. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подшивки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.** Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразованія». Б. Ружейная, 7—11.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и тетрадо-держат. Новѣйш. самоучит. для исправл. почерка въ короткий срокъ. Главн. линія, образъ, на котор. скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразов., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ., и словъ съ буквою Ъ. Всѣ правила логич. усваиваются помощью 121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 330 стр. уборист. шрифт. Цѣна съ пер. 2 рубля.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообученія. 368 стр. Цѣна 3 рубля.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступитъ на службу въ казенн. и частн. упр., формы прошен., писемъ, какія ябры должно принити, чтобы обезпечить себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ СВЯЗИ СЪ ТОРГОВОЮ ПРАКТИКОЮ. Справочная книга для всѣхъ торгово-промышлен. дѣятелей и служащихъ. 443 стр. (I—VIII стр.) текста. Цѣна 3 рубля.

При посылк. налож. плат. на 25 к. дорож.

Адр.: Книгоизд. „КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ“—Петроградъ, Б. Ружейная 7—11.

ВО ИЗБѢЖАНІЕ ПОДДѢЛКИ ТРЕБУЙТЕ ЭТУ МАРКУ!

ФАБР. МАРКА
УТВ. МИНИСТЕРСТВОМЪ
ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ПРИ ИСТОЩЕНІИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѣ изнурительныхъ болѣзней, рекомендуется употребить, какъ высоко питательное средство **„Лециталь“ МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.**

Вслѣдствіе содержанія въ „Лециталь“ сильно питательнаго и укрѣпляющаго химическаго тѣла лецитина, гемоглобина (составъ красныхъ кровяныхъ шариковъ) и мальтозы (экстрактивное вещество солода) „Лециталь“ вполне заслуживаетъ мѣсто между питательными и укрѣпляющими средствами при малокровіи и нервномъ истощеніи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ:
Въ виду появившихся въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте **„Лециталь“ МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.** Каждая коробка снабжена фабричною маркой, рисунокъ которой здѣсь напечатанъ. Безъ фабричной марки на коробкѣ, это есть вредная нигуда негодная поддѣлка.

Продажа „Лецитали“ во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магаз. Брошюра высыл. бесплатно. Цѣна 1 кор. „Лециталь“—5 руб. 50 коп. двойная кор.—10 руб.

Главный складъ Делосъ: Медико-Фармацевтическаго Товарищества; Петроградъ, уголъ Невскаго—Садовая, 15 отд. 014.

РУМЯНЕЦЪ,

который никто не отличитъ отъ натурального, придаетъ „Вода здоровья“

„Eau de Santé“ соверш. безвредн.

ВО ИЗБѢЖ. ПОДДѢЛКИ прод. ТОЛЬКО ПѢТР., Коломенскій, 27, кв. 4. Складъ воды здоровья. Высыл. наложен. платежъ флак. 4 руб., безъ пересылки, достаточ. на 8 мѣс. **ПРОБА БЕЗПЛАТНО.** Но не высыл. денегъ впередъ не высылать. Первая посылка отправл. только черезъ 4—5 дней по случ. многочисл. заказовъ. Магазиномъ на продажѣ не даю. Отдѣленій не имѣю. До востребованій не высылать. **НИГДѢ НѢТЬ ПОКА НИЧЕГО ЛУЧШАГО.**

Поступило въ продажѣ только что вышедшее новое роскошное изданіе **Графа Л. Н. Толстого „ХАДЖИ-МУРАТЪ“** съ рисунками А. П. САФОНОВА. Цѣна 50 коп.; съ перес. 60 коп. (можно почт. марк.), нал. плат. 70 к. Складъ изданія, Петроградъ, Надендинская, 19, книжный складъ газеты „Русскаго Читенія“.

Заграничные цѣлебные источники Зальцшлрфъ, Карлсбадъ, Мариенбадъ и Саюнъ, примѣняемые медициной отъ **ТУЧНОСТИ; РЕВМАТИЗМА и САХАРНОЙ БОЛѢЗНИ;** замѣняетъ **„РЕДУКТОЛЬ“.**

РЕДУКТОЛЬ имѣется въ Аптековской аптеки, у В. Вюллера (Невскій, 49 и Кузнецкій, 2), Георгія Пулина (Литейный, 21 и Владимірскій, 3), Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами (Кавалерская, 12), Р. Франке (Невскій, 90), В. Шаскольскаго (Невскій, 27), Штоль и Шмидта и въ др. аптекарскихъ магазинахъ.

Монтора «Редуктоль»: Петроградъ, Дмитровскій пер., домъ 16 А. **ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.**

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ. Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.
Пшите немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія **КАЛЬТОКО.**
МОСКВА, Фурасовскій пер., домъ—109АС.

ВОЛОСЫ

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14567

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 24 СЕНТЯВРЯ (7 ОКТЯБРЯ) 1916 ГОДА.

№ 14567

Слѣды русской истории въ Германіи и Австріи.

Еще въ самомъ началѣ войны въ Германіи и Австріи стала примѣняться особый способъ извѣщиванія народныхъ массъ въ «патріотическомъ» направленіи. Нѣмцы усиленно занялись удаленіемъ изъ своего обихода всего того, что такъ или иначе могло бы напоминать о прежнемъ мирномъ общеніи нынѣ враждебныхъ другъ другу странъ. Такая чистка сразу же приняла болѣе всего анти-русскій характеръ. Съ подчеркнутымъ ожесточеніемъ Австро-Германцы набросились именно на сохранившіеся у нихъ памятники русскаго происхожденія, нисколько не считаясь съ ихъ полною безобидностью и нимало не уважая въ нихъ случаи святости освящаемыхъ предметовъ. Последнимъ изъ посягательствъ на внѣшніе знаки столь ненавистнаго Нѣмцамъ русскаго духа явилось только-что совершившееся превращеніе пражскаго православнаго храма св. Николая въ католическую церковь. А мы съ преувеличеннымъ «европеизмомъ» стѣсняемся использовать зданіе германскаго посольства подлѣ неотложныхъ лазаретныхъ нуждъ и цѣломъ «нормами международнаго права».

Русскихъ памятниковъ въ Германіи и Австріи не такъ много. Ихъ можно раздѣлить на три категоріи: мавзолеи почившихъ тамъ членовъ нашего Императорскаго Дома, надгробные памятники русскихъ воиновъ, легшихъ на чужбинѣ за освобожденіе Германіи отъ Наполеона, и различныя памятные доски, которыми въ разныя времена были обозначены достопримѣчательныя для русскаго прошлаго зданія.

Первою изъ такихъ живыхъ страницъ русскаго прошлаго можно считать пребываніе Петра Великаго въ Карлсбадѣ въ 1711 и 1712 гг., отмѣченное двумя памятниками, теперь тоже, можетъ быть, уже упраздненными...

Одинъ изъ нихъ указывалъ заѣзжему русскому человѣку домъ, въ которомъ жилъ великій императоръ во время своего леченія карлсбадскимъ «шпруделемъ». Мраморная доска прикрѣплена къ фасаду

дома, извѣстнаго подлѣ названіемъ «Краснаго Ора». Золотая надпись гласитъ на двухъ языкахъ: «Здѣсь жилъ Петръ Великій 1711—1712. Пост. въ пам. 200-лѣтія юбилея 1872. М. 30 д.». Трудно установить, впрочемъ, подлинность жилища императора уже потому, что страшный пожаръ 1759 г. истребилъ почти

весь городъ, послѣ чего топографія городскихъ улицъ сильно измѣнилась, и домъ Петра Великаго былъ отысканъ лишь по архивнымъ, изысканіямъ и догадкамъ. Зато съ точностью мы знаемъ домъ на берегу рѣки Тепель, гдѣ «съ каменщиками Петръ Великій былъ каменщикъ» (1711). Домъ этотъ строился при Петрѣ.

Его Высочество принцъ Нарынкинъ. Приѣздъ принца въ Россію является отвѣтнымъ визитомъ на посѣщеніе Японіи Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ.

НА ИТАЛІАНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Австрійскіе дезертиры въ Горичъ 9 (22) августа 1916 г.

Разрушенная снарядами желѣзная дорога между Лучинико и Горичей.

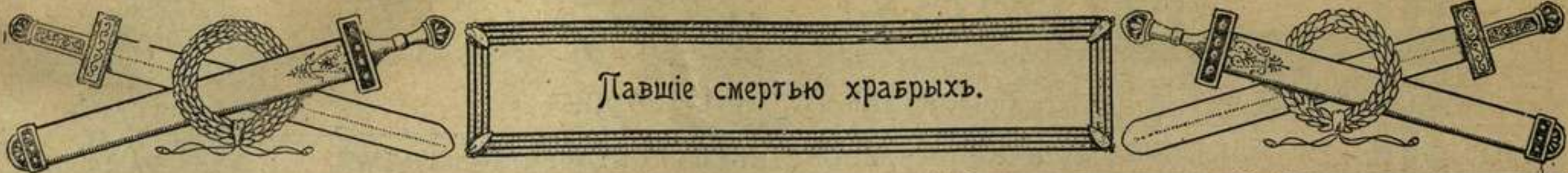
Державный труженикъ всходилъ на лѣса и до поту работалъ съ мастерами, изучая новую кладку кирпича.

11 ноября 1711 г. Петръ Великій поднимался на Оленій Прыжокъ (Hirschenprung). Карлсбадское преданіе говоритъ, что подъемъ этотъ государь совершилъ на крестьянской упряжной лошади верхомъ, безъ сѣдла. Поднявшись на Петровскую высоту (Petershöhe), онъ будто бы пилъ шампанское за благосостояніе города и свой бокалъ бросилъ подлѣ горы. Реликвія эта до прошлаго столѣтія хранилась въ потомствѣ нашедшаго его карлсбадскаго жителя, пока, наконецъ, одна изъ позднѣйшихъ хозяекъ дома не выбросила его вопі. На большомъ деревянномъ крестѣ, водруженномъ на Петровской высотѣ, Петръ собственноручно вырѣзалъ слова: «M. S. P. I.» (Manu Sua Petrus Imperator). Надпись эта возобновлялась при каждой перемѣнѣ подниваго креста, а въ 1835 г. была вѣдлана мраморная доска съ именами всѣхъ нашихъ Высочайшихъ Особъ, посѣщавшихъ когда-либо Карлсбадъ. Мысль поставить доску принадлежала барону Альфреду де-Шабо, Французу по происхожденію, поселившемуся въ Россіи. Отъ себя онъ сдѣлалъ на самой скалѣ длинную французскую надпись, давно уже не сохранившуюся. вмѣсто нея, рядомъ съ мраморною доскою, на двухъ отдѣльныхъ жестяныхъ дощечкахъ находятся стихи князя П. А. Вяземскаго съ нѣмецкимъ, позже сдѣланнымъ переводомъ:

Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
Для сердца русскаго есть памятникъ
священный.
И здѣсь, средь гордыхъ скалъ, Твой
образъ незабвенный
Встаеъ въ лучахъ любви, и славы,
и побѣды.
Намъ святы о тебѣ преданія вѣковыя,
Жизнь русская тобой еще озарена,
И памяти твоей, Великій Петръ, вѣрна
Твоя великая Россія.
1853.

К. П. Вяземскій.

Направляясь въ 1717 г. вторично за границу, Петръ на пути въ Голландію и Англію побывалъ въ Ахенѣ. Здѣсь онъ останавливался въ домѣ на Franzstrasse. Еще въ пятидесятыхъ годахъ покойный М. В. Стасюлевичъ видѣлъ комнату, которая служила императору спальнею и

Капит. А. А. Веселого.

Прапорщ. И. А. Бельев.
Награжд. орд. св. Георгия 4 ст.

Прапорщ. Ф. Г. Андреев.

Прапорщ. Н. В. Яхимович.

Поруч. А. М. Левкович-Левковец.

кабинетом. Комната сохранялась в неприкосновенном виде, хотя дом неоднократно перестраивался. «Она, писал Стасюлович, весьма небольшая, в два окна; старинные рамы с свинцовым переплетом, вдоль стѣн массивные шкафы. По сохранившемуся в Ахенѣ преданию, Петръ, върнувшись скромнымъ приличкамъ, предоставилъ всѣ лучшія комнаты на улицѣ своей свитѣ, а самъ занялъ маленькую комнатку съ окнами на маленькій дворикъ».

За годъ передъ тѣмъ государь посѣтилъ Данигъ гостемъ короля польскаго Августа (тогда городъ былъ еще въ составѣ Польши). Въ Данигѣ Петръ переѣхалъ три жилища. Последнее изъ нихъ сохранилось по сию пору; теперь это гостиница «Zum Hoffning», гдѣ до войны показывали туристамъ дверь, починенную руками Петра. Изъ данигскихъ зданій любопытенъ домъ бывшаго русскаго консульства, купленный въ 1719 г. оберъ-аудиторомъ Павломъ Готозцевымъ и затѣмъ перешедшій въ русскую казну «яко собственный Его Императорскаго Величества домъ». Въ 1768 г. домъ былъ перестроенъ и обновленъ въ 1865 г.

Между германскими городами имѣетъ особый историческій интересъ для русскіхъ померанскій Штеттинъ — мѣсто рожденія двухъ нашихъ императрицъ, принесшихъ Россіи свои лучшія силы и дарованія. Здѣсь увидѣли свѣтъ императрица Екатерина Великая и императрица Марія Федоровна, основательница обширнаго вѣдомства, донныя посягающаго ея имя.

Въ май 1729 г. въ концѣ европейской хроникѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» кратко сообщено было извѣстіе, что «супруга князя фонъ-Ангальтъ-Цербстскаго, которой въ королевской прусской воинской службѣ обрѣтается, рожденная принцесса Голштейнгорторпская родила въ Штеттинѣ 2 дня сего мѣсяца принцессу, которой при крещеніи имя Софія Фредерика Августа дано». Событіе это, не обратившее тогда ничьего особаго вниманія, произошло въ домъ тайнаго совѣтника Лемана на Grosse Domstrasse, подъ № 791: городъ былъ тогда настолько невеликъ, что нумерація домовъ шла по всему городу, а не по отдѣльнымъ улицамъ. Домъ, гдѣ квартировалъ отецъ новорожденной принцессы, бывший губернаторомъ города, нынѣ принадлежитъ Рандовскому округу, и въ залѣ, образованной изъ комнаты, гдѣ родилась Екатерина, и еще изъ смежной, происходятъ засѣданія мѣстнаго ландрата. До 1853 г. домъ не подвергался перестройкамъ, и былъ двухэтажный, съ огромною кухнею, занимав-

шей весь низъ. Второй этажъ включалъ барскія комнаты и отличался роскошью отделки. Теперь памятный домъ чуждъ всякаго стила и ничѣмъ не обратилъ бы на себя вниманія прохожаго туриста, не будь на немъ большой доски изъ коричневаго шведскаго гранита съ надписью на двухъ языкахъ. Русскій текстъ таковъ: «Въ семь домъ 21 апрѣля (2 мая) 1729 года родилась Государыня Императрица Екатерина II Великая».

Императрица Екатерина, не прерывая никогда сношеній съ роднымъ городомъ, не забыла его и въ своемъ завѣщаніи, отдавъ распоряженіе, чтобы магистратъ Штеттина получалъ всегда по одному экземпляру всѣхъ медалей, чеканенныхъ на императорскомъ монетномъ дворѣ.

Въ домъ на Rassmarkt № 2 (прежній № 722) родилась вторая супруга императора Павла Петровича. Зданіе, сооруженное извѣстнымъ архитекторомъ Шлюте-

ромъ, служило тогда квартирою оберъ-президенту Помераніи фонъ-Грумбову. Въ промежутокъ времени между 1757 и 1763 годами Грумбовъ предоставилъ свое помѣщеніе Герцогу Фридриху-Евгенію Вюртембергскому, командиру драгунскаго полка въ Трентовѣ, жившему въ домъ со своею молодою супругою. Въ немъ-то и родилась 14 (25) октября 1759 г. принцесса Софія-Доротея-Луиза. Къ сожалѣнію, интересный и красивый домъ былъ снесенъ въ 1890 г. и на его мѣстѣ воздвигнуто неуклюжее зданіе прусскаго національнаго страхового общества. Доска на немъ того же образца, какъ и въ первомъ случаѣ.

Въ Германіи нацли себѣ могилу четыре дочери императора Павла Петровича, вышедшія замужъ за германскихъ владѣтелей.

Первою скончалась затравленная несчастнымъ бракомъ съ венгерскимъ пала-

тиномъ Іосифомъ великая княгиня Александра Павловна. Невозможныя условія жизни среди ненавидѣннаго ея вѣнскаго двора свели юную красавицу въ гробъ на девятнадцатомъ году жизни. Она погребена въ двухъ миляхъ отъ Будапешта, въ склепѣ православной церкви деревушки Ирема. По узенькой каменной лѣстницѣ вы спускаетесь внизъ и ваетъ сразу обдаетъ сильной сыростью. На двухъ аналояхъ предъ гробомъ великой княгини лежатъ рѣзные великовняжескія короны; гробъ прикрытъ большимъ, малиноваго цвѣта, бархатнымъ покрываломъ. Въ углу стоитъ крестъ.

Въ Людвигсбургѣ, лѣтней резиденціи великихъ герцоговъ Мекленбургъ-Шверинскихъ, находится надгробная церковь, сооруженная въ 1808 г., съ надписью на фронтонѣ, поддерживаемомъ четырьмя колоннами.

Къ храму, выстроенному въ видѣ удлиненнаго четырехугольника, пристроенъ мавзолей Мекленбургскаго дома. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются усыпальницы великой княгини Елены Павловны и ея мужа, герцога Фридриха-Вильгельма. Здѣсь же покоится тѣло герцога Фридриха-Франца III, супруга котораго, великая княгиня Анастасія Михайловна, мать кронпринцессы прусской, благополучно здравствуетъ. Въ храмѣ—могила съ камеліей плитой графа Мусина-Пушкина, павшаго въ бою подъ Люнебургомъ въ 1813 г.

Третья дочь императора Павла I, королева вюртембергская Екатерина Павловна обрѣла вѣчное упокоеніе подъ сводами Ротенбергскаго храма во имя св. великомученицы Екатерины. Храмъ круглый, съ четырьмя портиками, сообщающими ему крестообразный видъ; онъ увѣнчанъ куполомъ, напоминающимъ собою куполь Пантеона. На стѣнахъ нѣсколько надписей. Одна на русскомъ языкѣ: «Своей почившей, вѣчно любимой супругѣ Екатеринѣ Павловнѣ, великой княгинѣ російской, воздвигъ сію усыпальницу Вильгельмъ, король вюртембергскій, въ 1822 г.». Въ одной нѣмецкой біографіи короля Вильгельма его супругѣ посвященъ на весьма теплая глава. Нѣсколько страницъ изъ нея приводитъ въ русскомъ переводѣ побывавшій въ Ротенбергѣ въ 40-хъ годахъ Н. И. Грець. Заключается его извлеченіе довольно патетическимъ финаломъ: «И когда золотой крестъ на часовнѣ Ротенберга отражаетъ въ долину лучи солнечныя,—отецъ съ священнымъ трепетомъ говоритъ дѣтямъ: «тамъ покоится прахъ Екатерины!» И куда бы судьба ни повела дѣтей его, вездѣ онъ можетъ указывать имъ на сохраненные дома, на спасенныя семейства, на тысячи благихъ

ВЗАИМОПОМОЩЬ СОЮЗНИКОВЪ.

Русскія войска на французскомъ фронтѣ въ шлемахъ и противогазовыхъ повязкахъ.

По свидѣтельству французскаго корреспондента Нѣмцы были буквально ошеломлены появленіемъ Русскіхъ. «Русскіе русскіе!» пропелся по рядамъ недоумѣвающій возгласъ.

дѣль хри...
въ умлен...
Написаны...
цать два...
Вюртембер...
мятъ Екат...
Въ 185...
дочь импе...
великая...
Надробны...
скомъ сти...
куполоми...
послѣ конч...
храма, на...
тафалкъ...
голови ик...
мою лампа...
кой герцо...
Стѣна за...
съ вышиты...
скимъ и с...
Сильное...
ный храмъ...
на. Располо...
онъ хранит...
завѣты Ми...
за Михайл...
гнии Нассе...
надъ моги...
саркофагъ...
ченною пил...
лика, предс...
легко скло...
нокъ изъ...
сердцу, пр...
выраженіе...
преодолені...
Главнымъ...
личественн...
жило оста...
веты Миха...
рублей.

Надо от...
и Нѣмцамъ...
ихъ еще...
маніею вел...
личались...
не рѣшались...
ныхъ, разв...
Германіи...
такъ назыв...
ной войтѣ...
ихъ собствен...
былъ не с...
гучей Россіи...
желѣзныхъ...
Сибири дв...
Германіи и...
лета, по с...
тицу, возе...
Гогенцоллер...
совѣсти бы...
нихъ, и от...
признаніи...
довъ совре...
короли не...
Не знае...
чугунный...
скаго город...
память 16...
чашемуся...
император...
Смоленскомъ...
«До сихъ...
скій довел...
ска, по з...
славнымъ...
ство свое...
Европы. Д...
героя».

дѣль христіанскихъ; вездѣ восклицаютъ въ умилени: «здесь живетъ Екатерина». Написаны эти строки были спустя двадцать два года по кончинѣ оставившей въ Вюртембергѣ самую признательную память Екатерины Павловны.

Въ 1859 г. погребена была четвертая дочь императора Павла, Марія Павловна, великая герцогиня Саксенъ-Веймарская. Надгробный храмъ, въ строго византийскомъ стилѣ, съ пятью позолоченными куполами, выстроенъ черезъ четыре года послѣ кончины великой княгини. Внутри храма, на лѣвой сторонѣ, находится катафалкъ, покрытый горностаемъ; въ изголовьи икона Божіей Матери съ неугасимою лампадою, бывшая при жизни великой герцогини всегда въ ея кабинетѣ. Стѣна за катафалкомъ покрыта ковромъ, съ вышитыми на немъ гербами—россійскимъ и саксенъ-веймарскимъ.

Сильное впечатлѣніе оставляетъ дивный храмъ на Неробергѣ, близъ Висбадена. Расположенный посреди горъ Таунуса, онъ хранитъ прахъ великой княгини Елизаветы Михайловны, дочери великаго князя Михаила Павловича, въ бракѣ герцогини Нассауской. Въ церковной нишѣ надъ могилою великой герцогини стоитъ саркофагъ каррарскаго мрамора съ высѣченною наверху фигурою усопшей: «Великая княгиня,—скажемъ словами Греча,—представлена сидящею; на головѣ, легко склоненной на лѣвую сторону, вѣнокъ изъ розъ; лѣвая рука приложена къ сердцу, правая опущена вдоль. На лицѣ выраженіе отдыха и небесной отрады по преодолѣніи земныхъ страданій».

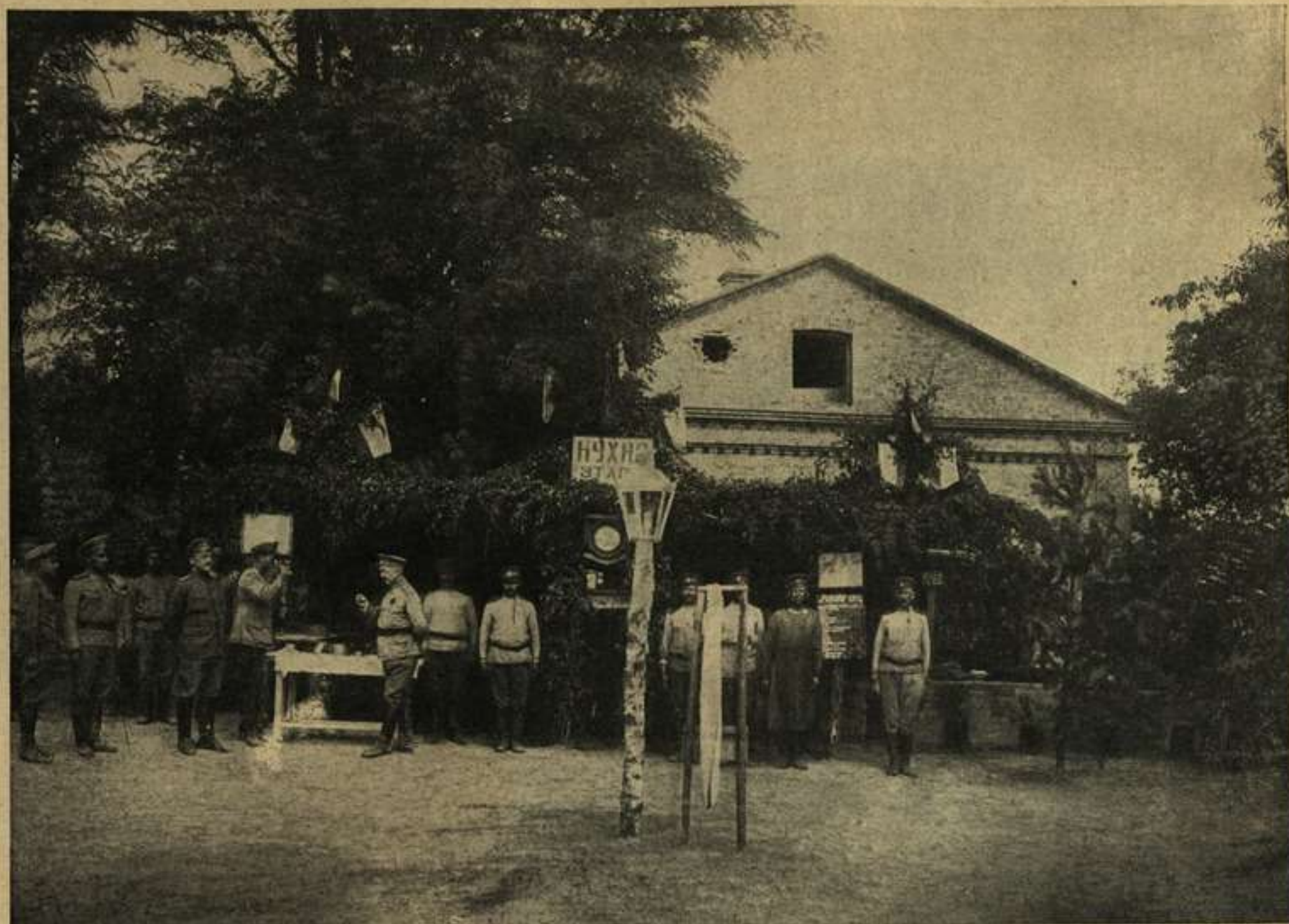
Главнымъ фондомъ для сооруженія величественнаго, златоглаваго храма послужило оставшееся послѣ смерти Елизаветы Михайловны приданое въ миллионъ рублей.

Надо отдать нѣкоторую справедливость и Нѣмцамъ: въ тѣ времена, когда головы ихъ еще не совсемъ были одурманены манией величія, и притязанія ихъ не отличались нѣмнѣшими размѣрами,—они не рѣшались на упраздненіе многочисленныхъ, разбросанныхъ едва ли не по всей Германіи слѣдовъ участія Русскихъ въ такъ называемой Нѣмцами «Освободительной войнѣ» 1813 г. Даже болѣе того: ихъ собственными руками сооружены были не одинъ монументъ въ честь могучей Россіи, когда она, не зная никакихъ желѣзныхъ дорогъ, чуть не изъ глубины Сибири двинула свои войска на помощь Германіи и повела ихъ черезъ лѣса и болота, по снѣгамъ и въ осеннюю распутицу, возстановливать законныя права Гогенцоллернговъ. У тогдашнихъ Нѣмцевъ совѣсти было побольше, чѣмъ у теперешнихъ, и отказать своимъ избавителямъ въ признаніи ихъ заслугъ и кровавыхъ трудовъ современныя Александръ I прусскіе короли не дерзали.

Не знаемъ, пощадилъ ли Вильгельмъ II чугунный обелискъ на площади сilesкаго городка Бунцау, поставленный «въ память 16 апрѣля 1813 г., здѣсь скончавшемуся, ранами покрытому, російско-императорскому фельдмаршалу Кутузову-Смоленскому». Обелискъ отмѣчаетъ, что «До сихъ поръ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя російскія войска, но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы. Да будетъ благословенна память героя».

Памятникъ въ лѣсу, подъ которымъ были похоронены послѣ бальзамированія внутренности фельдмаршала — сломанная колонна на античномъ цоколѣ—снабженъ надписью: «Здѣсь Кутузовъ-Смоленскій перешелъ изъ этой жизни въ лучшій міръ».

Достаточно совершить поѣздку по одной Силезіи и заглянуть въ ея уголки по былому пути слѣдованія черезъ нее русскою армію къ границамъ Франціи, чтобы уразумѣть по ея памятникамъ, чѣмъ

НА НАШЕМЪ ФРОНТѢ.—Проба пищи на эгалѣ вблизи позиціи.

обязаны были намъ Нѣмцы въ тяжелую дѣлу Силезіи. Первымъ пунктомъ сilesкой территоріи былъ городъ Милитъ, на одной изъ площадей котораго стоитъ каменная триумфальная арка съ красною рѣзною для Нѣмцевъ надписью: «Александръ I, умиротворитель Европы, на семъ мѣстѣ перешелъ границу Германіи»,—слѣдуетъ только что приведенная дата.

Къ июлю 1814 г. задачи, возложенныя на русскую армію, были полностью осуществлены: заперенный надъ Германіей мечъ Наполеона былъ отвѣденъ русскими руками, и прусскій король могъ «благополучно» царствовать въ постоянныхъ угрозахъ потерей трона.

Пруссія цѣлкомъ вернулась подъ власть Гогенцоллернговъ. Достигнуто это было цѣной обильно пролитой русской кровью, густо пропитавшей чуждую ей землю. Каждая надъ Германіи отбивалась тѣми боевыми трудами нашихъ солдатъ, о которыхъ лучше всего свидѣтельствуютъ

сиротливо уцѣлѣвшія хотя бы въ той же Силезіи русскія могилки. Вотъ, въ окрестностяхъ Герлица бѣлѣетъ надгробный камень, прикрывшій прахъ доблестнаго домскаго станичника, пришедшаго Богъ вѣсть откуда. Неподалеку, въ Ротенбургскомъ округѣ, братская могила русскаго майора и пяти казаковъ. По дорогѣ изъ Грунау въ Лангенау еще очень недавно стоялъ черный желѣзный крестъ съ надписью, посвященной грѣмъ здѣсь схороненнымъ казакамъ. На кладбищѣ Гнаденбергской общины стоитъ памятникъ, въ видѣ обелиска, надъ братскою могилою русскихъ воиновъ, павшихъ неподалеку отсюда въ ожесточенномъ бою 21 августа 1813 г. Надпись краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что «храбрецы жизнь свою положили за свободу нѣмецкаго народа». На шоссе между Бунцау и Гайнау приоткрылась могила гусара Наталочки. Памятникъ поставленъ полковникомъ Рейтерномъ, котораго Наталочка спасъ отъ смерти. На кладбищѣ селенія Вольфсберга, въ окрестностяхъ Гельдберга, можно поклониться братской могилѣ нашихъ стрѣлковъ, участвовавшихъ во взятіи этого пункта въ августѣ «освободительнаго года». Когда Нѣмцы реставрировали около тридцати лѣтъ назадъ камѣнный памятникъ надъ могилою, то заблагоразсудили убрать бывшую прежде доску съ трогательно-безыскусственнымъ стихотвореніемъ мѣстнаго поэта, написаннымъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ похоронъ. Но такъ какъ простодушный сельскій учитель слишкомъ искренно произвелъ оцѣнку русской роли въ нѣмецкомъ дѣлѣ, то бисмарковскіе сподвижники возмѣли противъ его творчества зубъ и убрали доску съ глазъ подалше. А такая памятка несравненно дороже разныхъ недавнихъ дантичскихъ и лейпцигскихъ торжествъ, имѣвшихъ мѣсто «по дипломатическимъ соображеніямъ».

Отбитое у Нѣмцевъ орудіе для разстрѣла аэроплановъ.

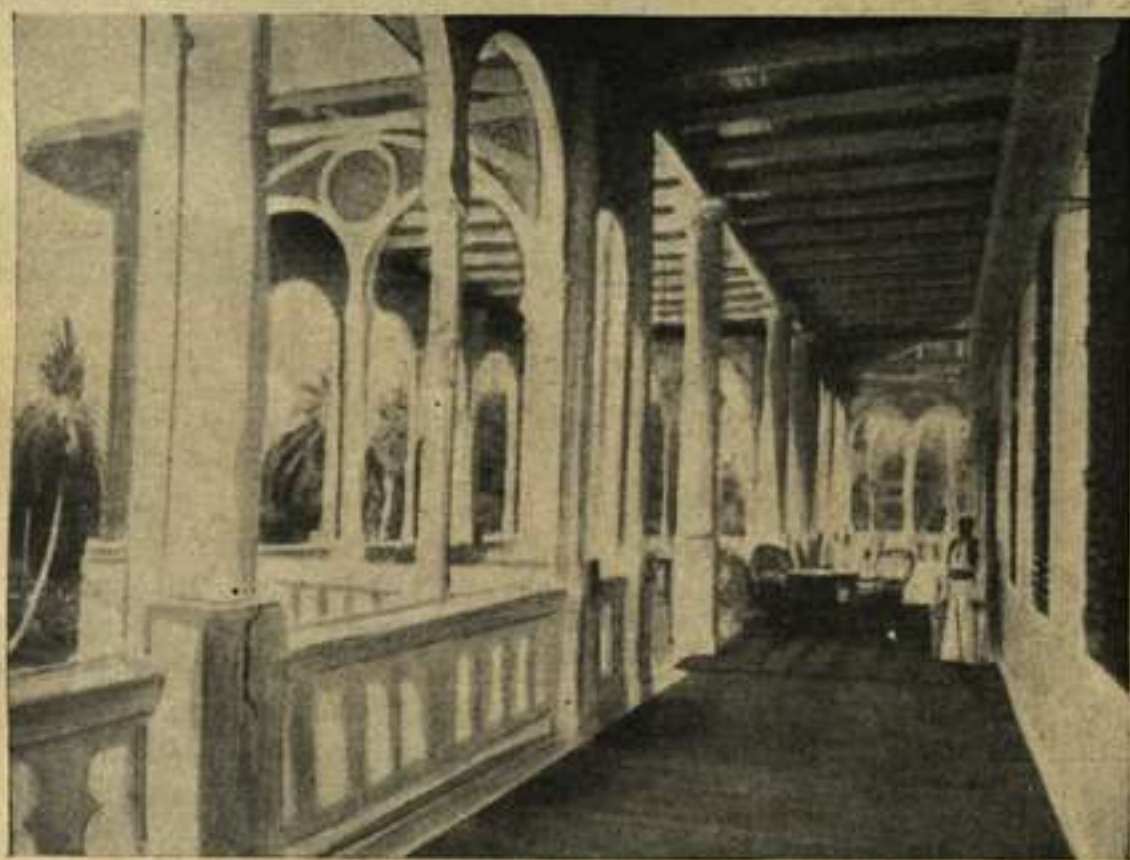
Далеко не нѣмцы свидѣлемъ былыхъ горестей Германіи является могила генерала Порадовскаго на католическомъ кладбищѣ городка Штригау. Генералъ палъ «въ великомъ бою за свободу Европы» въ ночь на 26 августа 1813 г.

Перечень сохранившихся въ одной толь-

ВОЙНА ВЪ АФРИКАНСКИХЪ КОЛОНИЯХЪ.

Дворецъ генераль-губернатора въ столицѣ германскихъ владѣній Восточной Африки—Даръ-эсъ-Салаамъ. Колонія занята теперь Англичанами.

Видъ генераль-губернаторскаго дома со стороны его великолѣпной веранды.

ко Силезіи русскихъ могилъ можно закончить Грейфенбергскимъ кладбищемъ. На квадратномъ камнѣ сидитъ прусскій одоглавый орелъ. Широко распростертыми крыльями онъ прикрываетъ останки 63 русскихъ солдатъ. «Они пали смертью героевъ при взятіи запятого Французами города». Нѣмецкаго гороча!

Нѣмцы могутъ, конечно, упразднить всѣ эти памятники, какъ весьма для нихъ теперь неподходящіе, но свести на-пѣть историческіе факты, записанные кровью въ книгѣ судебъ,—дѣло невозможное. Что записано перомъ,—того не вырубить топоромъ, даже нѣмецкимъ.

В. Анд-ъ.

Прaporщ. Юліанъ Іосиф. Богдановичъ, убитъ въ бою 4 сентября 1916 г.

Не стану съ тронетной тоскою
Я годы дѣтства вспоминать,
И падать ницъ въ борьбѣ съ судьбою,
И слѣпо счастья ожидать.

Есть цѣль завѣтная, и ею
Я окрыленъ,—иду впередъ...
И хоть умомъ еще робѣю,—
Душа и крѣпнетъ и растетъ.

Виталий Янушкевичъ.

Литературныя замѣтки.

Правдивая муза.

Въ началѣ нынѣшняго сентября умеръ въ Одессѣ довольно извѣстный въ первой половинѣ своего творчества поэтъ С. Г. Фругъ. Въ свое время ему прочли болѣе или менѣе славную будущность, ожидали пышнаго расцвѣта его поэтическаго дарованія, его привѣтствовали на литературномъ поприщѣ, но Фругъ такъ и не далъ въ теченіе болѣе чѣмъ тридцати лѣтъ работы (онъ умеръ на 57-мъ году) ничего крупнаго, даже ничего характерно яркаго, ничего такого, что бы могло прочно закрѣпить его имя на страницахъ исторіи русской поэзіи. Стихотвореній этого писателя большинство русской читающей публики или вовсе не знаетъ или, по крайней мѣрѣ, не помнитъ.

Но у С. Г. Фруга, какъ у поэта, есть тѣмъ не менѣе своя собственная физиономія. Отчетливо рисуется въ его произведеніяхъ эта мечтательная, несомнѣнно ода-

ренная натура, глубоко чувствующая, избранная жизнью. Фантазія и темпераментъ влекли его къ героическимъ образамъ далекаго прошлаго, хотѣлось много творить, много выразить изъ тѣснившихся вдохновлявшихъ настроеній, но будничная жизнь предъявляла свои требованія, душила, мѣшала творчеству, да и самая сила его писательскаго таланта—способность легко работать и воплощать—не соотвѣтствовала размаху мечтаній.

Фругъ былъ Еврей, открыто и честно исповѣдывавшій свою національность, искренно ей преданный. Какъ святиню, хранилъ онъ и помнилъ бывшее историческое величіе своего народа, въ его сказаніяхъ и древней письменности черпалъ неиссякаемые источники вдохновенія. Бибія, пророки, псалтырь—нашли въ немъ благоговѣйнаго перелатателя. Можно сдѣлать много упрековъ вышней художественности этихъ переложеній, но чувство въ нихъ всегда страстное, молитвенное, и, обращаясь къ настоящему, онъ взывалъ:

Я молился: «Боже правый!
Воскреси, верни народу

Прaporщ. имѣя И. В. Челокаевъ.
Умеръ отъ ранъ.
Представл. къ Георгіевскому кресту.

Струится въ грудь мою... полна душа
Той тихой радостью, той свѣтлой ти-
шью,
Что вѣютъ въ сумракѣ душастыхъ
вечеровъ.
Со скатовъ и низинъ дѣлпровскихъ бе-
реговъ...

Грустная, меланхолическія настроенія преобладаютъ въ лирическихъ пѣсняхъ Фруга. Въ нихъ глѣтъ никогда ничего пр-

Даръ-эсъ-Салаамъ. Базаръ туземнаго квартала.

Блескъ его минувшей славы—
Силу, мудрость и свободу».

Фругъ, повидимому, искренно вѣрилъ въ возможность созданія новой Іудеи въ Палестинѣ, по крайней мѣрѣ горячо привѣтствовалъ такъ называемыхъ «сионистовъ», привѣтствовалъ добровольческую колонизацію Святой Земли:

Не поинкли вы гордой своей головой,
Вы не пали рабами бездѣля;
И на трудъ и борьбу, средь лишений и бѣдъ,

Но съ великимъ залогомъ грядущихъ побѣдъ,
Унесли васъ свободныя крылья...

Но увя! мнѣ въ удѣлъ не дано отъ судьбы
Ни руки для труда, ни меча для борьбы:
Пѣсня мечъ мой и щитъ мой для битвы...

Да, Фругъ не былъ ни воиномъ, ни сильнымъ поединкомъ работникомъ. Это была тоскующая, мятущаяся душа, находившая отраду лишь въ пѣсняхъ. Да и крѣпко онъ былъ привязанъ къ своей второй родинѣ—Россіи, и называлъ себя самъ не просто Еврей, а Еврей *русскій*. Онъ той же мучительной болѣзненно-родственной любовью любилъ русскую природу, какъ и еврейскую бибію:

Вновь, чудной красоты и нѣги тихой
полны,
Родныя небеса привѣтствуютъ меня,
И вновь у ногъ моихъ, сверкая и звеня,
Широкой Днѣпръ свои живыя гонитъ
волны...

И я вернулся къ вамъ, родимыя поля,
И Божья благодать животельной волною

каго и праздничнаго, за то грусть иногда сгущается до полного, безысходнаго отчаянія:

И безъ просвѣта ночь... и безъ конца
неволя...

Рыдать и все рыдать... О, какъ же ты
горька,

Какъ ненавистна ты, мучительная доля
Пѣши-гробовника!

Церковь въ Даръ-эсъ-Салаамъ, въ Восточной Африкѣ.

Лирика искренности чуждый восторговъ. Его языкъ самое и восточныхъ блейскихъ то, что онъ ствуетъ, т иногда мечной улыбка гордое. Во кимъ неудвокъ изъ радостнаго своихъ эпинамъ пѣсн фигури грустный униженіе.

Скорбна умѣтъ ра не замѣти правду, обныхъ глазъ

Изящно скан» бро эпоха раз философск гадскъ миро

* В. Сен Германія» пеніе сои Ц. 75 коп.

Шт- Нагр При

НА БРИТАНСКОМЪ ФРОНТѢ.—Устроились съ комфортомъ! Самодѣльные кресла изъ зарядныхъ ящиковъ.

Лирика Фруга захватываетъ своею искренностью. Вотъ поэтъ, совершенно чуждый всякой позы, всякихъ красивыхъ изломовъ столь принятой теперь рисовки. Его языкъ простъ и выразителенъ. То же самое и въ эпическихъ опытахъ, въ библейскихъ мотивахъ.—ему удается только то, что онъ действительно глубоко чувствуетъ, только тоскующее и мрачное, иногда мечтательное, скрашенное грустной улыбкой, но никогда самодовольно-гордое. Вотъ почему вышелъ у него такимъ неудачнымъ и безкровнымъ отрывокъ изъ «Пѣсни пѣсней»—этого жизне-радостнаго гимна Иудея-эпикурейца. Въ своихъ эпическихъ наброскахъ Фругъ далъ намъ нѣсколько очень привлекательныхъ фигуръ мудрыхъ раввиновъ, но всегда грустный жребій, всегда земное горе и униженіе.

Скорбная и скромная муза Фруга не умѣетъ ридиться и привлекать. Ее легко не замѣтить. Но, замѣтивъ, почувствуешь правду, обаяніе искренности въ ея грустныхъ глазахъ.

в. о.—пѣ.

Благія намѣренія*

Изъясню изданная, типично «любительская» брошюра. Должно быть, военная эпоха развиваетъ вниманіе къ историко-философскимъ темамъ и влечетъ къ разгадкѣ мировыхъ загадокъ. Но беда въ томъ,

* В. Сенатовъ. «Вавилонъ, Израиль и Германія». Историко-философское объясненіе современной войны. Пгг. 1916 г. Ц. 75 коп.

Шт.-на. л. Евг. Іос. Бончъ-Богдановскій. Награжденъ георгіевскимъ оружіемъ. При атацѣ палъ смертью храбрыхъ.

Подпоруч. А. Н. Малевскій-Малевичъ. Убитъ въ бою 3 сентября.

что это область очень опасная, требующая для свободнаго въ ней обращенія, помимо знаній, трезваго научнаго отношенія къ дѣлу. Романтическія концепціи нигдѣ не распускались такъ пышно, какъ именно на этой почвѣ, но нигдѣ и не облетали такъ быстро. Въ частности дѣло особенно усложняется, если къ спокойному научному интересу примѣшивается острый интересъ злободневности и національной вражды. Полемиическая и обличительная точка зрѣнія, можетъ быть, имѣетъ свой смыслъ на столбцахъ газетъ, въ условіяхъ переживаемой борьбы. Но это не есть во всякомъ случаѣ та точка зрѣнія, которую можетъ занять безпристрастно-равнодушный историкъ, тѣмъ болѣе философъ исторіи.

Въ г. Сенатовѣ виденъ, прежде всего, усердный газетный читатель, чистосердечно пріемлющій въ такой своей философіи хрупкія нити злободневной словесной прижи. Но и, кромѣ того, ему рѣшительно не хватаетъ точныхъ научныхъ свѣдѣній въ области, имъ затронутой. Онъ проводитъ параллель между «Вавилономъ», какъ представителемъ насильственнаго государственнаго объединенія, — и «Израилемъ», какъ представителемъ частно-національнаго принципа. Объ односторонности авторъ беретъ, какъ двѣ крайности, которыя требуютъ своего соглашенія и примиренія въ объединяющей концепціи. Постановка задачи правильная, и она, кстати, была выражена, напримѣръ, въ вѣдственной триадѣ Шеллинга, примѣненной имъ къ развитію христіанскаго міра: 1) насильственное единство (католицизмъ); 2) свободная множественность

(реформація), и 3) свободное единство («будущая церковь апостола Іоанна»). Какъ могъ бы замѣтить авторъ, надъ данною имъ схемой трудилась нѣкогда какъ разъ германская мысль... Не слѣдуетъ быть неблагодарнымъ къ предшественникамъ, хотя бы мы имѣли сейчасъ открытую вражду съ ихъ недостойными прямыми потомками.

Въ схемѣ г. Сенатова одинаково сомнительны оба ея крайніе представителя. Рѣчь идетъ о Вавилонѣ «Навуходоносора» (авторъ сохраняетъ библейскую транскрипцію этого имени, да и вообще аргументируетъ почти исключительно библейскими текстами). Между тѣмъ вавилонская монархія послѣдней эпохи, помимо ея кратковременности (менѣе столѣтій), являлась несомнѣнно меньшей степенью насильственности, нежели предшествовавшая ей ассирійская военная монархія. Если брать типичнаго въ исторіи объединителя «бронированнымъ кулакомъ», то нужно говорить объ Ассирии, а не о Вавилонѣ. Еще менѣе го-

дится въ представители «націонализма» (въ современномъ смыслѣ политико-этнографическаго единства) Израиль; религиозный націонализмъ Евреевъ основывался на фактѣ богоизбранничества потомства Авраама, и фактъ этотъ предшествовалъ самому существованію израильскаго народа. Напротивъ, весь смыслъ современныхъ «націй» заключается въ томъ, что подъ этимъ терминомъ разумѣется духовно-культурное единство этнографически-однородныхъ (какъ Франція) или этнографически-разнородныхъ (какъ Америка) массъ, вырабатываемое всеѣмъ ходомъ ихъ исторіи. Современная

Прапорщикъ М. К. Етковскій. Палъ смертью храбрыхъ въ бою 26 июля 1916 г.

НАЛЕТЪ ЦЕПЕЛИКОВЪ НА АНГЛІЮ.

Въ ночь со 2-го на 3-е сентября нов. ст. толпа слѣдитъ за нѣмецкимъ цеполинномъ, загорѣвшимся въ воздухѣ. «The Illustrated London News».

восточные области), она продолжала сохранять римские имперские традиции и претензии. Византийцы до конца оставались для самих себя не Греками, а Римлянами («Ромеями», по византийскому произношению), и отнюдь не могли бы отказаться от грандиозной концепции мирового единства, еще осложненной религиозным элементом, в пользу какого-то греческого, внутренне-безоформительного партикуляризма.

К историческому дилетантизму у г. Сенатова добавляется и философское. Так его суждения о Гегель (стр. 91) буквально воспроизводят оценку Владимира Соловьева. Но, при всей его огромной эрудиции, богословской ум Влад. Соловьева был плохой судья в вопросах научных оценок. Суждения его о Гегель просто легковесны и подходят к великому германскому философу советом не со стороны его действительного значения. В частности неверно, будто по Гегелю славянство и Россия не имели никакой исторической роли (он признавал эту роль для России в будущем).

Так что брошюра г. Сенатова есть в конечном счете лишь одна из защитных плиток адекой мостовой...

П. Перцов.

«Звездам и камням».

Из длинного ряда появляющихся за последнее время очень безымянных, часто мало литературных, иногда даже прямо безграмотных стихотворных сборников, можно выделить небольшую книгу П. Лучанского «Звездам и камням». * Действительно интересных стихотворений и в ней немного—два—три, но она выделяется, во-первых, несомненной искренностью отдельных настроений, а главное—образцовой строгостью формы, всяким отсутствием той безалаберной распушенности, к которой нас приучили новые стихотворцы. Можно также указать на меткость некоторых выражений, поэтическую красоту некоторых оборотов и образов. Темы также иногда оригинальны и, во всяком случае, разнообразны: тут и чистая лирика, и повествовательные эпические пьесы, и размышления почти что на «злобу дня». Включено в сборник и несколько стихотворений в прозе. Но главный недостаток книги—это неясность большинства тем, неопределенность задачи: что собственно хочет сказать автор? Отсюда невыдержанность и в выполнении: красивое по началу стихотворение испорчено непонятным концом, неудовольствием течением мысли, слишком уж страшным оборотом. Что собственно на сие значить? На этот вопрос не всегда легко ответить. Как мудро понять и самое посвящение сборника:

Камням—эти пьесы, звездам—эти жалобы...

Сравнительно удачны несколько стихотворений, посвященных ночи, раздумьям, бессоннице. В них много искренности:

День прожить. Я один. Пошлюю личину,
Личину гаера, теперь я сбросил прочь.
Я сталь самим собой. И верную личину,
Наперенцу мою, ко мнѣ приводить
ночь.

И никнет голова, и взорь туманять
слезы,
И мается душа, как брошенный челнокъ,
И лѣтъ ей пристани, нѣтъ якоря въ
грезы...
И хочется кричать: зачѣмъ я одинокъ?...
Можно еще отметить маленькую вещицу: «Въ звѣрищѣ» —

Атлетъ съ хлыстомъ—и дикий звѣрь,
Смирный врагъ—и побѣдитель...

* П. Лучанский. «Звездам и камням». Стихотворения. Петроград. 1916 г. Цѣна 1 р. 25 к. Стр. 172.

Балерина Надежда Александровна Николаева. На ее гастроль в Народном доме.

Я замучаю бѣдную душу
Безъ признаній твоихъ, безъ условленныхъ
встрѣчь...
Не поймутъ, не узнаютъ живущіе рядомъ,
Чѣмъ взволнована ты, отчего ты блѣдна,—
Роковая любовь колдуна
Опьяняетъ невѣдомымъ ядомъ...
Я приду растревоженный солъ подстеречь,
Въ забытти ты отдашь безпокойныя
ласки...
Мнѣ не надо признаній, условленныхъ
встрѣчь,
Мнѣ не надо побѣдной огласки...
Ты смутилась, внезапно меня увидавъ,
И въ безмолвьи стоишь неживая...
Надъ судьбой твоей кольца свивая,
Шевелится удавь...

Г. Лагодинъ.

Портреты современныхъ дѣятелей.

Премьеръ-министръ Австраліи Вильямъ Юзь.

Европейская война выдвинула въ первый рядъ политическихъ дѣятелей замѣчательнаго челоѣка—Вильяма Морриса Юза, нынѣшняго австралійскаго премьеръ-министра. Юзь, наравнѣ съ Асквитомъ и Ллойдъ-Джорджемъ, является теперь однимъ изъ популярнѣйшихъ людей Великобританіи, о которомъ приходится слышать и читать постоянно. Жизнь и карьера этого челоѣка очень замѣчательны. Онъ родился въ Уэльсѣ въ 1864 году въ очень бѣдной семьѣ. Окончивъ начальную школу 12 лѣтъ, Юзь долженъ былъ поступить куда-нибудь въ обученіе въ качествѣ подмастерья, но эта перспектива не прельщала умнаго мальчика, и онъ предпочелъ остаться въ своей же школѣ въ роли помощника учителя, чтобы репетировать уроки съ учениками. Маленькій, болѣзненный и невзрачный учитель казался сверстникамъ своихъ учениковъ. На этой скромной должности Юзь пробылъ восемь лѣтъ, и только несчастье—начало глухоты—заставило его перемѣнить мѣсто и толкнуло на путь, который привелъ его къ портфелю премьеръ-министра Австраліи.

Юзь сталъ бродить по лондонской пристани, разглядывая громадные океанскіе пароходы; душа его стремилась къ какому-то невѣдомымъ странамъ, путешествіямъ и опасностямъ и, по странному стеченію обстоятельствъ, особую его любовью пользовались пароходы, совершавшіе рейсы въ Австралію. Въ одинъ прекрасный день онъ рѣшился и отправился на пароходѣ въ эту далекую невѣдомую страну. Тамъ онъ не зналъ ни единой души, денегъ у него не было ни гроша, рассчитывать на какую-либо помощь онъ не могъ, и только слѣвая въ ра въ благосклонность судьбы и рѣдко упорный характеръ поддерживали молодого искателя приключеній. И действительно, жизнь въ Австраліи ожидала его чрезвычайно суровой. Да и здоровье къ тому же было въ очень печальномъ состояніи.

Онъ брался за всякую работу, лишь бы только прокормиться: былъ и пастухомъ, и матросомъ, служилъ грузчикомъ на желѣзной дорогѣ, одно время учительствовалъ въ импровизированной степной школѣ. Однажды онъ отправился съ компаніей золотопромышленниковъ въ экспедицію въглубь страны, но чуть не погибъ отъ жажды и всевозможныхъ лишений. Энергія этого челоѣка изумляла всѣхъ: никакія страданія, никакая борьба его не страшили. Впрочемъ и здоровье его нѣсколько поправилось отъ физическаго труда и кочевой жизни. Юзь, всегда задумчивый, сосредоточенный и молчаливый, зорко наблюдалъ жизнь и всѣ свободныя деньги тратилъ на покупку книгъ. Въ эту эпоху своей жизни онъ дополнилъ самъ свое скудное образованіе.

Въ скоромъ времени онъ сталъ появляться на всѣхъ сборнщахъ и собраніяхъ рабочихъ, и изъ него выработался прекрасный митинговый ораторъ, краснорѣчивое слово котораго неизбежно покоряло толпу. Этотъ рѣдкій даръ, эта внутренняя сила быстро выдвинули его, прославивъ на всю Австралію. Черезъ десять лѣтъ со дня пріѣзда въ эту страну, Юзь попалъ въ парламентъ депутатомъ. Карьера его была обеспечена, и здѣсь онъ скоро приобрѣлъ большое вліяніе своимъ ораторскимъ краснорѣчіемъ. Въ 1904 году онъ былъ назначенъ

Колдунъ.

Роковое кольцо, безопадный удавь—
Колдуна напряженная воля...

Красивы въ своей простотѣ строки, посвященные «моей звѣздѣ»:

За темной тканью сонныхъ вербъ,
Надъ зеркаломъ пруда,
Гдѣ тонетъ въ тнѣхъ лунный серпъ,
Горитъ моя звѣзда...

Въ «стихъ объ епископѣ Лазъ-Казасѣ» есть мѣстами та спокойная пролическая поивствительность, которая такъ плѣняетъ въ среднеѣвковыхъ легендахъ Майкова. Авторъ говоритъ о страданіяхъ краснокожихъ, обращенныхъ въ рабство бѣлыми проповѣдниками:

Гнетъ ихъ голодь, мветъ болѣзнь,
Давитъ судъ въ заморскомъ вкусѣ,—
Впрочемъ, слухъ имъ нѣжить пѣснь
О сладчайшемъ Исусѣ!..
Очень ужъ странное разнообразіе темъ

даетъ впечатлѣніе чего-то дилетантскаго, тѣмъ болѣе, что въ небольшой сборникъ вошли произведенія цѣлыхъ 15 лѣтъ творчества, но такой характеристикѣ не соответствуетъ вполне законченная техника, обличающая опытнаго, искуснаго версификатора. Приятно встрѣтить въ нашъ распушенный вѣкъ эту законченную строгую форму.

Р.— Противъ воли твоей я покой твой нарушу,—

27 ЛАБОРАТОРИИ ЭДИССОНА.

Знаменитый ученый за скромнымъ уникомъ со своими помощниками передъ краткимъ ночнымъ отдыхомъ.
См. Мелочи: «Какъ работаетъ Эдиссонъ».

ПАВШИЕ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ.

Корнетъ Влад. Влад. Куликовскій. Убитъ 14 марта 1915 г. Прапорщикъ Всев. Влад. Куликовскій. Убитъ 18 сентября 1915 г.

Евев. Влад. награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст. за то, что во время конной атаки нѣмецкихъ окоповъ 18 сентяб. 1915 г. у фольва Курополь, отдѣлившись по своему почину отъ эскадрона, атаковалъ взводомъ сначала пѣхотное прикрытіе, а затѣмъ два нѣмецкихъ орудія съ зарядными ящиками, истребилъ прилегу, запергъ орудія и ящики и, свѣвъ на передокъ, началъ вывозить орудія, но подоспѣвшей непріятельской пѣхотой былъ смертельно раненъ и вскорѣ скончался, смертью запечатлѣвъ своей подвигъ.

мнѣнstromъ иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ и генеральнымъ прокуроромъ. Вся его дѣятельность въ этой демократической странѣ была проникнута чисто демократическимъ духомъ, и онъ былъ однимъ изъ убѣжденнѣйшихъ антимилитаристовъ. Тѣмъ болѣе интересна метаморфоза, происшедшая съ этимъ человекомъ съ самаго начала европейской войны.

Юзъ сразу преобразился, забылъ о своей нелюбви къ военщицѣ и пошелъ рука объ руку съ англійскимъ правительствомъ. Благодаря его энергіи, британская армія увидѣла въ своихъ рядахъ многочисленную полчища уроженцевъ Австраліи, храбро сражавшихся на Галлипольскомъ полуостровѣ, а въ па-

чаніи конференціи, Юзъ заторопился въ Австралію, чтобы усилить дѣятельность по набору солдатъ для арміи. Но Англія неохотно отпускала его: она услѣла оцѣнить таланты этого невзрачнаго на видъ, худого и полуглухого человека. 25 іюля с. г. въ палатѣ лордовъ лордъ Тэмплтоунъ запросилъ правительство, не сочтетъ ли оно нужнымъ удержать Юза въ Англіи. Сейчасъ этого требуютъ общественное мнѣніе всей страны и имя новаго государственнаго человека приносятся на всехъ митингахъ.

Мелочи.

Какъ работаетъ Эдиссонъ.

Томасу Эдиссону на днѣхъ исполняется 70 лѣтъ. На самомъ дѣлѣ знаменитый «колдунъ», какъ его называютъ въ Америкѣ, выглядит гораздо моложе, и ему трудно на видъ дать больше 50 или 55 лѣтъ. Это тѣмъ болѣе странно, что изобрѣтатель ведетъ до сихъ поръ очень тяжелую трудовую жизнь: сонъ, ѣда, день, ночь, все эти факторы, регулирующие жизнь обычныхъ людей, не существуютъ для Эдиссона, когда онъ занятъ работою, а работаетъ онъ почти всегда. Поэтому Эдиссонъ не считается ни съ часами, ни съ движеніемъ солнца и не отрывается отъ занятій до тѣхъ поръ, пока мысль его не перестаетъ работать въ извѣстномъ направленіи. Въ обычное время, когда Эдиссонъ не занятъ какимъ-нибудь особеннымъ дѣломъ, онъ спитъ пять часовъ въ сутки, отъ 2 час.

Капитанъ I ранга Н. А. Вираиусъ, погибшій при исполненіи боевого долга, сынъ адмирала.

стоящее время—во Фландріи. Но еще замѣчательнѣе его дѣятельность въ другой области: Австралія фактически была въ рукахъ Нѣмцевъ, имъ принадлежали все главныя отрасли промышленности, все желѣзные, мѣдные, цинковые рудники, такъ что въ началѣ войны, какъ это ни дико, Англичанамъ приходилось получать нужные металлы черезъ эти нѣмецкія общества. Юзъ сумѣлъ положить конецъ этому возмутительному положенію вещей и повелъ такую охоту на Нѣмцевъ, что они, по собственному его выраженію, «впредь будутъ избѣгать Австраліи, какъ зачумленнаго мѣста».

Въ октябрѣ 1915 года Юзъ занялъ постъ австралійскаго премьеръ-министра, а въ началѣ 1916 года онъ былъ приглашенъ въ Англію для совѣщанія съ Асканомъ по важнѣйшимъ вопросамъ мировой политики. Тогда же онъ отправился въ Парижъ на экономическую конференцію союзниковъ. По окон-

почи до 7 час. утра. Но какъ только въ умѣ его зарождается новая мысль, является какой-нибудь интересный проектъ, размысленный образъ жизни прекращается, жизнь идетъ какъ понало. Эдиссонъ фактически живетъ тогда въ лабораторіи. Однажды онъ такъ увлекся опытами, что, не умываясь и не отдыхая, провелъ въ этой лабораторіи три дня и четыре ночи, пока наконецъ не пріѣхала мистрисъ Эдиссонъ, его жена, и не увезла его почти насильно домой. «Человекъ такъ созданъ, что нѣтъ на свѣтѣ такихъ условий, къ которымъ онъ не могъ бы приспособиться», такъ говоритъ Эдиссонъ. И ему же принадлежитъ извѣстная фраза: «Вы все твердите: талантъ, талантъ... А талантъ это не что иное, какъ 2% хотѣнія и 98% потѣнія». Этимъ Эдиссонъ указалъ на необходимость самаго упорнаго и усидчиваго труда, «потѣнія», чтобы достигнуть дѣйствительныхъ результатовъ въ работѣ или творествѣ.

Въ другой разъ, Эдиссонъ, проведя

Подпоручикъ Мих. Юр. Ниротморцевъ. Скончался отъ ранъ 4 сент. 1916 г.

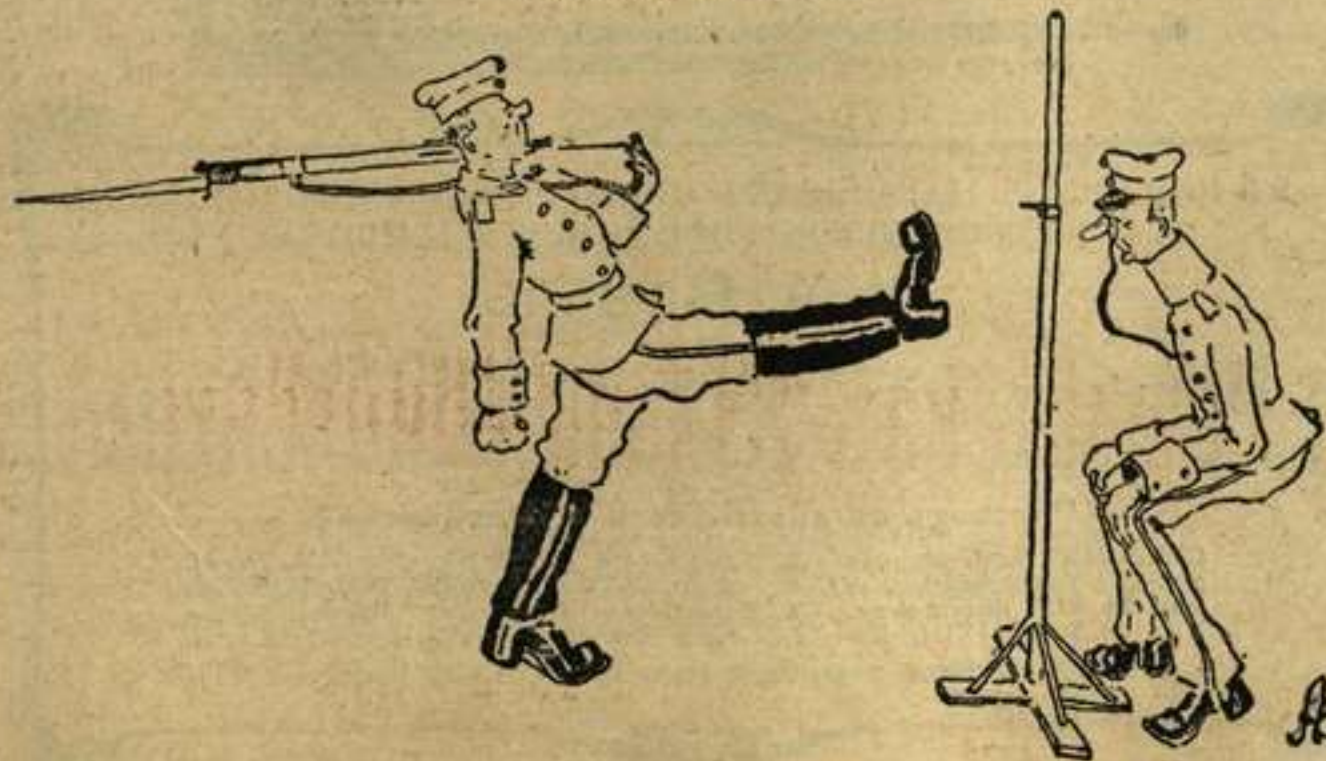

Александръ фонъ-Клейке, 54-хъ лѣтъ былъ зачисленъ, осенью 1914 г., въ 12 драгунскій Стародубскій полкъ въ чинѣ корнета. Палъ въ бою 22 августа 1915 года. Награжд. орденомъ св. Георгія 4 ст.

ся тутъ же на столѣ и черезъ 30 секундъ уже спитъ. Это его давнишняя любимая привычка. Много лѣтъ онъ при этомъ снималъ съ себя пиджакъ и клалъ его подъ голову вмѣсто подушки, но затѣмъ сталъ пользоваться уже настоящей подушкой, дабы не тратить напрасно время на складываніе пиджака. Чтобы понять его, надо вспомнить, что время такого сна никогда не превышаетъ десяти минутъ. При малѣйшемъ прикосновеніи одного изъ помощниковъ, онъ вскакиваетъ и съ удвоенной энергіей принимается за дѣло. Горе тому, кто не разбудитъ его въ нужную минуту: добрый и всегда вѣжливый, тутъ онъ приходитъ прямо въ бѣшенство.

Въ 1912 году Эдиссонъ съ головой ушелъ въ усовершенствованіе одного изобрѣтенія. У него въ лабораторіи работало семеро молодыхъ людей. Работа не клеилась, опыты не удавались. Помощники Эдиссона, здоровые, молодые люди, горячо преданные своему патрону и его дѣлу, очень утомлялись отъ усиленныхъ занятій и охотно шли по вечерамъ домой для обычнаго восьмичасоваго сна. Эдиссонъ, очень недовольный и собой, и ходомъ работъ, сказалъ имъ однажды: «Друзья мои, такъ мы ничего не добьемся. Давайте примемся хорошенько за дѣло. Увѣрю васъ, что вы можете тратить гораздо меньше времени на сонъ». Въ теченіе пяти недѣль вся компанія во главѣ съ самимъ Эдиссономъ работала до 150 часовъ въ недѣлю. Никто не обращалъ вниманія, день это или ночь, огни въ лабораторіи горѣли круглыя сутки. Бли, когда понало и что понало, спали по 3—4 часа. Для самого Эдиссона это было дѣломъ привычнымъ, но помощники очень страдали въ первые дни. Они бродили, какъ сонныя мухи, съ красными отъ усталости глазами, съ тяжелыми вѣками, чувствовали себя совершенно разбитыми. Но чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, и къ концу первой недѣли они къ собственному удивленію перестали уставать и чувствовали себя отлично, даже энергіи какъ будто прибавилось. Опытъ этихъ молодыхъ людей побудилъ многихъ задуматься надъ вопросомъ: не могутъ ли все вообще люди тратить поменьше времени на обычный сонъ? Эдиссонъ утверждаетъ, что все люди спать слишкомъ много, и притомъ это потому, что у насъ нѣтъ такого захватывающаго по интересу занятія, какъ у него. Ни одинъ человекъ, по его мнѣнію, не можетъ долго работать надъ дѣломъ, которое его не захватываетъ за живое, а если ему приходится работать противъ воли, то онъ страшно утомляется и тратитъ черезъ силу. Вторая причина, почему мы привыкли къ долгому сну, та, что все мы слишкомъ много ѣдимъ и обременяемъ желудокъ, что способствуетъ сонливости. Самъ Эдиссонъ ѣсть чрезвычайно мало, алкоголь считаетъ ядомъ, который совершенно нелѣпо и смѣшно вливать въ организмъ, а трудъ называетъ не только полезнымъ, но даже абсолютно необходимымъ для формальнаго здоровья.

ПРУССКАЯ ВЫПРАВКА.

— Послушай, ты опять, каналья, и а два сантиметра ниже ногу держишь!

Редакторъ М. Н. Мазаявъ. Изданіе Товарищества А. С. Суворина — «Новое Время».

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданию Книгоиздательства „БЛАГО“. Вы безусловно **БЫСТРЕ** и **УСПЕШНЕ** достигнете намеченной цели, чем при занятиях у учителей. С первой же лекции Вы заинтересуетесь изучаемым предметом, и так как Вам не придется напрягать свои силы на изучение науки, то заранее можете быть уверены, что легко, без напряжения

Вы начатое дело доведете до конца.

За 7 лет применения в России своих методов заочного обучения Книгоиздательство „БЛАГО“ успело дать законченными занятиями сотням тысяч подлинников своих. Не ограничивайтесь же одним чтением этого объявления. Найдите нам сейчас же о высылке нашего проспекта, а ознакомившись подробно со всеми нашими изданиями, выберите:

Гимназия на дому

20 томов по 280—360 стр. Для заочного прохождения всего курса средне-учебных заведений, для подготовки на звание полноправного учащегося, классный члн, актеп. учен., высш. начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всех

10 том. по 90—112 стр. Для заочного прохождения курса рисованн, живописи и прикладного искусства.

Академия иностранных языков

Французскн, Англнскн и Немскн языкн. Каждый язык состоит из 10 томов. Для заочного изучения языков.

Академия коммерческих знаний

15 томов по 250 стр. Для изучения всех коммерч. наук: бухгалтерн, ком. корр., ком. арнм., товарнфд., банкн. дѣлн, финанс., биржн и т. д. и т. д.

Народная школа

10 томов по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотннх.

Пособие по русскому языку

4 тома—9 руб. Бухгалтерн. 4 тома—5 р. 60 к.

Коммерческая Корреспонденция

Русскн, Французскн, Англнскн. Каждая по 1 р. 40 к.

Коммерческая арифметика

1 руб. 40 коп.

Арифметич. задачник, Алгебраич. задачник

По 2 руб.

Библиотека языкознанн

Для усовершенствованн в языках. Франц., англ. и нем. по 45 коп. за книжку.

Краткнй проспект БЕСПЛАТНО

— Подробннй 15 коп.

Корреспонденцню адресовать:

Въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Глазковая ул., с. д. 18.

Собств. магазины

ПЕТРОГРАДЪ, Невскнй 65; МОСКВА, Мясницкая 18.

Въ сентябрьскнхъ номерахъ **„ВЪСТНИКА МОДЫ“** помѣщено 154 рис. дѣтскаго и дѣтскаго туалета: 81 рис. руководящнхъ и 82 выкройки. Проступокъ молодости, раз. Фр. Коппе. Воспитанн дѣвушекъ, М. Мануэль. Основныя вещества въ шнфѣ. Курьезъ гигиеническаго питанн, Проф. Пако. Меню завтрака и обѣда съ подробннмъ изложениемъ приготовленн, Е. Николаевой. Химическая стирка платя и бѣлья. Путь къ счастью. Беседа третнхъ. Отчего мы краснѣемъ. Почтовый ящикъ. Журналъ до 1-го сентября распродаѣтъ. Принимается подписка зъ 1-го сентября на 8 мѣсяца. Цѣна 2 р. 50 к. Новнй адресъ конторы: Петроградъ, Александрннская пл., 9.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. СУВОРИНА—**„НОВОЕ ВРЕМЯ“**
НИКОЛАЙ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX столѣтн
Томъ первый. 1800—1850 гг. Критика.—Романъ.—Поэзн.—Драматургн.—Съ приложениемъ синхроннстической таблицы, указателя и полной бнблнографн. Изданн 2-е. Исправленное и дополненное. Стр. XII+617. Цѣна 3 рубля.
Томъ второй. 1850—1900—1915. Критика.—Романъ.—Поэзн.—Драматургн.—Съ приложениемъ синхроннстической таблицы, хронологн писателей, полной бнблнографн алфавнтнаго указателя къ обнмъ томамъ и очерка развитн формъ и направленн повѣйшей русской литературы (1890—1900—1915). Стр. VIII+692. Цѣна 3 руб. 50 коп.

НОВАЯ КНИГА:
И. Б. Смольяниновъ.
ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЬ
(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ).
Изданн М. А. Суворина. Цѣна 2 рубля.
Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и на ст. ж. д.

Вышло 6-е изданн (15-я тысяча) **„ГИГИЕНА БРАКА“**. Женщ.-врача Волковой. Ц. 75 к.
Содержанн: Нуженъ ли бракъ. Воспитанн дѣтей. Воспитанн дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитанн юношей. Проституцн. Выборъ жены. Женнхнство. Вступленн въ бракъ. Гнгиена брачной жизни. Искусственное безплодн. Разводъ. Бездѣтные браки и т. д.
Книжннй магазинъ „Новаго Времени“, Петроградъ, Невскнй, 40.

ЗАСТАРѢЛЫЕ ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ несваренн желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленн подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствн оказываетъ Стомокснгенъ Д-ра Антона Мейеръ. Стомокснгенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и прнятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отлущн изъ всѣхъ ант. по рец.вр.
ЗАПОРЫ
БУХГАЛТЕРІЯ и коммерческое самообразованн. Заочное обученн. Каллнграфн, стенографн, правописанн и проч. **АТЕСТАТЪ**. Льготныя условн поднщн и пробна лекцн **БЕСПЛАТНО**.
Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразованн». Б. Ружейная, 7—11.

СВѢТЪ ВЪ ОКОПАХЪ! Небывало долго горнщн
ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ съ отдѣльнымъ рефлекторомъ аккумуляторныя и батарейныя **СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРЕТЕНІЙ**
Петроградъ, Морская, 33.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу карта **ОКРЕСТНОСТЕЙ г. ПЕТРОГРАДА.** Цѣна 30 коп.
Изданн А. И. ЗАГРЯЖСКАГО, гор. Петроградъ, Разъѣзжая, 14.

РЕВМАТИЗМЪ
Шипучнй діэтилєнъ-діэминъ
МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО Т-ВА.
является, какъ содержащнй **ПИПЕРАЗИНЪ** средство противъ ревматизма, какъ остраго, такъ и хроническаго, такъ также противъ всѣхъ формъ подагры, мочекакаго діэтеза и мочевого песка, равно и почечныхъ и почечныхъ каменнхъ.
Во всѣхъ этихъ случаяхъ, его дѣятельная сила обязана его раствору и ому дѣйствн на органическн соли, отлагающнся при названнхъ болѣзняхъ въ суставахъ и другихъ тканяхъ.
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
Въ виду повнвшася въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте **ДИЭТИЛЕНЪ-ДИАМИНЪ** только **Медико-Фармацевтнческаго Товарищества**. Каждый флаконъ снабженъ фабричною маркою, рисунокъ котормъ видѣнъ напечатанъ. Безъ фабричной марки на флаконѣ, это есть вредна ввсуда негодная поддѣлка. В р о ш и р и выслалася бесплатно по первому требованню.
Цѣна 1 флак. **ДИЭТИЛЕНЪ-ДИАМИНА**—4 р.
Главннй складъ депо Медико-Фармацевтнческаго Товарищества:
ПЕТРОГРАДЪ, уголъ Невскаго-Садовая, 15. Отл.—114.

НОВАЯ КНИГА:
В. П. ОПОЧИНИНЪ
ВЪКЪ НЫНѢШНІЙ
КНИГА РАЗСКАЗОВЪ.
Цѣна 2 рубля.
Изданн Т-ва А. С. Суворина—**«Новое Время».**

Въ книж. магаз. Т-ва А. С. Суворина—**«Новое Время»** продается книга
ЦАРЬГРАДЪ И ОКРЕСТНОСТИ.
Историко-художественное описанн **А. Барта.**
248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
Переведъ **Н. М. Лаговъ.**
Дополнено **Н. Н. Пѣшковымъ.**
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Въ книжныхъ магазинахъ **«НОВАГО ВРЕМЕНИ»** по одается **НОВОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ**
Х. А. ВЕЧЕЛЬ
Романъ изъ Жизни Школьника
Переводъ съ англнскаго А. Витковской
СОДЕРЖАНІЕ: I. Маноръ.—II. Цезаръ.—III. Дослѣ попойки.—IV. Торпеды.—V. Товарищество.—VI. Откровенн.—VII. Реформа.—VIII. Вернъ-Боскнбель.—IX. Тяжелые дни.—X. Наказанн.—XI. Домъ съ привнлнн.—XII. У Лорда.—XIII. Погибать такъ погибать.—XIV. Покойно! ючи.
Цѣна 2 рубля (въ переплетѣ).